

СМЕРТЬ ЭКЗЕКЮТОРА



Марика Становой

Annotation

Империя бессмертных мутантов, несущих добро и счастье, захватывает Землю и их глашатай пытается подружиться с земным диверсантом-убийцей...

Марика Становой
Смерть экзекутора

Глава 1. Они прилетели! Сергей

Земляне сошли с ума.

Нет, Сергей всегда знал, что люди в массе идиоты. Зачаточные мозги среднего обывателя худо-бедно работали при условии, если клиента выловить один на один, хорошо зафиксировать в темном месте у теплой стенки и задавать правильные короткие вопросы. Тогда землянин, поставленный в безвыходное положение, судорожно активировал неиспользуемые резервы и начинал думать. Но как только люди собирались в свободное, на первый взгляд никем не управляемое стадо, да хотя бы в компанию из трех-пяти человек, то их башки словно превращались в тупые бараньи головы. А толпа баранов безмозгла по определению.

Раньше твердили, что телевизор — ящик для дураков. Ха! Это еще не было интернета. Сеть доделала черное дело, начатое Ти-Ви, и мир заполнили безмозглые марионетки.

Витька-Гугл ушел добывать информацию, хотя Сергей считал, что это бесполезно. Бразильерос совершенно обалдели от наплыва безумных перспектив и контакта с космосом. Местное телевидение то тухло, то гасло и несло ахинею. Интернет работал и того загадочней, прыгая по неведомой траектории и ещё отовсюду лезли новые странички и выскакивали осточертевшие окошки с пришельцами. Сергей в сердцах сплюнул, когда данные рабочей кредитной карты наконец отошли куда надо и ему вернулось подтверждение билета до Франкфурта-на-Майне. Пётр с Суреном подсуетились, успели влезть и смыться домой вместе с семьями дипмиссии. А их с Витькой честно оплаченный самолёт отменили. Рейсы вообще отменяли один за другим. Сергеем овладело нехорошее ощущение, что он в ловушке. Земля такая маленькая, а пешком из Бразилии в Европу не дотопаешь. Самолеты Сергей и так не любил, особенно гражданские, которые из-за любой ерунды могли слететь с намеченной трассы. Среди пассажиров могли оказаться какие угодно психи, банда террористов-самоубийц, к примеру. Или в багаж могла загрузиться неожиданная посылка. Очень не хотелось самому оказаться на том пути, куда он посылал клиентов. Сергей криво усмехнулся: тогда он весьма глупо сыграет собственное прозвище — «Милкин Вэй». К тому же он теперь сам по себе «Вэй» без «Милки».

Сбоку экрана на рекламном баннере скакали зеленые человечки, приглашая в «Знакомство» — на интерактивные страницы прямой трансляции с так называемого корабля «Содружества Планет». Маленькую блёстку, парящую в небе как синяя незабудка, можно было видеть время от времени невооруженным глазом. Огромный корабль висел на орбите и регулярно перемещался, чтобы все человечество могло убедиться: «Ура, они наконец прилетели!»

А их операцию отменили. Зря они пёрлись спецрейсом в эту душную и грязную Америку. Без толку сидели полмесяца, ожидая пока сойдутся звезды и можно будет завершить готовившуюся несколько лет операцию. Бездейственно наблюдали, как звезды сложились в фигу и мир покатился в безумие. А теперь завершающий акт: «Добирайтесь гражданскими линиями!»

Нет, чтобы он прямо так рвался «отправить на Млечный путь» очередного посаженного на крючок клиента. Их стреляй не стреляй, они плодятся как обожравшиеся мухи и лично ему не мешают, а даже содержат. И Ленке с матерью хватает. Но группа получила бредовый приказ сдать оружие и валить домой на своих двоих. Это настораживало. Да что

«настораживало»! Это не лезло ни в какие ворота и вгоняло в панику.

Всем дали бессрочный отпуск. В другое время он бы радовался: редкая возможность побыть дома! Помочь сестре, не видящей продыху с матерью. Побывать с мамой, которой, собственно, все равно, но иногда и у неё бывали минутки просветления. Да и в деревенском доме, на природе маме становилось лучше. Она даже выныривала из своего замкнутого мирка и пыталась отвечать и делать всякую ерунду по дому или на огороде. В Москве же она только спала или пыталась разговаривать с давно погибшим на её глазах мужем. Их с Ленкой отец, коренной бакинец, искренне верил, что все люди братья и безоружный пошёл уговаривать национал-бандитов, устроивших погром на соседней улице. Мать еле успела вернуться в дом, схватить еще грудную Ленку и, гоня перед собой старшего сына, смогла убежать. Увезла детей через половину разваливающейся страны в тихий угол, на свою родину — Вышний Волочек.

Там, недалеко от егерской сторожки, в глухих лесах у истоков Волги он сделал схрон, где спрятана его родная милая снайперка — «Милка». Из-за которой он и прозвище свое дурацкое получил — Милкин Вэй. И еще там запас продуктов на черный день, которого хватит на пару месяцев. Если Ленка не будет душой и увезет мать в деревню, то там можно пересидеть любой катаклизм. Ну, кроме уничтожения самой планеты. Главное, подальше от больших городов! Подальше от любых городов, стратегических центров, революций и перераздела.

Лично он объявил бы о всеобщей мобилизации и массовом вооружении. Но он кто? Песчинка в пустыне, куда пришел хамсин. Пешка, делавшая на отлично свою маленькую работу. Истреблявшая сволочей, рвущихся к власти по чужим трупам.

Ничего, Ленка вполне в силах справиться со случайными мародерами — недаром они оба все детство пропадали на стрельбище. Хотя вряд ли какой бандит попрётся по почти необитаемой стороне озера к сторожке. Чего там искать? Все будут пастись у городов, где собраны блага цивилизации. А то, что мародеры будут, он ни секунды не сомневался.

Только бы не перекрыли Атлантик! Самолеты редко, но пока летают. Через океан переберется, а там уже по суху раз-два и дома. Главное — добраться до Европы. Но он добираться умеет. По суше — куда угодно.

В интернете играла всё та же осточертевшая шарманка.

«...В ближайшее время планируется создание международной комиссии, которая займется созывом первого планетарного правительства. Наконец-то кончатся войны и человечество снова будет едино!»

Новостные каналы сошли с ума. Забылись украденные трусы медиальной супер-стар и сногсшибательные расследования: кто с кем когда переспал. Международная грызня переместилась на новый уровень — где будут строить так называемые «Образовательные центры». Приближалась невообразимая заваруха. Умные люди уже нагрузились запасами и окопались в глуши.

По всем каналам на всех языках визжало и вопило: «И вот они прилетели!» Прямо как писали в книжках и снимали в фильмах. Гигантский корабль появился из ниоткуда и повис на орбите у Земли.

Земля ликовала: пришельцы — гуманоиды! Более того — явно люди, и еще более того — хотят делиться знаниями!

А пришельцы были тихи и осторожны.

Посол пришельцев, господин Сейо, высокий, атлетически сложенный и смуглый

мужчина со слегка раскосыми глазами излучал доброжелательность. Господин Сейо напрямую подсоединился ко всем информационным системам, чем создал безумную панику. Но посол был исключительно вежлив и терпелив, а так же свободно говорил по-русски и по-английски. Потом оказалось, что он хорошо владеет испанским и китайским. Посол сразу очаровывал не только физической красотой, почти неприличной для политика, но был безупречно приятен каждым жестом и словом. Он сразу попросил прощения за причиненный шок и сказал, что будет общаться со всеми правительствами и народами на равных. Ему неважно, насколько великая мощь стоит за плечами того или иного правительства, насколько экономически развитую или политически сильную страну представляет эта власть, для Гуманитарного Содружества Планет все равны: государство или отдельный человек. Каждый сможет свободно общаться и найти новые знания. Естественно, это требует некоторой подготовки и времени. О-о-о, конечно, некоторых ресурсов. Но все в наших силах. И постепенно все у всех будет.

Да, конечно, ученые, медики и военные, как и любые правительственные делегации будут допущены на корабль, также будет предоставлена любая информация о культуре, экономике и биологии пришельцев. Поверьте, мы практически ничем не отличаемся от вас, ну, возможно, немного меньше боеем! Он бы с радостью допустил и любых туристов, но даже ученые не все поймут на корабле. И надо много работать вместе, чтобы человечество воссоединилось с космическим сообществом на равных. Да, наши технологии позволяют присоединиться к вашей системе связи и мы просим прощения, что некоторое время шпионили за вами, чтобы выучить новые языки и контактировать цивилизованно. Но зато теперь мы все будем говорить на одном, общем языке Содружества! И мы не хотим вооруженных и каких-либо иных конфликтов, ведь жизнь драгоценна сама по себе, и каждое живое существо уникально и ценно для жизни во вселенной.

Посол выходил на связь со многими правительствами. Громадный космический корабль на орбите был виден каждому любопытному. Сейо убаюкивал и пел соловьем:

— Никакая экскурсия не сможет показать сразу весь объем знаний и возможностей, которые мы вам привезли и которые будут доступны каждому. Однако первым шагом мы хотели бы инсталлировать инкубаторы — медицинское оборудование, омолаживающее все ткани и органы. Поэтому мы просим выделить небольшой участок земли. Собственно, два небольших участка, где всё равно никто не живет. Один в Азии — да, это наша старая Шамбала, а другой в Америке. Вы знаете это как пещерный город инков в Перу. Мы обновим их для посольств Сообщества. И, конечно, это будут не только посольства, но и учебные центры. Базы, откуда наука и знания разойдутся по Земле — этой, несколько тысячелетий назад отколовшейся части всегалактического человечества. Вам надо столько догонять! Ваша планета вольется в Сообщество, а это новые люди, новый взгляд на мир и новый стимул для прогресса! Нет, наши сотрудники никуда не будут ходить без разрешения ваших правительств, мы надеемся, что это вы придете к нам. Нет, у нас нет опасных для вас вирусов или инфекции, вы также нам не опасны, мы все принадлежим единой расе. Да, мы немного разные из-за разного уровня развития технологий и науки, но все поправимо!

Нет-нет, расстояния роли не играют, и будет даже лучше и проще для всех, что первое время мы будем немного недоступны для массовых посещений — надо подтянуть общий уровень землян. Да, мы согласны вложить любой залог в драгоценных металлах или любой валюте за официальный переход этих маленьких кусочков территории во владение Содружества. Но мы же знаем, что эти центры будут принадлежать Земле. Посольства будут

временные, пока среди вас не вырастут свои учителя и человечество не подтянется до общего уровня Сообщества. Тогда всё перейдёт обратно во владение Земли.

Сергей видел по интернету, как представитель господина посла прилетел на первую встречу в небольшом каплевидном катере размером с два автобуса. Прямые репортажи правительственных заседаний и записи ранее секретных операций самым подлым образом текли и текли неостановимым потоком. За этим безобразием в открытую стояли пришельцы и это сводило с ума.

Катер не создавал много шума и не имел видимых двигателей. Он тихо мурчал, как сытая кошка и отлетел, дождавшись, когда от его бока отлепят кишку шлюза-перехода, ведущую прямо в изолятор, организованный в военном городке, который в мгновение ока вырос посреди Казахской степи... Босиком и в легкой тунике, представитель пришельцев, похожий на греческого бога, но назвавшийся просто Карлом, добровольно прошел через созданный военными медиками безопасный шлюз и мирно просидел в изоляторе две недели, спокойно подвергаясь разным тестам и допросам, в то время как второй представитель (на этот раз выглядящий чистым африканцем, но тоже весьма спортивного сложения) скучал и проверялся в подобном же изоляторе на другой половине земного шара.

Посол обращался ко всем правительствам и народам Земли с приветственной речью, извинившись, что выучил только четыре языка. О, на Земле столько разных языков! Он просто не может выучить их все, хотя технологии и позволяют сделать это в течение короткого времени! Посол лично приедет подписать договор о ненападении и договор о сотрудничестве. Это все равно, с кем и когда он подпишет договор первым, все народы равны и все получают равные возможности учиться и войти в сообщество! Сообщество пользуется единым языком. Вы забыли его, но и у вас сохранились предания... Да, традиционно существуют и местные языки, наравне с общим... Да, конечно, мы научим вас, это несложно! Как только мы построим центры. Совместно мы разработаем новую школьную программу. У нас есть готовые программы, вы не первая планета, присоединившаяся к содружеству, но, естественно, программа должна быть скорректирована в зависимости от местных условий.

* * *

Некоторые люди и даже некоторые правительства подозревали неладное, но что? И если бы они хотели поставить какие-то барьеры или воспротивиться, то что они могли сделать? Центры начали строиться и строились. На космический корабль летали постоянные экскурсии от разных правительств, совмещенные с оздоровлением экскурсантов. Дряхлые дедки и морщинистые тетki вылезали из инкубатора молодыми и бодрыми. Первая подопытная старушонка, пойманная в каких-то тущобах и привезенная на корабль под видом бабки китайского дипломата, стала тридцатилетней секс-бомбой и победно ездила с круизами по всему миру. Китайские спецслужбы и медики не смогли тайно спрятать ее и разрезать на препараты: возмутительным образом любая, ранее абсолютно секретная информация вживую бежала по всем каналам связи...

Доброжелательные пришельцы, выглядевшие абсолютно по-человечески, но все как один молодые и красивые, водили делегации по кораблю, отвечали на вопросы и были весьма терпеливы. Конечно, земляне — новые сограждане. Пока слегка отсталые, но

постепенно сольются в единстве с галактическим обществом.

Одно это должно было поставить все правительства на уши. И кое-кого поставило. Отправленного в бессрочный отпуск Сергея Калинина, застрявшего в Бразилии. «Для выяснения дополнительных обстоятельств. Оружие сдайте под расписку в дипломатической миссии. Если что, вам позвонят».

— Ой, Серкус, прости, я была в регистрационном пункте, — сестра, наконец, ответила на скайп. — Ты так загорел! И на отца стал похож... Такой совсем черный азербайджан!

— Ленка! Бери мать, продукты и мотайте в сторожку. Я скоро приеду.

— А я записала маму на оздоровление. Там огромная очередь, но они построят центры... Ты видел репортажи? Они лечат всё!

— Вы точно все свихнулись! — Сергей с досады хлопнул ладонью по столу.

— Да ты что? Это ты в своей армии сбрендил, — Ленка блестела глазами и улыбалась. — Это же не кино. Это же по-настоящему. Войны не будет. С кем? Они не нападают. Они такие же люди, как мы! Вон и вся археология подтвердилась... Они попросили и получили назад Шамбалу и тот подземный город инков в Перу. Заплатили даже, хотя это исторически принадлежит им! К нам прилетит Дваждырожденный — у нас идет образовательный курс «Легенды и мифы и их историческое объяснение». Это всё-всё правда!

— Ленка, прошу тебя. Ты была маленькая и отца не помнишь. Не помнишь, как его убили. Не помнишь, как мы бежали из Баку после смены власти. Но ты же знаешь, как онс бывает. Не будь наивной курицей. Мы ни-че-го о них не знаем. Вообще. Кроме единственного факта, что ракеты до них даже не долетели.

— Так у них силовое поле! Они сами сказали.

— Ленка! — Сергей чуть не взвыл. — Прощу! Прекращай, да! Бери мать и мотай. В городе оставаться опасно. Народ вооружится, будут беспорядки. А в сторожке никого нет, и никто туда и не полезет! Через пару недель я приеду, соберу ребят, и мы что-нибудь придумаем.

— Ой, да брось паниковать! Они, наоборот, уничтожают оружие...

— Конечно, уничтожают. Государства кончаются. Вспомни, чем кончился СССР! И зря ты мать надолго одну оставляешь.

— Не бойся, Ксения Львовна мне дала легкое снотворное, специально для таких случаев. Мама еще спала, когда я вернулась. И не бойся, я не злоупотребляю!

— Всё, передавай маме привет, — вздохнул Сергей. Говорить с матерью по скайпу смысла нет: она и себя-то в зеркале не узнает. — Делай, что я сказал, вернуться мы всегда сможем. Только уезжай из этой идиотской Москвы.

Глава 2. Старые обиды. Стив

Стив сидел на полу в своём «кабинете» у закрытой двери и размышлял о самоубийстве.

За пластиковой стеной искрились синие плитки и ажурная ограда террасы, тянувшейся вдоль всей казармы. Голубой навес отсекал синее, раскаленное почти до императорского ультрамарина, небо... Коротко окошенный зеленый луг утыкался в многоцветье лесопарка, а направо уходило за границу обзора синее озеро. Далее за углом казармы, уже невидимые из единственного окна эскуторских комнат, разбегались во все стороны наземные части Императорской базы: здания лабораторий с вивариумом, гладиаторская арена и полигон с неприметными бараками технического городка.

Внутри за сердцем колыхался и тянул в бездну ледяной мрак...

Генри пытался с ним говорить и развлекать, но он сорвался на безответного андроида, наорал гадостей и выгнал, шарахнув дверь и запретив приходить.

Ему ничего не хотелось, и он уже два дня ничего не ел. Генри, если не ухаживал за подопечным ажлисс эскутором, то был занят в проекте отделения морфологии Имперских лабораторий — работал с Императором. Но еду исправно носил. Стив исправно её выкидывал, он просто не мог есть, хотя знал, чем всё это кончится.

Придет знакомое, почти любовное ожидание. Ничего толкового всё равно не выйдет, но он постепенно сползёт в бездну жалости к самому себе. Появится чувство, родственное предпраздничному... Вот, ещё немного, ещё несколько часов — и придет она. Она — его единственный неизменный и постоянный друг. Его боль. И она унесёт его с собой на тёмных и надёжных крыльях, обнимающих весь его мир.

Самое смешное, он знал это все, но постепенно сползал в трясину отчаяния и с извращённой радостью ждал, когда же спустится на самое дно.

Счастье так мимолётно... Радужный мотылёк счастья едва-едва накроет тебя своим прозрачным крылом, овеет скоротечной радостью и всегда пролетит мимо, вот уже нет и следа... Вместо него останется грусть. Грусть начнёт кружиться вокруг, выпуская серый туман тоски, бесцветную пыль отчаяния, и тьма придёт по знакомой вытоптанной тропинке к самому сердцу. Где, уютно свернувшись в тяжёлый клубочек и временно втянув свои колючки, спит его боль.

И тогда он возьмёт свой нож, идеальное оружие эскутора. Всегда готовое. Нож притягивал совершенством простых линий и холодом металла. Он проведет ладонью по плоскости лезвия, перейдя в фетишистской ласке пальцем на остриё, впитает постоянную готовность вонзиться и резать, в доли мгновения перенести остроту ожидания в остроту ощущения.

Потом он зайдет за кровать, закроет за собой дверь карцера и сядет в дальний угол, аккуратно положив нож рядом. И, откинув голову на стену, будет ждать...

Тьма стуситится, соберется и протечёт маленькими каплями ядовитой росы по отмирающим нервам внутрь, закрывая и отключая мир вокруг. Стечёт к сердцу и разбудит боль. Только боль никогда не бросит его. Она всегда живёт внутри, она всегда с ним и сразу лёгкой тенью выскользнет к нему на первый, даже еле слышный зов.

Тогда он легонько проведёт ножом, самым кончиком, едва царапая, вверх по руке, от ладони к плечу. Нежная боль не торопясь отзовется, и дрожь маленькими царапучими лапками любовной ласки пробежит по телу, спустится на бёдра и уляжется горячим клубком

между ног, блестя кровожадными глазками. Он погладит себя клинком плашмя. Боль тихо вздохнёт в любовной истоме и, взмахнув крыльями, обнимет его в ожидании и обещании... Он закроет глаза, задержит дыхание, с тихим выдохом проведёт лезвием, и тонкий разрез осыпется кровавыми бисеринками от шеи по груди к животу... Боль широко улыбнётся, и он, замирая в любовном томлении, вонзит себе нож в живот под рёбра. Боль сожмёт его в экстазе, прожигая горячим поцелуем до позвоночника, и он, захлебнувшись коротким вскриком, повернёт нож, разрывая себе внутренности... А боль унесёт его, скроет от мира.

Но это он уже проходил.

Прибежит Генри, соединённый сигналом системы с его биополем... Засуетится, хлопочет...

И не отгонишь... Тут Генри не слушается. Не сможет. Стюард. Нянька. Надоед-то как!

Будет говорить, тюкать по нервам:

— Ты что думаешь, вот так ты чему-нибудь поможешь? Ну зачем ты, как маленький?

А по телу разольётся успокаивающая и в то же время раздражающая благодать регенерации...

Горечь поднялась и залила язык, надавила изнутри на глаза... На Генри он обижаться не может, что с него взять... Такой же инструмент без собственного мозга.

Как всё это глупо...

Стив прислонился виском к прохладному, непробиваемому и снаружи непрозрачному пластиклу. По лицу скользнула тень: из соседних комнат выбежал здоровенный гвардеец Грег. Перемахнул через перила и неторопливо потрусил вокруг озера. Стив выпустил мысленный скан, незаметно влез императорскому охранцу в голову. Там всё было распланировано и уверенно. Побегать, вернуться, нажраться. Вечером на турнир, потом здоровый ужин на свежем воздухе за счет победившей команды. Сдохнуть, как весела жизнь!

Еще один бездельник и жертва крилода. Получил бессмертие за безупречную службу и надежность. Крилод Грега лежит на хранении в библиотеке, откуда ажлисс может свой кристалл когда угодно взять.

Кристалл же эзекутора лежит в шкатулке у Императора. Эзекутор может свой крилод украсть... Включить силовое поле эзекуторского ножа и крошить несокрушимый кристалл... Потом этим же ножом убить себя...

Самое смешное — воровать не хотелось. А на заданиях, когда кристалл свободно болтается на шее, не хотелось самоубиваться.

Крис — ублюдок.

Такая удача — вернулись эмоции. Да и нейтрализатор — вещь полезная. Без ублюдка Криса он бы никогда не узнал, что есть такая штука — нейтрализатор... Как говорит Джи, чтобы жить и работать надо в любом дерьме найти хорошее...

Но прямо сейчас хотелось исчезнуть, отключиться. Сдохнуть.

Как же было хорошо еще совсем недавно! Эзекутор, как драгоценный знак внимания от Императора, целую декаду работал подарком: ловил своим могучим сканом и усиливал восторги и радости юбилянта и юбилянтовой подруги. Император наградил дознавателя Юи за высокую рождаемость и низкую преступность во вверенном дозене в течение последних пятидесяти лет... Оба ажлисс, Юи с подругой, были настолько увлечены друг другом, что даже не тащили эзекутора с собой в постель. Его вообще не трогали. Он был незаметным ветерком, вьющимся вокруг счастливой пары. словно это его собственный отдых и он сам

болтается по курортам и забавным паркам планеты Жальрис, а Юи с подругой — его собственная награда и его личные доноры счастья. Он так увлекся, что забыл тайный план отпроситься на полдня и подсмотреть живую за бывшими знакомыми, которых двадцать лет назад переселили с Гайдеры на Жальрис. Фарисса — его бывшая подруга по Цветнику — жила в новой семье... Она бы не узнала его, даже если бы увидела. Он тогда был Хакисс, точнее Лардарошсой, а Фарисса искренне считала Рошсу очередной женой Вседержителя. Странноватой, но человеческой женщиной...

Погруженный в эйфорию чужого праздника, вернулся на базу. На следующее утро валялся в постели и еще млел в воспоминаниях.

Но появился Генри и, вместо завтрака, принес сложенный плотный мешок.

Отнес его к Крису и Крис убил его. Убил второй раз! Первый раз замаскированный Крис измучал глупую Лардарошсу руками прихвостня, делал доброе дело на приказ Джи — развивал в тупой Крошке скан...

Стив потряс головой, отгоняя отвратительные воспоминания. Нет, не сейчас! Он только-только пришёл в себя. А потом Джи был так добр, что рассказал о тяжелом детстве Криса. Ах бедный Кристофер!

Стив отвел невидящий взгляд от потолка. Было мутно и мерзко, но ненависть к Крису исчезла. Перегорела.

Вздыхнул и встал. Бессмысленно потыкал кулаком в окно — в парк он не пойдет, но время убить как-то надо.

Повернулся, чтобы уйти в спальню. «Пройти»! Просочится между тахтой и системным столом — всего-то и мебели, помещающейся в его кабинете. Ага — «кабинет»! Скорее узкая прихожая. Неполных десять шагов от входа до выхода. От двери в казарменный коридор до двери на террасу.

Застыл у стола, облокотившись на спинку любимого деревянного кресла и разглядывая императорскую синь выключенного экрана, тонкой пленкой размазанного по стене. Экран у него современный, а стол менять он не дал — пускай стюард развлекается и меняет оборудование, когда Джи приспичит оживить другого экзекутора. А ему нравится и кондовый стол на полкомнаты и собственное основательное кресло, обтянутое гобеленом.

Посмотреть дневники? Зачем? Не будет он ничего смотреть... Что Джи хотел, то показал. Столкнул нетронутый завтрак в утилизатор.

На Криса ему наплевать, а свою память лучше не тревожить. Если он что не помнит из своего детства, то и не надо.

Прошел в спальню и рухнул на кровать, благо, она сразу у прохода. Не глядя, мазнул пальцами по сенсору — включил проектор. Виды на Каррахские водопады с высоты птичьего полета.

Сел. Свесил ноги с кровати. Повозил босой ногой по короткому ворсу коврового покрытия. Вот и его жизнь равномерно серенькая, как этот коврик от кровати до глухой внешней стенки. Слева шкаф, справа — ванная. Необъятные просторы его жизни. Плюс карцер за кроватью. Масса вариантов для развлечения.

Но сам он не справится.

Закрыв глаза и вытянул мысленное щупальце к Лакстору — что там делает его донор?

Яхпал Кутербин, еще один прыщ на пышущем здоровьем и благоразумием теле Империи, добровольно сортировал мусор. Зарабатывал бонусы обязательным трудовым минимумом. И тоже был страшно недоволен. Стив усмехнулся: ничего, это несчастье он

исправить может. В его силах наполнить вторую половину дня Яхпала чистым и безупречным счастьем.

Стив встал и подошел к столу. Взял себя за косу. Сосредоточился, заставил прерваться рост волос и выбросил волосы в утилизатор — по дороге отрастит короткие — уставная коса тоже достала до смерти! Вернулся в спальню и полез в шкаф.

Вытащил цветастую рубашку с длинными рукавами и немыслимые штаны с кучей заклепок и цепочек. В этом он не будет выделяться в толпе нормальных людей.

Проверил комм. Стив Марк, пятнадцать стандартных лет, сотрудник лаборатории морфологии Императорской базы Лакстора. Фыркнул: пятнадцать! Уже двадцать лет как пятнадцать. Привычно пересчитал. На родной планете год в полтора раза короче и на Сэмле было бы двадцать два... Он выглядит как недавний выпускник старших классов. Всемогущий Император предпочитает, чтобы всемогущий экзекутор выглядел ребенком, не задавался и не выделялся. А он и не задается. Его вообще никто не увидит.

Позвонил Яхпалу.

— Каэр Кутербин? Я бы хотел с вами сегодня встретиться.

— Ажлисс Марк? Вспомнил, значит. Попытаюсь выделить вам часок-другой. Не меньше, чем за двадцать импов я не согласен. Все-таки это мое тело, мое здоровье.

— Уважаемый каэр, — Стив возвел взор к потолку. — Да ничего с твоим здоровьем не случится. Первый раз, что ли?

— Первый-не первый, — засуетился Яхпал. — А время мое ты тратишь! И два запасных иньектора лично для меня сверху!

— Еда у тебя есть? Одежда? — вздохнул Стив.

— Как раз обедаю. Кормят нас хорошо, благодарствую за заботу. Выпить принеси, уважаемый ажлисс. А то выпить у меня кончилось.

Стив сложил коммуникатор, сунул в кармашек на поясе и кинул смену одежды в большую сумку. Надо бы не забыть убрать её куда повыше: прошлый раз Яхпал по дороге в туалет облевал всё вокруг, включая одежду дорогого гостя, которому пришлось у Яхпала же покупать за безумную цену в два одноимповых кольца портки и майку. А магазина с приличной одеждой в тех выселках нет. Заплатил бы и больше, так все одно растратит. Фыркнул, вспоминая, как маскировался фантомами до первого бутика, где как раз и приобрел модельную красотищу с заклепками. Но не возвращаться же на базу в дармоедных обносках из «материальной поддержки слабых членов общества»!

Торопливой рысцой проскочил в гараж свозь безлюдный казарменный коридор. Активизировал двухместный флаер и полетел в Лакстор.

* * *

Полигон со смотровыми башнями, гладиаторская арена, гаражи и синяя крыша старой казармы скользнули назад под плоским брюхом флаера. Парк, окружающий Императорскую базу, сменился на двадцатикилометровый пояс леса. Полоса сочной зелени среди каменистых пастбищ и плантаций невзрачного карликового оливовника.

Стив ткнул навигацию: автоматика безошибочно проведет флаер в хитросплетениях воздушных трасс над ангарами и вокзалами межпланетного портала. После аварии из-за очередного эксперимента Джи, когда вся область Северной базы усвистала невесть куда, а

на ее место переместился кусок чужой планеты, ставший вотчиной регента Криса, всё, что ранее ездило через Северный портал, перекинули в Лакстор. Промышленная зона расширилась к югу, выгнав солидных жильцов из бывших дачных поселков в нижних секторах реки. Теперь там гнездились общественно-ненадежные особи, среди которых обитал и близкий дружок по счастью Япхал Кутербин.

Но сначала надо заглянуть в город. Пять уровней Большого Лакстора находились в десяти минутах полета выше по течению полноводной Ларосты, укрытые под низкими домиками, каналами и зелеными насаждениями зоны отдыха.

Стив оставил флаер на парковке недалеко от сафари, у предпоследней станции монорельса. Запер на свое биополе. Хотя вряд ли какой ажлисс окажется тут без транспорта, чтобы нахально улететь в его флаере, но мало ли что... Людям же флаер с сенсорным управлением ни к чему. Да, конечно, можно его переделать, но в обществе, пронизанном сверху донизу всеобъемлющей информационно-регистрающей системой жизнеобеспечения и дознавателями, могущими вытащить из тебя самое сокровенное, никуда незаметно не исчезнешь. Стив вздохнул и сунул комм в первый же попавшийся терминал. Снял с личного счета сто империалов.

Пятьсот империалов — его месячное содержание — уменьшилось на сто десять. Десятка — счет за использование флаера. На сто импов — месячное содержание работника низшего звена — можно угуляться. Стив скользнул взглядом по звездочкам бонусов. У него постоянно висело сто семьдесят пять. Нормальному человеку хватило бы на косметическую операцию, оздоровление парочки органов или на межпортальную экскурсию со всей роднёй. Зачем система утруждается, держа для него бонусы? Чтобы его случайно кто любопытный не спутал с еретиком?

Скормил автомату одну желтую десятиимповую ленточку, разменяв ее на горсть мелочи. Бормоча ругательства, развесил полученную наличку — ленточки империалов и колечки соток — в моментально разбухший кошелёк. Носить кольца на пальцах, как делают верующие, он перестал давным давно.

Зашел в вагон и поехал под землю, удивляясь, что, как только появилось дело, то и муравейник большого города уже не раздражает, а наоборот, кажется маскирующим. И рука болеть перестала...

Световоды ярко горели на арочном потолке торговой площади, передавая естественный свет и создавая полную имитацию солнечного дня.

В середине просторного зала возвышалась коренастая липа. Цветущая крона с нежно зелеными мелкими листьями раскинулась до третьего этажа галерей. По тенистой лужайке и ажурным мостикам бегали и визжали дети, кормили пестрых рыбок. Ручейки, фонтанчики, птички. Вокруг спиральями поднимались галереи с магазинами и закусочными. Стив купил за наличные — оставлять следы все-таки лишнее — два комплекта постельного белья, упаковку пива, четыре готовых семейных обеда и спустился к фонтану. Поставил отяжелевшую сумку у ног и раскинул скан, выискивая торговца.

Небольшой торг и производство наркотиков вел полулегальное существование. Ажлисс, сами в прошлом люди, прекрасно понимали, что людям надо расслабляться. Власти только следили, чтобы расслабуха не пересекала некие допустимые пределы «разумного риска», и чтобы наркота была максимально чистой и «невредной»... Хотя люди знали миллион и один способ, как навредить своему телу.

А вот и продавец. Сидит на лавочке напротив кафе.

Стив оперся об ограждение и поднял лицо к искусственным «солнышкам». Они грели, как настоящие. Пробрался тонким волокном мысли в голову продавца, взял на себя восприятие и управление чужим телом. Упитанный мужик, подчиняясь неведь откуда возникшему желанию, мгновенно уснул. Но при этом встал, просунул руки в лямки, вешая расшитый котятками рюкзачок на пузо, и поднялся на галерею к Стиву.

Руками продавца Стив пересыпал полтора десятка инъекторов, похожих на огрызки детских карандашей, к себе в нагрудные карманы рубашки. Отдал взамен две желтые ленточки и вернул мужика спать на лавку.

Нагруженный, как таёжная арсава, вернулся на поверхность. Пока дожидался трамвая, переложил запасную одежду в хрустящий герметичный пакет — специально по дороге заглянул в пекарню.

Дал себе мысленного пинка, что не подумал и оказался на остановке вместе с группой школьников и многодетных мамаш, возвращающихся на обед домой. Дети ныли и кричали, матери обсуждали очередную смену питательного рациона, возврат к модели подгузников, бывших в ходу двадцать лет назад и тоже во весь голос орали на детей.

Пришел трамвай. Группка хихикающих девиц, пестрых, как осколки витража, побежала к дверям, бросая на Стива пренебрежительные взгляды сквозь недавно пущенные в моду импланты-бабочки. Внутри вагона крылышки имплантов сложились тонкими усиками на лбах у девиц. Сразу после уроков подростки отстегнули форменные длинные брюки и юбки. Брезгливо отстраняя пальцем выставленные в проход обнаженные руки, ноги и бока, Стив пробрался в дальний угол, равнодушно выхватывая обрывки мыслей: «Фи, тусклый крот! Ни стрижки интересной, ни аксессуарчиков! Хотя хорошенький. Но закутан же! Как дикий охотник-чипу». Мрачно порадовался, что его дети выросли вдали от благ и предрассудков цивилизации. И да: лучше быть закутанным, чем все будут пялиться на его не по возрасту голые конечности и думать, что он специально эпилировался под малолетку. Он не виноват, что императорские заскоки создали комплексы экзекутору.

Вывалился вслед за толпой на конечной остановке. Трамваи сюда ходили редко. Когда-то это был дачный район для среднего класса, но со сменой управляющего изменились и технологические планы. Бывший местный дознаватель возжелал участвовать в вяло текущей экспансии на Сэмле и присоединился к команде регента Сейо. А у самого поселка построили новые склады и сортировочные для разросшейся промзоны портала и обязательную фабрику по переработке мусора. Приличной публике дали новые дачи — изменения усиливают экономику. А в дармовое жилье налезли человеческие отбросы. Поближе к мусору и легкому способу заработать бонусы.

Стив свернул на боковую улицу. Забавно: от бывших, более обеспеченных жильцов, остались запущенные грядки и заросшие сорняками палисадники. Средств у местных «цветов» гораздо меньше, однако, бонусы на идиотские импланты тратить не жалко. Привести же в порядок участки или вырастить настоящие цветы не может заставить даже новый дознаватель.

Приподнял провисшую калитку и закрыл за собой. Дверь в дом оказалась не заперта.

Внизу общее помещение для семейных собраний и приема гостей совмещенное с кухней — стандартный дом. Одиночка Япхал еще где-то болтался. Стив оставил распахнутой дверь и открыл окно — выгнать застоявшийся воздух.

Опустил двухспальную постель и сдернул затасканные простыни. Судя по всему, каэр Кутербин не утруждался подниматься наверх, где были три спальни, а так и спал тут чуть ли

не с прошлого раза.

Постелил чистое. Захотелось есть. Закатал рукава рубашки — Яхпал был равнодушен к его внешнему виду, да и привык давно... Выгрузил сумку в холодильник. Оторвал от упаковки одну порцию и разогрел обед. Пока ел, заинтересовался, где всё-таки завис донор — его работа уже давно должна была закончиться. Раскинул скан, нашел Яхпала прохлаждающимся в компании таких же обалдуев у киоска с закусками. Подавил сознание донора, заставил попрощаться с друзьями. Браво отшагал им две улицы и отпустил на пороге.

— Ты уже приехал? — Яхпал — шуплый «цветок» с крашеной в радугу бородой — словно сдулся, получив обратно управление над своим телом. Первым делом прикрыл и запер дверь. Но, похоже, его никогда не удивляло, почему его тело само по себе что-то делало, когда рядом был ажлисс Марк. То ли чувствительность к скану у Яхпала была нулевая, то ли он просто был абсолютно глуп. Но то, что он работает донором не просто для ажлисс, а для самого экзекутора, ему в башку не приходило. Что абсолютно устраивало Стива.

— Ты, сквозняк же... Что принес? — Яхпал поводит носом. Прикрыл окно и полез в сумку. Бросил на пол пакет с одеждой. — Шмотки, сказал же, засунь себе...

— Это моё, — Стив вскочил и закинул пакет на шкаф: там уж точно его одежда будет в безопасности.

— Мог бы купить что покрепче, что мне твое пиво, — Яхпал вытянул одну бутылку и отпил. — Что хлеба не принёс?

— Я тебе денег оставляю. Сам купишь, что захочешь.

— Те двадцать считаются отдельно, — Яхпал пошарил в сумке и достал кошелек. Раскрыл и поиграл желтыми ленточками. Цинкнул ногтем по связке колечек. — Ты что, собирався милость божью покупать? Столько колец с собой носить!

— Мне Божье благословение не надо. Кошелек себе оставь.

— Конечно, вы ажлисс берете всё от Бога нашего бесплатно... — Яхпал пересыпал часть колечек в карман, а кошелек спрятал в ящик комода. — Не болеете и алкоголь вам только для вкуса... Где инъекторы-то?

— У меня инъекторы. Кончай болтать, вали в душ. Декаду, поди, не мылся. Смердишь.

— Благородному ажлисс мешает мой парфюм? — заржал Яхпал. — Это ваши правила. Цветы опыляют обязательной дезинфекцией после работы. Но, это... Белье с меня не снимай и к спине не ложись. Никаких игр — я тебе не проститутка!

— Да нужна мне твоя задница, что ты опять начинаешь, — Стив потёр ладонь. Из-за этого уroda заныла рука. — Иди, прошу тебя...

Год назад, изнывая в очередном приступе меланхолии и шатаясь по злачным местам, Стив пришел к выводу, что лучше всего сливаться сознанием и чувствами с эйфориновыми торчками. Стив пытался уйти в совместный балдеж с глотателями и курильщиками химической радости. Но эффект наступал медленно, а Стива вместе с донором начинало рвать и судорожно вычищать сквозь все дыры. Тело ажлисс с агрессивным иммунитетом и скоростной регенерацией определяло яд и запускало программу по оздоровлению, принуждало выплюнуть каку. А так как он был связан сканом с человеком, то и человек начинал очищаться под воздействием его биополя. Нет, Стив, конечно, когда приходил в себя, то мог остановить безобразие, но удовольствие портилось напрочь.

У торчков же транс наступал от внутривенного ввода наркотика, а галлюцинации были

блаженно-безобидные. Тело ажлисс не воспринимало эйфориновые мечты как отраву.

Яхпал выключил воду, а Стив на всякий случай запер входную дверь на второй замок. Вряд ли кто придет — каэр Кутербин не любил водить гостей. Но с запертой дверью спокойнее.

— Нет, — Стив перехватил руку Яхпала, уже шарившего по карманам повешенной на стул рубашки, и отобрал иньектор. — Я введу. У меня руки не трясутся. Ляг.

— И не соси из меня! Не желаю этот ваш ажлиссский интим.

— Да с какой стати мне тебя целовать? Энергии у меня навалом... Давай уж руку!

Придержал жилку в сгибе локтя, обезболит сканом — Яхпал умудрялся дергаться от уколов! Ввел дозу и выбросил пустой иньектор в раковину. Ни утилизатора, ни мусороприемника в доме не водилось.

Донор закатил глаза, расслабился и уплыл в дрёму. Стив повесил штаны к рубашке, сел и, держа скан в границах тела, воспринимая как человек — только зрением и осязанием — провел пальцами человеку по скуле с пружинящим волосками бороды, по гладкой и твердой ключице... Яхпал не разрешал до себя дотрагиваться, пока был в сознании. Дурак считал, что это несет сексуальный смысл! Странные люди — копируют ажлисс... Это ажлисс при касании «кожа на кожу» сразу сливаются биополями и становятся беззащитно-открытыми, а люди? Люди остаются всё так же глухи и слепы, но боятся прикосновений. Стив положил обе ладони Яхпалу на плечи и, с силой прогладив по расслабленным мышцам, перевернул донора на бок. И чего люди так нервно реагируют на прикосновения? Ясно, что ажлисс-телепатам любое касание — это скан в душу, а людям? Это же просто приятно. Если бы Яхпал только знал, что договорился с экзекутором, которому ничего не стоит изнасиловать его и не касаясь. С другой стороны, если бы его самого захотел «просто» погладить или обнять Крис, то это было бы жутко...

Стив притулился спиной к горячему телу. Обнял себя его руками, натянул одеяло и растворился в чужом сне.

Кажется, он прожил в наркотическом блаженстве несколько дней. Объявлялся начальник Яхпала по помойной работе, стучал и орал. Стив поднял свежеотравленное эйфорином, а поэтому совешенно ватное тело донора. Мысленно натянул как перчатку. Отыграл мизансцену «Какая работа, не видишь я болен?» и выпросил Яхпалу отпуск.

Когда Яхпал просыпался и, разорвав контакт, уходил в полусне в туалет или к холодильнику, то Стив резко вскакивал следом, иногда успевал разогреть еду. Или они молча рвали зубами холодное, запивая водой из-под крана. Пиво как-то быстро кончилось. Затем так же молча отрубались по новой.

* * *

Болезненная хватка за шею — и Стива швырнуло об стену.

Джи!

Пойманный на нехорошем, экзекутор сел на колени, свесил голову и вжал ладони в пол. Мельком просмотрел сканом свое тело. Всё в порядке, только кожу на пояснице и бедрах стянуло засохшей спермой. Метнулся к Яхпалу — тот бесчувственно плавает в наркотических мечтах, не слышит. Несколько раз вздохнул, успокаиваясь и разглядывая свои руки.

«Умойся», — толкнула мысль от Императора.

Встал, держась за стену. Ну и вонь тут. Кажется, его донор еще и обделался. Какая прелесть.

Не поднимая глаз, сгреб одежду с обувью и улизнул в душ, стараясь не думать, что могло случиться, раз Джи пришел за ним лично. С отвращением отмылся — следующий раз надо взять Яхпалу детские пеленки. Но он не виноват, что человеческие сны постоянно мотаются вокруг совокуплений! Он старался направить мечты человека, но потом увлекся и забылся. Растворился в чужом бреде.

Ополоснулся, подумав, что надо будет докупить сюда шампунь.

Когда вышел из душевой полностью одетый, Император уже сидел во флаере, убеждая сканом местных жителей, что никакого флаера у дома нет.

Только теперь Стив заметил, что входная дверь была выбита и еще раз испугался. Да что же это случилось, что Джи пришел сам? И как так получилось, что он не услышал ни сигнал вызова, ни звук от вышибаемой двери?

Хорошо, что деньги отдал донору сразу. Рассчитываться под досмотром Императора было бы тяжело.

Вытащил комм из старых штанов — больше ничего отсюда и не надо. Выбежал вон и попытался прошмыгнуть в багажник, но Джи вогнал ему ментальный щуп в мозг и втащил на пассажирское кресло. Флаер взлетел курсом на базу.

— Я оставил запертый флаер у сафари, — стараясь произносить слова четко и чисто, сказал экзекутор. Чинно выпрямился и сложил руки на колени.

— Мне кажется, ты не повзрослел, а наоборот, впал в младенчество. Найди себе нормальное занятие.

— Прости. Но я не заставлял его, я платил за услугу.

— Ты не слышал вызов.

— Прости.

— Больше никаких наркотиков. Ты изолировался от системы. От меня. Кого ты предлагаешь посылать за отключившимся экзекутором?

— Прости...

Джи схватил его за плечо, дернул на себя. Ладонью другой руки ударил в лицо, взрезав язык обратной регенерацией.

Фантом раскаленной лавы ворвался в горло Стиву. Он упал и закашлялся. Остановил боль и закрыл сосуды. Плотно сжал челюсти, проглотил кровь. Рефлекторно утерся тыльной стороной кисти. Отодвинулся от кровавой лужи на полу.

Бесшумно вполз на кресло и сел. Ровно. Помнится, глупая Хакисс всегда в таких случаях жалела Императора — ведь напускающий фантом чувствует его почти так же сильно, как принимающий. Он уже давно не Хакисс. Чистой рукой достал салфетку из аптечки под сиденьем, умыл следы крови с кожи. Усилием воли заставил себя не трястись, слушая, как лечится рана. Держа голову пустой, а душу открытой.

Джи повернул флаер и через мгновение аккуратно приземлился на парковке зоны отдыха у сафари.

— Отправь автоматом, — император откинулся в кресле, прикрыв глаза.

Стив рысью сбегал к машине, радуясь, что людская масса бродит по стоянке наземного транспорта и ему не надо маскировать пятна крови на одежде. Отпер блокировку, дал команду навигации и вернулся.

Остаток полета прошел в полной тишине.

— Переоденься в форму и привези Вроарриста, — император плавно завел машину под крышу гаража и мягко посадил в зарядное гнездо. — Представисься регенту Территорий по рабочей присяге.

— Вроаррист умер? — не выдержал Стив.

— Нет. Твой муж хочет перейти в ажлисс, пока жив.

Стив замер в уставной стойке у флаера и решил намёк про мужа пустить мимо. Это было давно. Это был не он.

Джи взглянул на эзекутора и добавил:

— Поедешь на Сэмлу и привезешь сюда человека, займёшься его адаптацией. Тебе надо научиться ответственности.

Стив, опустив взор, дождался, пока Император удалился на лабораторный уровень к прерванной работе. Гарант мира и благополучия всей Империи опять придумал какую-то игру.

Стив глубоко вдохнул и потряс головой, отгоняя давящее чувство. Просто отлично, что Джи уже давно не использовал на нем «благословение». Это глупая Хакисс выросла в наркотической зависимости от внушения всеобщей любви, излучаемой Императором на всех и каждого, и считала, что обожает Императора. Он уже давно не Хакисс... Когда-то давным давно он пытался завести себе друга, но Император принудил эзекутора замучить Ронаха, а потом Ронах покончил с собой, прыгнув на монорельс. А теперь вот опять?

Занудно болела рука. Он мог заставить свое тело молчать. Мог убить свои мысли. Он настолько силен, что смог закрыться даже от Императора — первого истинного эзекутора. Но с этой болью, заработанной Хакисс в бассейне на Гайдере, не мог ничего сделать — она приходила и уходила по своему собственному желанию.

Тронул пальцами контактную панель зарядного устройства и передал приказ андроидам услуги: надо отчистить кровь во флаере. Было бы неплохо оставить ее там. Хотя сервисная служба все равно найдет и наведет порядок. Заодно вызвал Генри: самостоятельно шнуроваться в форму неудобно.

Глава 3. Арны. Стив

Маленькой Хакисс очень нравилась эзекуторская форма. Насыщенно-малиновая свободная рубашка с черными переливами в складках и манжетами до половины предплечья. Черные кожаные штаны и черные же мягкие невысокие сапоги. Нож на бедре... Хакисс, сопровождая Императора, воображала себя розой с остро-смертельным шипом.

Стив ослабил пояс и лег на тихо вибрирующий пол в багажном отделении. Можно выспаться и уравновеситься. По тщательно поддерживаемой привычке пересчитал время — шесть стандартных часов это десять часов по времени Сэмлы... Это давало призрачное чувство единения с забытой родиной. Минуты в Империи и на Сэмле стандартные, но на маленькой Сэмле час всего шестьдесят минут, а не сто. День и год тоже короче...

Экспансия же на Сэмле набирает обороты. На обеих базах Сэмлы — Аси и Перу — заканчивают расконсервацию и обновление порталов, и он вернется на родину, когда там понадобится эзекутор.

Император пришел к власти как первый полноценный эзекутор и составил матрицу биополя человека, который бы мог, при переходе в ажлисс, тоже развиваться до эзекутора. Полуспящая система на Сэмле, соединившись с имперской, указала на маленькую Хакисс. На ее биополе навели точечный портал и... она сама шагнула в туман. По исчислению Сэмлы ей было лет восемь.

Хакисс повзрослела и поменялась в Стива, а Стив пообещал Джи не искать родственников. Это было бы бессмысленно. Он не знает и не хочет знать, сколько лет прошло с похищения; на самом ли деле он спал в крилоде две генерации или нет. Но лучше не берeditь старые раны.

У арнов он тоже давно не был. Закрытая община ажлисс Северной базы вполне справлялась с управлением на арнечьих Территориях без вмешательства эзекутора.

Зачем Джи послал его за Вроарристом? Это какое-то утонченное издевательство — посылать его в семью, которой у ажлисс быть не может по закону? Или очередная проверка?

Сканировать мысли Императора даже в голову не пришло. Никогда он не лез к Джи в голову и не собирается начинать. Что нужно, Джи сам скажет.

На Северной базе тихо и задумчиво ковыряются с проектом по разработке космического корабля, способного долететь до планеты арнов и вернуться... Имперская техника, основанная на энергии кристаллов, быстро издыхает на Территориях. Геоморфологические комбайны частично изменили состав этой заплатки, но вызванное ею искажение всё равно зияет дырой в информационном поле планеты. Видимо поэтому Джи не сильно доверяет крилоду, запаянному в свадебное ожерелье Вроарриста.

Много лет назад Джи придумал способ застраховать свою жизнь — завязал синхронизацию порталов на своё биополе. Но потом, проверяя эту самую страховку, попытался изолировать портал Северной базы, чем вызвал аварию. Осиротевший портал резонировал с пропавшим в глубинах космоса кораблем ренегата Тадея, удравшим вместе с арнами — плодами своих изысканий по созданию идеального человека. Портал Северной базы закоротился с захороненным на планете арнов бывшим кораблем Империи, и вместо базы с частью Фарнойской области на планете Джи оказался кусок планеты Арнасты. Две тысячи арнов и полторы тысячи квадратных километров... Тадей с ними уже не был: по слухам он давно помер. Судя по всему, на Арнасте инкубаторы и техника бессмертия никому

из сбежавших с Тадеем ажлисс не помогли выжить.

Арны переместились в разгар своих осенних свадеб, а линия переноса отсекала невест от женихов. В Империи оказалось несколько поселков и жаждущая стая одиноких самцов. Особо буйных выловили, переменили в самок и оплодотворив их же собственным генетическим материалом, заставили родить новое поколение самочек.

Для более точных данных по размножению арнов Джи изменил Стива в арнеку, назвал Ариш и, в нарушение законов ажлисс, выдал замуж за лояльного вождя, собравшего мирных самцов-одиночек в стаю. Ариш родила двойню и через год вернулась к Императору и обратно в теломорфу Стива. И с тех пор старалась забыть и мужа и детей-арнят.

Запищал будильник, предупреждая о близости цели. Стив заправил рубашку, затянул пояс и сел в кресло, разрешая мягким щупальцам страховки обнять его тело и голову. Флаер уже летел в ущелье Фарнойских хребтов — южной границы Территорий арнов.

А вот и водопад! Машина нырнула в расширенное русло горного потока, и автоматика с головокружительной точностью провела и выплюнула флаер в огромную пещеру, где над зеркальной тьмой подземного озера переливались полированными гранями барельефы, высвеченные лучами искусственных солнышек. «Местные ажлисс плодотворно маялись от безделья», — фыркнул Стив.

Высоко открылся шлюз и флаер вспорхнул и сел на парковку. Стив на мгновение задержал дыхание — он спокоен. Он инструмент.

Выдернул из-за кресла сумку со сменной одеждой и выбросил скан. В муравейнике пещер нельзя накрыть всех мысленной сетью, которая в свободном пространстве расходится, как круги по воде. Тут приходится проплетаться шустрым муравьишкой, невесомо дотрагиваясь до каждой ауры, пробуя ее на вкус...

Регент отразился запахом крови и вкусом металла на втором уровне, по дороге из столовой.

Стив прошел туннелем, ссыпался по ближайшей лестнице и встал на пути. Если смотреть по уставу в пол, то можно не видеть эти на удивление холодные карие глаза на квадратной морде регента Криса.

— Моя душа принадлежит императору, моя жизнь в руках императора, моя цель — служить императору. По приказу императора я прибыл в ваше распоряжение, чтобы доставить арна Вроарриста к исповеди для перехода в ажлисс.

Стив с удовлетворением успел поймать отражение неловкости в сознании регента и закрылся сам.

— Присягу принял, — словно подготавливая к давлению низкого голоса, Крис всегда выдерживал паузу, предварительно «нависая телом». — Иди к шлюзу. Нод и Аби готовят фургон, они — твоё сопровождение. На границе земель Вроа вас встретят.

Экзекутор четко кивнул, развернулся и ушел в километровый туннель, ведущий к конюшням и выходу на Территории. Сдержался, чуть было не начав печатать шаг.

Тадей создал истинных монстров. Арны, при всем своем отличии от людей, могли спокойно давать потомство с любым более-менее человекообразным существом. Половые клетки арнов, сливаясь с половой клеткой партнера, агрессивно и безапелляционно перестраивали под себя чужой генетический материал так, что даже внутри человеческой женщины развивался арнёнок. Но Тадей не смог полностью скопировать особенности тела ажлисс. Арны могли забирать энергию живых, но не как ажлисс: присоединившись к ауре через поток крови и оставляя донора в живых. Арны же забирали жизненную силу, вырывая

из живого противника куски тела... Раненый арн мог восстановиться, но порванный арном человек почти не имел шанса выжить. А детеныши арнов буквально высасывали человеческую мать. Используя данные беременности Ариш, создали «новых жен» для арнов, устойчивых к не знающему меры зародышу.

Люди, решившиеся стать женами арнов и переселиться на Территории, были вознаграждены по закону, но всё это прошло уже мимо Стива.

Вернув свой облик, Стив постарался выкинуть арнов из головы. А главное, любым способом стереть из памяти, как Ариш заставили съесть обе плаценты. Сделать так, как будто ничего не было. Ещё бы, ведь это было так просто. Он вообще спец в прочистке голов.

Потом он ещё бывал на Территориях, но безмолвным манекеном, глазами Императора на официальных мероприятиях и лично с Вроарристом не встречался. К тому же состарившийся Вроаррист передал пост вождя какому-то арну из молодых.

А сейчас экзекутора послали прямо к бывшему мужу Ариш. Но экзекутор — не Ариш.

Стив подошел к воротам, когда фургон, запряженный четверкой био-лошадок, выезжал из ворот конюшни. «Тяга к традициям и инерция Империи», — пренебрежительно хмыкнул Стив, запрыгивая на подножку и сразу же забираясь внутрь без какого-либо приветствия: экзекутор не здоровается и не прощается. Особенно с ажлисс, которые и так узнали его по форме и биополю...

Сутки в пути сознание лениво скользило сканом по однообразному пейзажу вокруг. Дорога к волчьему логовищу за двадцать лет должна была слегка измениться: выросли новые деревья, кусты, какие-то деревья должны были исчезнуть. Стиву она казалась всё той же. Аккуратно залитая инертным пластиком, вместо бывшего ранее щебня, дорога была более похожа на замерзший канал: серая лента без следов копыт или колес убегала в широкий просвет между деревьями. Стив против воли погрузился в пасторальное настроение. Размеренное неторопливое движение по лесу должно было навеять размышления о смысле жизни, добром и вечном... Стив же вспоминал отсутствие нормальной гигиены, невозможные травяные чаи, как страшно ему не хватало кофе и как страшно ему надоела вся эта прилипчивая стая скопом и по отдельности. Он усмехнулся: сейчас-то к нему никто не будет прижиматься. Ха!

Вдруг он словно вошёл в знакомый тёплый дом. Как будто его, как замерзшего цыпленка кто-то взял в теплые ладони. Фургон затормозил. Назад! Быстрее назад! Стив втянул скан и замер, загоня свои нервы и эмоции глубоко в самые отдаленные катакомбы души... Взрослый арн, до этого сидевший на обочине, встал и вышел к фургону, глядя в упор стенку, отделяющую его от экзекутора.

«Глупо... Сын», — подумал Стив и завалил свои катакомбы холодным рассудком. — «Стоп, стоп, стоп... Глупость! Он мне никто! Я — постороннее лицо. Инструмент», — вышел на порог. Там стоял Ристел и ждал, с некоторым удивлением встретившись со Стивом глазами. «Помнит или нет? Узнал или? Сказать или... в бездну!», — пролетало в голове у Стива, пока он выдавал ритуальную фразу:

— Приветствую, я — экзекутор. Приказом Императора и по просьбе Вроарриста...

— Добрый день, — арн откинул голову и цепко оглядел экзекутора. — Я — Ристел, сын Вроарриста и Ариш, буду вас сопровождать. Мы ждали Ариш. Почему она не приехала?

— Читайте, что она уже тут, через меня она все увидит, — Стив судорожно соображал: «Узнал? Не узнал?» Сканировать было страшновато. Некоторые люди могли чувствовать скан, а арны — улучшенные люди...

— Она умерла?

— Нет, почему умерла? Жива. С Ариш всё хорошо. Мне сначала надо увидаться с Вроарристом, а потом я всё объясню.

Ристел был похож на отца, только не такой коренастый. Стив чуть было это не ляпнул. Или ещё лучше вот взять, развести руки для объятий и сказать: «Здравствуй, сыночек! Ариш — это я! Твоя пама или мапа».

Ужас. Главное, молчать и молчать, чтобы не вякнуть какую-нибудь глупость, пока он не встретится с Вроарристом. Там и разберется, как себя вести.

Стив, держа себя в руках, а сознание накрепко замурованным внутри, пригласил Ристела в фургон. Еще полдня ехать до поселка.

Ристел вскочил на узкий помост, окружавший жилой фурон по периметру, и, придерживаясь за поручни, пояснил:

— Мать покинула нас, меня и сестру, когда нам было только полгода. И потом мы никогда ничего не слышали о ней. Отец постоянно посылал ей сообщения, но она ни разу не ответила. Мы надеялись, что она придет хотя бы попрощаться с отцом. Отец не в лучшей форме, завтра будет расставание со стаей. А мы с сестрой, наверное, уже никогда не увидим нашу мать, раз она не приехала даже сейчас...

Стив решил не реагировать, хотя он понятия не имел, что на имя Ариш оборотни посылали какие-то сообщения. Ему об этом ничего не было известно. Хотя, он-то не Ариш. Или не совсем Ариш. И вообще, хватит. Хороши детишки, вон амбал какой здоровый и не похоже, чтобы ему мамы не хватало. Его это совершенно не интересуют. Да, он краем уха слышал о положительных результатах, но ему и в голову не пришло узнавать, что и как там в резервациях происходит конкретно... Так, на чём мы остановились? Ах да. Он сейчас едет как официальное лицо, нужен подарок. Лучший подарок стае — свежая добыча. Ещё перед дорогой он решил не таскать мертвечину через шлюзы, а для простоты процесса поймать что-нибудь подходящее где-нибудь перед деревней.

— Ристел, ты разрешишь мне поохотиться на вашей территории? Мне хотелось бы привезти вам подношение. Небольшой олень или что-то подобное будет разумным решением.

— Вовремя ты вспомнил. Отец при смерти, мы не можем слишком задерживаться. У нас нет времени на лов.

— Мне не надо много времени. Я даже не буду далеко отходить.

— И чего ты поймаешь у себя под носом? Ящерицу и двух мышей?

— Я не хочу оскорбить стаю! — рассмеялся Стив. — Так у меня есть твоё разрешение поохотиться здесь?

— Хорошо, но я пойду с тобой. И я не буду тебе помогать. И если ничего не найдём в течение получаса, а мы ничего не найдем, то мы сразу едем!

— Конечно. Как скажешь.

Они отошел немного вглубь леса, но Стив обернулся к спутнику:

— Не мог бы ты остаться здесь? Я отойду совсем недалеко, ты будешь меня видеть. Я просто позову и добыча сама придёт. Чтобы ты не удивлялся и не мешал мне.

Стив отошёл, сел, прислонившись к дереву, и закрыл глаза. Открыл сознание. Кажущийся неподвижным лес перед ним изменился на калейдоскоп сигналов и отражений душ и сознаний живых существ, мельтешащих везде и всюду. Стив раскинул мысль в поисках подходящей добычи... Нашёл скопление. Небольшое стадо оленей? Вот этот бы подошёл:

молодой, не самый сильный, всё равно его кто-нибудь сожрёт скоро... И это будем мы... Племенного могучего самца оставим...

Захватил сознание годовичка и позвал — потянул к себе. Олешек, ослеплённый чужой волей, развернулся и понёсся. Стив встал, притягивая и подгоняя. И вот, постепенно переходя на рысь, а потом шагом, подошёл годовичок и замер, протянув голову и почти касаясь его носом. Стив положил руку оленю на голову и обернулся к арну:

— Я здесь его положу или лучше довести его до фургона? Чтобы не таскать руками?

Ристел смотрел со странным выражением:

— Лучше здесь, нехорошо оставлять кровь у дороги. И внутренности тоже оставь тут.

— Хорошо, как скажешь, — Стив вынул нож, положил оленя, зашёл со спины и, завернув ему голову, перерезал горло.

— Мне говорили, что ты умеешь убивать не касаясь, — подходя и помогая потрошить, бесцветно сказал Ристел. — Почему ты убил ножом?

— Ну, не знаю. Наверное, хотел придерживаться традиций. Я не знаю, как бы вы отреагировали, если бы я убил оленя внушением. А потом, убивать мыслью довольно неприятно.

— А ножом убивать приятно?

— Ножом я его не чувствую. Или ты вегетарианец?

— Нет, но я убиваю на охоте. На охоте это добыча, а так, как сделал ты — это было убийство.

— Прости, но у меня не было времени полдня бегать по лесу. Некоторые ритуалы не имеют смысла. При всём моём уважении.

Ристел наградил Стива ещё одним странным взглядом, и вдвоём они отнесли оленя в фургон.

Последнюю часть пути они проехали молча. Гвардейцы притворялись неделимой частью фургона, а Стив держал скан при себе, однако был уверен, что скорее всего четвероногие арны сопровождали их, ничем не выдавая своего присутствия. «Интересно, умеет ли Ристел превращаться? А Имрис?»

Лес кончился, дорога пошла под уклон. Стив вышел и встал за спиной возниц.

Фургон остановился на торгово-гостевой площадке перед деревней, где гвардейцы и останутся.

Стая Вроа встречала гостей, собравшись на широкой земляной тропе и коротко окошенных краях поля, не вступая на серый инертный пластик площади. Вроарриста среди них не было. Вожак стаи по обычаю не выходит на встречу — к нему надо было идти специально, но, насколько помнил Стив, состарившийся Вроаррист уже не был вожаком. В самой деревне виднелась целая роща звездчатолыстных капарбов, и невозможно было определить, которая из этих густых крон принадлежит тем самым трём росткам, посаженным Вроарристом в знак дня рождения двойняшек и их матери Ариш.

— Я - экзекутор Императора, приехал по приказу Императора и по просьбе Вроарриста, чтобы сопроводить его в новую жизнь, — отрапортовал Стив, встав перед толпой.

Толпа нестройно ответила разнообразными приветствиями, но Стив, кроме слов «рука и глаза Императора» услышал и «палач», сказанное где вполголоса, а кем-то и мысленно. Вот он — результат, что к арнам впустили людей. Всего-то полсотни тёток сделали арнеками двадцать лет назад, а человечьи сплетни уже тут. Подождал относительной тишины и продолжил:

— Да, я — палач, но не сегодня. Я — часть Императора и выполняю разные личные и государственные поручения. Сегодня я приехал для официального сопровождения члена вашей стаи на государственную службу, — Стив изобразил общий поклон и широким жестом указал на оленью тушу, выложенную гвардейцами. — Прошу провести меня к Вроарристу, если можно.

Ристел перебрался несколькими словами с пожилой арнекой и пригласил Стива в деревню.

Арны в окружении детишек поволокли оленя под навес, остальные разошлись — жизнь на природе требовала постоянной работы. С крыши общего дома экзекутора обсвистала стайка домашних ртулов. Открывая необъятные пасти, утыканые в два ряда зубами-иглоками, насекомоядные белки-летяги меховой волной перелетели на капарб. Стив мысленно их погладил и успокоил. От ультразвукового писка ртулов закладывало уши. Первого ртула принес в стаю Вроаррист и подарил жене, но с тех пор это, наверное, уже десятое поколение... Стив старательно отводил взгляд к реке — у окна спальни должны быть те три дерева, но лучше не видеть... Вон сына видит, и что в этом хорошего?

Аура Вроарриста светилась из одинокого домика над обрывом.

«Выселили?», — подумал Стив. Ристел открыл дверь и пропустил экзекутора первым. Большая центральная комната. Одновременно спальня, гостиная и столовая. Но вместо семейного лежбища по центру стоял маленький квадратный стол, а узкая кровать была отодвинута вбок к стене, почти сплошь покрытой портретами, вырезанными на древесных плашках.

С табуретки у ложа приподнялась арнека:

— Мама?

Стив непроизвольно отшатнулся, но справился с собой и шагнул в сторону, давая войти и Ристелу. Имрис выросла в сильную высокую арнеку с волевыми чертами лица и заметной темной шерсткой на скулах. «Она явно не в меня», — мелькнула мысль.

С подушки приподнял голову совершенно седой арн со всё ещё острым и внимательным взглядом. Из-под редких, но длинных бакенбард виднелось свадебное ожерелье. С прозрачным крилодом.

«Бездна, он вполне в сознании», — внутренне вздрогнул Стив. Из-за кровати с пола вскочил подросток. Колыхнулась занавеска, отделяющая кухонный закуток, и вышли ещё двое детей помладше: арн и арнечка...

Имрис переводила беспокойный взгляд с брата на экзекутора.

— Где мать? Она...

Стив перебил и поздоровался заученной фразой.

Вроаррист с натугой попытался сесть, и дочь кинулась подложить отцу подушки под спину.

И снова все молча таращились на экзекутора.

А экзекутор продолжал нервничать. Неопределённые, но коряво-неприятные ощущения ползали внутри, и он, преодолевая затянувшуюся паузу, сказал:

— Я не знаю, что и как у вас запланировано, но у меня очень краткие инструкции: привезти кристалл с душой Вроарриста. Мне было бы проще отвезти только кристалл. Но я вижу, что Вроаррист жив, и кристалл пуст. Поэтому Вроаррист должен поехать со мной. Когда мы можем выехать?

«Идиот! Как же неудачно выразился... Сейчас огребу», — засуетился Стив.

— Ариш, — признёс Вроаррист.

Стив замер, но быстро ответил:

— Она не приехала. Приехал я и мне надо с вами поговорить. Лучше наедине.

— Зачем ты так с нами, Ариш? Мы так ждали тебя... Твой запах... — продолжил Вроаррист. — И где твоё ожерелье?

Мысли Стива скакали, как блохи на сковородке. «Зараза Джи — мог бы уж нанюхаться и успокоится за столько времени! Нет же, как заблокировал, так и смерди тут мёдом во всех теломорфах!» С чувством беспомощности, посмотрел на близнецов: Имрис у кровати, Ристел закрывает собой дверь. Трое внучат — рядом за изголовьем кровати.

«Окружили...» Стив сглотнул и медленно сказал:

— Я не знаю, что вы от меня хотите. Я ничего не знаю! Я никогда не стремился стать частью вашей жизни. Самое большое, что я могу сделать, это извиниться, что не соответствую вашим желаниям. Но я не Ариш. И её ожерелье находится в лабораториях, я не собирался его надевать. Как бы я выглядел? Как бы выглядели вы, явись сюда экзекутор в свадебном ожерелье? За горами идет другая жизнь, и я не Ариш. Запах там или не запах.

— Мы все знаем кто ты, и не важно как ты выглядишь. Важно, кто ты есть в своей душе, в своей семье и по крови. Не отрицай кровь свою, — ответил Вроаррист.

— Простите, но я пытаюсь сделать всё максимально проще для всех. Я не хочу создавать проблемы. Вы не моя семья, не моя кровь. Это была Ариш, задание...

Вроаррист покачал головой:

— Мы так долго тебя ждали. Семья должна быть вместе, души должны быть соединены любовью, даже когда мы далеко и наши дети — это наша кровь, наша душа. Они всегда с нами.

— Нет... Нет! Всё не так!

— У тебя нет вообще никаких чувств, раз ты отказываешься от нас? — воскликнула Имрис.

Стив опять вздохнул:

— При чем здесь чувства? Я не могу отказаться от того, что никогда... Да что вы от меня хотите? Я приехал только за Вроарристом.

Арнека поджала губы и резко выдохнула, со стороны двери не было слышно ни звука. Трое маленьких арнят стояли, тесно прижавшись к изголовью дедовой кровати.

— Подойди ко мне, сядь, — похлопал Вроаррист по постели рядом с собой.

Стив, против своей воли, оглянулся на Ристела, хотя бежать действительно не собирался, и сел к старику.

Тот взял Стива за руку и продолжил:

— Мы благодарны тебе, что ты, наконец, с нами.

Стив потер другой рукой лоб, обвёл семейку взглядом:

— Это сумасшествие...

— Не отказывайся от крови своей, не разрывай кровную линию семьи, не рви нашу общую душу!

Стив почувствовал, что его затягивает в смерч:

— Нет, нет! Я не могу быть членом вашей семьи! Я приехал только для сопровождения старого арна к императору. И это всё!

Имрис слегка сгорбилась, вроде даже как-то приблизилась, при этом оставаясь на своём месте, и тихо проворчала:

— Убирайся. Я не хочу, чтобы ты хоть секунду тут находился! — от нее заструился острый «звериный» дух.

«Боже, она умеет перещелкиваться?» — испугался и немного восхитился Стив. У Ариш получилась дочь — истинная арнека!

Вроаррист сжал руку сильнее:

— Нет, Ариш останется, я с ней... С ним ещё поговорю...

Стив добавил:

— Ариш-не Ариш. Я здесь из-за крилода. Сразу же уйду, как только смогу. А смогу я тогда, когда Вроаррист поедет со мной.

— Или умрет, — добавил от двери Ристел.

— Да! Или умрет здесь. Но он не умрет в принципе. Его душа попадёт в кристалл, и Император даст ему молодое тело. И ваш отец и дед присоединится к гвардии Императора! — поторопился пояснить Стив. — Ваше рождение было платой за бессмертие вашего отца.

— А какова твоя цена? — ядовито прошипела Имрис.

Стив замотал головой. «Ой, я сейчас должен присягу продекламировать?» — но вслух ответил:

— Я служу Императору, и здесь я совершенно официально, так что давайте перестанем устраивать семейные разборки, тем более, что я не член стаи или семьи. И я, вообще-то, голоден. И там стая собиралась делать прощание. Я думаю, вы мне объясните ритуал, и мы начнём продвигаться к концу моего визита.

— Мы не дадим тебе убить нашего отца! — воскликнула Имрис.

Стиву уже было совсем тошно. Он повернулся к Вроарристу и попросил:

— Прошу, успокой свою дочь — я не буду никого убивать! Мне не нужно никого убивать.

Запах от Имрис усиливался. Стив безотчётно сжал руку Вроарриста и напрягся. «Неужели она может? Или всё-таки нет?»

Имрис еще больше сгорбилась, её руки начали удлиняться... Ристел подскочил и обнял её.

— Дети, выйдите вон! Все вон, — Вроаррист притянул к себе Стива. — Сейчас же!

Ристел вывел сестру, малышня выскочила следом, и Стив облегчённо выдохнул.

Вроаррист попытался обнять (или погладить?) другой рукой Стива.

— Извини, Аришка, дочь так ждала тебя!

Стив перехватил руку арна и отвёл её, сдерживаясь:

— Рис, — невольно вылетело домашнее имя мужа. — Я не Ариш. Я здесь совершенно не как твоя жена. Это всё было в рамках эксперимента и приказа Императора. И в нарушение законов Империи.

— Я чую тебя. Ты же любила меня. И ты помнишь. Ты всё ещё любишь меня. Я чую!

— Не сходи с ума, Рис. Нет, Вроаррист! В бездну, перестань! Мне что, драться тут с тобой? Я же покалечу тебя!

— Да, я слаб и стар, но у нас семья! Не важно, что ты иначе выглядишь. Ты умирала?

— Да нет же! Ты же помнишь, я — экзекутор и не арнека. Но я сейчас — это я! И не надо...

— То есть из меня могут сделать женщину? Как из тех...

— Нет. Нет! Всё не так. Ты будешь собой. Ты получишь практически своё собственное

тело, но такое, какое было у тебя в молодости. Я же не гвардеец. А ты будешь солдат. Никто из тебя женщину делать не будет.

— Хорошо, но почему ты сопротивляешься семье? Ты не любишь наших детей? Это нехорошо, это настроит стаю против тебя и против детей.

— Да в пропасть вашу стаю! Я сюда приехал только чтобы сопроводить тебя на Северную базу! — Стив выдернулся из объятий и отошёл к столу, как будто эти два шага могут изолировать и замаскировать проблему. — Прошу тебя, сосредоточься! Не надо говорить обо мне, не надо говорить о детях! Не надо! Мне надо только знать, когда мы едем назад! Боже, дай мне силу, проклятье же!

И разлилась тишина. Старик долго смотрел, но потом тихо сказал:

— Иди. Тебе всё скажут.

— Кто мне всё скажет?

— Иди, спроси своего сына.

— Хорошо.

Стив вышел, с чувством бессильной злобы треснув дверь.

Мимо него сразу же проскочила в дом Имрис. Вполне в нормальном виде, но шипящая яростью, так что Стив еле успел отскочить с дороги. Сунул руки в узкие карманы штанов и перевёл взгляд на Ристела:

— Будешь так ласков сообщить мне, наконец, план моего тут пребывания?

Ристел смотрел исподлобья:

— Ты действительно наша мать?

— Нет. Я похож на чью-нибудь мать? Перестань. Я с вами с ума сойду. Я сейчас сам волком завою! Прости...

— Но...

— Нет! Прошу, никаких но! Только по делу! Куда мне идти, чего ждать, и когда мы с твоим отцом отсюда выезжаем? Больше ни слова, ни о чём другом!

Ристел несколько мгновений разглядывал эскутора.

«Сегодня просто день долгих взглядов!», — чуть было не съязвил Стив. Наконец, Ристел молча развернулся и пошёл в сторону дома, где родился. По дороге, не оглядываясь и совершенно нейтральным голосом, произнёс:

— Сейчас будет прощальная трапеза, а завтра утром вы выезжаете. Я поеду с вами. Возможно, с нами поедет и Имрис. Она очень близка с отцом. Она умеет частично перешёлкиваться в волчью форму. Её дети — полноценные члены стаи. Я не умею становиться зверем, и детей у меня тоже нет. Но я тебя слышу. В смысле, чувствую. Вижу без глаз. Как в детстве.

— Ты не можешь ничего помнить, — единственное, что смог выдать Стив в спину сыну. И сразу вспомнил, как Ристел мысленно обнял его и пошёл навстречу, «увидев» сквозь стену в фургоне. — Отведи меня к вожаку.

Вожак Лимрайн — сын измененной женщины и Мрайса — помощника по кухне, ковырялся с закрепленным на верстаке дополнительным манипулятором биомеха. Теперь у стаи Вроа было не два, а четыре био-андроидных механизма — поля расползлись даже по противоположному берегу реки.

Стив представился, наверное, впервые за всю жизнь арна заговорив с ним, и отрапортовал задание.

— День добрый, Императорский эскутор, — Лимрайн отложил инструменты. —

Можешь привести на гостину и сопровождение. Как их зовут?

— Нод и Аби.

— Хорошо. На гостине ты будешь с семьей?

— Нет, мне лучше сделать отдельный столик.

— С Нодом и Аби?

— Нет, они не моя семья. Ни у ажлисс гвардейцев, ни у меня не может быть семьи.

— У нас свои законы, отмахнулся Лимрайн. — Но гвардейцы же могут иметь общий стол?

— Гвардейцы могут. Но я буду сидеть отдельно.

— А ночевать ты будешь где?

— Можно я пересплю на конюшне?

— Не в доме, не в фургоне, — проворчал Лимрайн и кивнул, возвращаясь к прерванному ремонту.

Ристел указал Стиву лужок между домами, где на расставленных в беспорядке низких столиках собирали прощальный ужин, и сказал, что пока всё не приготовят и не позовут, Стив может подождать где угодно.

— Почему Вроаррист не живет в общем доме?

— Отец сам отстроился и переселился ближе к реке около десяти лет назад. Сказал, что так чувствует себя ближе к матери, которая уехала далеко за реку и Фарнойские хребты. Раньше он всегда был в стае, но спал один. Теперь он слаб, но кто-нибудь из семьи всегда с ним. Хочешь, я побуду с тобой?

— Нет, не нужно, — Стив даже испугался.

И остался один. Пошёл к конюшне. Ни в чей дом он не пойдёт, будет спать тут. И всё. Вместо сердца образовался дивный насос, высасывающий эмоции и накачивающий пустоту, загадочную легкость, которая почему-то всё тяжелее придавливала его к земле. Зайдя на конюшню, он обнаружил свежестроенный клозет. Это непонятным образом его добило и отняло последние силы. С каменным лицом он развернулся, обошёл строение и сел на траву так, чтобы видеть перед собой деревню и поле и не видеть ничего, что он видеть не хотел. Домик, где остался бывший муж и истеричка-дочь, с его позиции тоже не было видно. Вот и хорошо. Он попытается успокоиться, сегодня переживёт, а завтра уже едет, а потом он сможет полностью всё выкинуть из головы.

Прощальный ужин прошёл чинно и мирно. Вроарриста привела дочь, и они сидели на скамьях у низкого столика между деревьями на лужайке перед общим домом вместе со стаей. Стиву поставили отдельный столик, чему он был искренне рад. Обратили спрашивали разные глупости о жизни за горами, и Стив старался давать политически уравновешенные ответы, незаметно поглядывая на свою бывшую семью. Да какая семья... вот именно. Не семья. И не была никогда. Наконец, решив, что его политическая роль отыграна полностью, он попрощался и, забрав в фургоне одеяло, ушёл спать на вожделенный сеновал.

Глава 4. Территории. Ристел

Выехали рано утром с Вроарристом обоими его детьми и тремя внуками. То есть, ближайšie кровные родственники. В последний момент в телегу погрузился молчаливый и хмурый арн — супруг Имрис. Сначала бдительно смотрел по сторонам, но потом натянул на голову куртку и уснул. И правда, кого от кого тут охранять? Гвардейцы с экзекутором распугают любых неожиданно сошедших с ума и решивших напасть соседей. Насколько Стив знал, даже традиционные границы охот уже не соблюдались так строго.

Возок арнов не отставал от фургона. В него перепрягли одну из биолошадей — пустой фургон без напряжения увезет и тройка. Высокие и тонконогие биокони были не только в два раза выше, но и значительно сильнее коренастых однокопытных и мохнатых местных лошадок.

Стиву очень хотелось узнать, жива ли Хорха, и где она, если жива, но он крепко держал себя в своих же собственных рамках. Он втайне надеялся, что Ристела охватит ещё один приступ выдачи информации, но тот всю дорогу старательно развлекал племянников. И, в конце концов, не всё ли равно? Любопытство — нехорошая черта.

Экзекутор старался держаться подальше и независимо от группы на телеге, типа случайно в одном направлении едем. Имрис его игнорировала, что было очень, очень хорошо: никому не нужны острые конфликты.

— Эй, ажлисс экзекутор, — окрикнул его Ристел. — Не дашь ли ты детям проехаться на императорской лошади? Детям скучно вот так сидеть.

— Да, сейчас, — Стив приказал остановить фургон. Выпряг еще одного коника и хотел сдать его Ристелу, но тот, явно поняв его маневр, отошёл, направив к нему самую младшую девочку.

Стив положил ладонь на морду коня, укладывая его и настраивая на послушность детям, и обратился к девочке:

— Садись и держись за гриву, лошадка будет идти только шагом.

— Это она? А как её зовут?

— Все биолошадки кобылы. Так принято. Они не размножаются обычным способом. У них нет имён, только числа регистрации. Но ты можешь назвать её как хочешь. Она будет тебя слушаться.

— Я назову её Красавица! Ой, она такая высокая!

Стив, всё ещё касаясь кобылы, сделал так, чтобы она заржала и, выгнув шею и подняв хвост, пошла по обочине, горделиво поднимая ноги, будто танцует... Дети засмеялись. Два старших брата подбежали к всаднице и пошли рядом, глядя животное и разговаривая.

Стив сразу отстал, но тут его позвал Вроаррист:

— Я должен поговорить с тобой ещё раз.

— Хорошо, я попытаюсь, — Стив забрался в телегу. Имрис сдуло к арням.

— Ты ласков с детьми.

— Это обычная вежливость.

— Я не могу оставить своих детей и внуков в таком горе, что ты принёс нам.

— Но ты оставишь. Я здесь ни при чём. Это уже давно решено, ты заплатил и должен получить то, что купил.

— Я сделал ещё не всё, что мог. Важны живые. Теперь им будет хуже в стае, так как их

кровный родственник отказался от них. Ты рвёшь линию крови. Почему ты не откроешь своё сердце? Почему ты прячешься и убегаешь? Я видел твою любовь... Дай её им, просто выпусти её из своего сердца. Ты даже ночевать не пришёл.

— Вроаррист, я должен сопровождать тебя, но ты говоришь глупости. Я не хочу с тобой разговаривать. Не понимаю, к чему. Никакой любви нет и не было. Был эксперимент — и всё. Я сделал, что был должен, и теперь не имею к этому никакого отношения. Был приказ.

— Всё можно делать с любовью. Тебе тоже будет лучше.

— Мне вполне хорошо. То, что ты говоришь, бессмысленно. Я сюда больше не приеду, а если приеду, все, возможно, будут уже давно мертвы, и кому это будет нужно? Я абсолютно неважен для вас.

— Ошибаешься. Важен каждый живой и каждый его шаг. Каждым своим шагом ты влияешь на всё вокруг. И, в первую очередь, на себя.

— Это сотрясение воздуха. Слова. Я не понимаю тебя.

— Тебе было плохо, когда ты отказался от нас.

— Нет, мне было хорошо, когда я уехал. И я не вспоминал и не хочу вспоминать то, что тут было. Мне стало плохо, когда я приехал.

— Потому что ты отрицаешь нас. Ты не можешь не любить свою кровь, это твоя кровь в них.

— Это не моя кровь, прошу тебя. То тело было не моё. Кровь — не моя. Всё это — не моё.

— Не обманывай себя. Наши дети родились от слияния наших тел и наших душ... Ты отвечаешь за всё сотворённое тобой. Даже если ты не хочешь это признать. Дай им свою любовь, и они сделают тебя сильнее своей любовью. Не рви душу мироздания, закрывая себя от любви, вырывая свою душу из целого. Ты должен давать силу своей крови, а не убивать её. Они нуждаются в тебе! Они столько лет держались любовью к тебе и ждали тебя, ты не можешь отказаться от них!

— Перестань. Ваши ритуалы и мировоззрения не мои. И я не могу их любить. Во-первых, я их не знаю совсем и знать никогда не буду. Во-вторых, не понимаю и не хочу понимать, что ты от меня хочешь! Я не принадлежу себе, и моя душа не принадлежит мне. Я...

— Отпусти свою душу. Чтобы любить, не надо знать, не надо быть рядом. Только ты владеешь своей душой. Соединись со своей кровью, соедини части души своей. Не запрещай себе. Не рви себя, не рви нас.

— Ты рвешь меня, требуя то, что я не могу дать. Ты пугаешь причины и события. Сейчас я поступаю, как я, а тогда у меня был приказ, заклинание, которое мной управляло, если тебе так понятней...

— Мне жаль тебя, мне жаль наших детей. Ты всегда сможешь прийти в семью и она примет тебя, что бы с тобой ни случилось.

— Имрис мне, скорее, горло порвёт...

— Мриса примет тебя. Это ты отказываешься от неё и она просто защищается от боли, что ты ей делаешь. Они вернутся в стаю, и им будет там сложно жить, так как ты разорвал их душу, разорвал нашу семью, разорвал единение семьи и стаи. Прервана линия крови. Ты отказался. Я ушел.

— Ты вернёшься. А меня никогда не было. Не обвиняй меня в том, в чём нет моей вины! Всё не так! Закончим. Вы не моя семья. Это лишнее! Я не хочу.

Стив оглянулся. Дети ещё не накатались. Тогда он соскочил с телеги, бросился вперёд и побежал, далеко обогнав фургон. Заодно и проветрится...

* * *

До шлюза Стив приехал на отпряженном коне отдельно от всех. Ненормальные оборотни и их семейные заскоки! Завёл коня и уложил его в гнездо. Вернулся на площадку перед воротами.

Там уже плакали дети, прощаясь с дедушкой.

— Не плачьте, — Стив положил руку на экран сенсорного замка. — Вроаррист сможет вас навестить после своего перерождения. Император даёт такую возможность гвардейцам.

Близнецы приближались помалу, обнимая Вроарриста с обеих сторон.

— Возьми и меня туда, — Ристел потерся щекой о плечо отца и обратился к Стиву. — Пожалуйста!

— Нет, — Стив помотал головой. — Это нельзя!

— Но я хочу с тобой! Ты — семья.

— Нет, у меня нет семьи. А ты родился здесь, и тут твой мир.

— Возьми меня с собой, — заныл Ристел. — Я не могу вернуться в стаю. У Имрис ест муж и кровь в стае, а у меня осталась только она, но этого мало! Я не арн, у меня не будет семьи в стае!

Имрис отвела детей к телеге и крикнула:

— Не проси! Кого ты просишь? Этой твари на тебя плевать! Она родила уродов и бросила. Выкинула, как мусор! И у неё нет ни капли совести или сердца даже принять твою любовь, у неё вместо крови грязь!

— Не скули, — сказал Вроаррист. — Я вам напишу. Пока мы живы, то что-нибудь придумаем.

Стив обнаружил, что у сердца снова проклюнулась и закрутилась растущей воронкой чёрная дыра. Да когда же это кончится!

— Так. Отойти! — Стив отсранил Ристела и открыл шлюз. — Нам пора.

Имрис тут же подскочила и обняла брата.

Вроаррист, шаркая ногами, перешел через порог и оглянулся.

Поняв, что прощание окончено, гвардейцы тронули лошадей, легкой рысцой провели фургон и скрылись в конюшне.

Стив сразу же захлопнул шлюз, отсекая территории. Протянул руку, чтобы помочь старому арну пройти длинным коридором. Но Вроаррист наградил Стива очередным долгим взглядом, и пошёл сам. Медленно и неуверенно, но сам.

За поворотом, еще невидимые для глаз, ясно светились ауры регента и трех дознавателей, идущих навстечу новобранцу. Крис вел за собой левитирующее кресло.

Ритуальные вопросы о смысле жизни, преданности живому Богу и заслугах перед цивилизацией могли бы болезненно напомнить, что его самого сделали ажлисс, не спросив ни разу. А только потому, что Джи по ауре маленького ребенка увидел полезность этого ребенка для нужд Империи.

Император в парадном камзоле и сверкающем синей инкрустацией обруче-короне встретил новобранца в инкубаторном зале. Почетный гвардейский караул разразился

приветственный криками.

Воспользовавшись тем, что на инициации нового ажлисс экзекутору быть не обязательно, Стив отпросился и удрал.

Потом арна уложат в инкубатор, который разрушит его тело, а настроенный на биополе Вроарриста крилод примет осиротевшую личность на время, пока инкубатор не сплетёт новое, уникально-личное тело в соответствии с генотипом арна, но с качествами ажлисс... Потом новое тело, как более сильное энергетически, перетянет в себя родную душу и проснётся новый ажлисс. Вроаррист приступит к обучению в гвардии, будет набираться опыта в гарнизонах на разных планетах. А вот возможности столкнуться с экзекутором у него практически не будет.

* * *

Тащиться домой в телеге, даже запряженной искусственной лошастью — долго и как-то безысходно. Но главное, бессмысленно. Какой у него, отщепенца и изгоя, может быть дом? Ристел большую часть дороги прошел пешком, чтобы отвлечься и как следует устать. Он надеялся, что... Да даже неизвестно, как существо, породившее его, называть! Инкубатор. Биоматка... Арнов когда-то давно создали в лабораториях такие же ажлисс, что владеют Территориями. Арны убежали, но ажлисс вновь их поймали и создали резерват. Заповедник. Как же надоело быть дрессированным животным!

Дети сестры спрашивали глупости, останутся ли у дедушки настоящие бакенбарды арнов или он облезет, как ажлисс регент Крис; и будет ходить как многие люди или маленькие арнята с голым лицом?

— Имри, — Ристел догнал телегу. — Я не пойду домой. Все равно завтра на работу, лучше пойду сейчас. И пока останусь там.

— Как... Ну вот, — Имрис остановила лошадь. — Ты-то хоть не бесись! Я понимаю, что грустно и обидно, но я не хочу сразу терять двоих!

— Я никуда не денусь — отсюда невозможно уйти. Но я не хочу больше ждать смерти бездеятельно.

— Рис-рис... Ристел! — Имрис обхватила брата за шею и посмотрела ему в глаза, соприкоснувшись лбами. — Кому поможет, что ты загонишь себя до смерти на раскопках! Давай попросим Криса, может впустит сюда какую-нибудь женщину для тебя, раз арнеки не хотят. Ну и что, что проект закрыли двадцать лет назад, ты...

— Нет. Я не хочу плодить изгоев, — Ристел помотал головой и нежно отстранил руку сестры. — И не хочу просить Криса. Достаточно, что я до последней капли крови благодарен ему за наше счастливое рождение. Пока, щенятки, — Ристел погладил племянников и взял свою торбу с телеги. — Всего вам всем! Остальные мои вещи пришли с фургоном. Но... Я просто не могу вернуться в стаю.

— Успокаивайся и возвращайся. Твое место всегда рядом со мной.

Ристел перепрыгнул через придорожную канаву и неторопливо потрусил в направлении раскопок. Не стал углубляться в старые споры и наблевшие измышления при детях. Достаточно дряни они насмотрелись за эти дни.

Как бы ни была Имрис вспыльчива или раздражена, он всегда чувствовал от неё любовь. Им-рис и Рис-тел. Тетка волчица их так и звала: Рис-рис, не разделяя недо-арнёнка от

истинной арнечки. Тогда они были маленькиееи еще не было видно, что он не арнёнок, а ребёнок. Человечонок. Сестра и отец — это вся его стая. Но у отца сейчас будет новая жизнь, а у Имрис семья. Её старший — Аврист скоро победит свадьбу, а он... Он нормальный, что бы в стае не говорили. Нормальный и сильный. Может построить дом, починить биомеха, прокормить семью. Не дело ему сидеть под боком у сестры. Все ровесники давно отбегали охоты. Некоторые уже в свою очередь тренировали выросших детей к свадебным ловам. А он уже давно не щенок. Он никогда не был щенком... И его отец оставлял дома, когда тренировал Имрис, потому что Хорха уже умерла. А теперь сын Имрис подрос достаточно: уже может выщелкивать челюсти. Нет, полностью перещелкнуться у Авриста не получилось, но завонял всю спальню, как тужился. Примчался к нему декаду назад посреди ночи. Не к матери с отцом, не к деду. К дядьке-недоарну. Как же не похвастаться тому, кто не умеет даже завонять... Глаза блестят, челюсти щелкают. Вытянутые, ага. Радовался, дурашка, как у него нюх усилился. Нюх усилился, Святой Праотец! Он без нюха чувствовал торопящегося к нему по коридору щенка. И вообще арнов в звериной форме любая тварь и с напрочь оторванным носом учует. Вонючки. Никак понять не могут, как он, такой дефективный, а более добычлив, чем они. Нарочно научился охотиться с арбалетом. Он не зверь, когтями да зубами глотки рвать. Хотя однажды попробовал от еще живого оленя отжевать зубами кусок мяса и убедился, что это придает сил и ему. Когда мясо еще живое... Но он не арн! И запретил себе всё, что роднило с арнами. А то, что он без нюха добычу видит — это их маленький секрет с Имрис. Никому никогда не рассказывали. Как бы она не укрывалась, он видел её. Потом, правда, начал изображать, что по следу идет, но другие щенки быстро поняли, что никакого нюха у него нет. И он стал притворяться, что слышит добычу — надо же было как-то объяснить, что он всегда знает, кто где притаился? А сестра и не расскажет. Зачем? Чтобы стая получила еще одно доказательство его неправильности?

Ристел бежал долго. Начал уставать. Перешёл на шаг, когда вспомнил, что экзекутор точно также удирал от неприятных вопросов отца. Стемнело, но для него ни в лесу ни в поле никогда не бывало так темно, чтобы он не мог ориентироваться и бесшумно передвигаться. Он был единственный, кто мог охотиться на чужих землях и его ни разу не могли поймать. Куда этим вонючкам! Да, на четвереньках они бегали быстрее его, но он чувствовал их еще на пороге их домов. Приводить добычу как экзекутор не получалось, зато он мог подкрасться незаметно к кому угодно.

А ещё экзекутор ничего не соображал в механике. Или не соображала? Он же видел, как незаинтересованно и без малейшего понимания экзекутор посмотрел на левый грудной манипулятор биомеха. Там перекрутился капилляр для смазки — а надо было закреплять как полагается, а не как сделали. Только верхушку насадили и решили, что сойдет. Конечно, он прокручивался. Лимрайн вывернул рычаг с потрохами наружу и было всё видно, как на учебной демонстрации. А у экзекутора в мыслях отразилась только мешанина проводков.

Интересно, кто в стае такой легкомысленный? Он бы мог работать в мастерской и дома, но еще в отрочестве решил не иметь ничего общего с арнами. «Сначала бороду найди! Где твои клыки?» — вспомнились детские драки. Для человека слишком сильный, для арна слишком слабый... Он не зверь какой, чтобы клыками щелкать!

Когда нашли корабль Тадея, он сразу попросился... Дрянь! Как же тошно. Все надо просить. И никого из арнов не корёжит это положение, что ради любого плевка надо обращаться за разрешением к ажлисс регенту Крису. Он, рожденный от семьи Императора

— изгой даже среди изгоев! Спасибо Крису за счастливое детство. Тогда он мечтал, что станет вожаком, выведет стаю за горы. Ведь он — сын вожака самой большой стаи арнов и внук вожака людей! Очень глупо.

Завернулся в ажлисское одеяло и устроился спать под раскидистым можжевельником. За двадцать лет арны наделали одеял, собранных из набитых шерстью подушечек размером с ладонь, но с шерстяным одеялом в лесу не переночуешь. Ажлисское же и старое, прекрасно изолировало и отводило влагу от тела.

Утром, выйдя на дорогу, он поймал самоходный фургон, собиравший рабочих на раскопки. Арны даже не посмеялись, что он пешком шел. Что с неправильного арна спрашивать? Он все делает неправильно.

Громадный корабль размером с целый поселок беженцы Тадея полностью и тщательно захоронили. Арны жили здесь столетия и со своим прекрасным нюхом даже не подозревали, что охотничий лес расположен на крыше космического корабля. А травяная поверхность на холмах и плато указывала на местонахождение энергетических отсеков стародавнего ковчега. Деревьям не нравилось расти даже над давно сдохшими моторами. Примерно треть корабля, где были жилые каморки, Тадей затолкал под скальную породу. Но это они узнали позже, когда по результатам миллиона шурфов сделали карту. Ажлисс не хотели дырявить обшивку, арны не желали раскапывать охотничий пейзаж и пару лет потратили на неторопливые поиски погрузочного шлюза. Как оказалось, такие корабли никогда не садились на планеты, да и не осталось в безупречной системе бессмертных ни планов ни чертежей — то, что не подчистил беглец, вычистили оставшиеся имперские чиновники под девизом «Не было ничего!». А сам корабль оказался глух и нем — все носители информации подчистую оказались разряженными и пустыми, за столько лет хранения в негостеприимной к технике ажлисс земле.

Под руководством мастера Лейса построили деревню из пластмассовых имперских домиков, где и жили ажлисс. Арны предпочитали ночевать дома.

На двери домика Лейса висела записка: «Уехал на инициацию Вроарриста. Вместо меня — ответственный Фирт».

Фирт оказался в столовой. Ристел, попросив его подождать, забежал к повару: взять себе завтрак и сразу договориться, что он теперь будет полностью питаться на работе и может время от времени охотиться, чтобы разнообразить блюда свежатиной.

— Ажлисс Фирт! — Ристел вернулся с завтраком к столу начальника. — Я хотел вас попросить... Отец покинул нашу семью... Нет, не надо поздравлений, для нас это трагедия. Я бы хотел работать один, мне надо выдержать время памяти об отце.

— Никогда не слышал о такой традиции, — Фирт достал из планшета блокнот с планом работ. — Но с другой стороны, твой отец — первый. И что бы ты хотел делать? Для твоей квалификации тут полно вариантов.

— Я давно хотел разобраться с коллекцией экзоскелетов и механоидов на голубом уровне. Склады от тридцатого до шестьдесят восьмого. Да, это закрытая зона, но надо хотя бы каталог составить.

— Ты прав, работы тут невпроворот, на десять трауров хватит, — хохотнул Фирт и похлопал Ристела по плечу. — И для ученых не бывает закрытых тем! Как всегда, от каждой группы принесешь образцы, с остальным можешь играть на месте. Бланки для картотеки не забудь оформлять в двойном количестве: на склад и сюда.

— Я решил пока пожить здесь, можно я займу тот крайний гостевой дом? Он все равно

большую часть года пустует.

— Конечно. Давно бы занял и не мотался каждый день. Сестру по выходным можно навещать, каждый человек тебя поймет. Кладовщика я проинформирую, что еще один нахлебник у нас на постоянное жительство пришел, — Фирт еще раз хохотнул. Нахлобучил прозрачную каску и ушел.

Ристел завтракал и думал о том, как оно все просто получается у этих ажлисс. Но он сам в какой-то мере ажлисс, и у него тоже все будет просто.

Глава 5. Падение. Стив

Облачённый в бордовый шелковый верх, черный кожаный низ и с ножом на бедре, Стив вышел из портала на этой Сэмле-Земле. Еще бы они ее «вода» назвали или «воздух», затейники! Холод сразу прохватил до костей. Купол над порталным залом был открыт — база, столетиями спрятанная в горах, зияла нараспашку.

Отошел вбок к пешеходной зоне, ведя на поводке планирующий чемодан с дублями экзекуторской формы. Огляделся и кинул скан: вытащенный из небытия веков каменный зал и прилегающие склады битком набиты снаряжением, вещами, техникой. Вот местные будут удивлены массивностью атаки, думая, что вся захватническая армия и вместе с обеспечением болтаются на орбите в экскурсионном кораблике!

Три грузовика, полные людей, упали с неба и влетели в мигнувший туманом портал, направляясь на одну из колонизируемых планет.

Стив убил мысль, что его близкие или далекие родственники могли только что пролететь мимо...

Два гвардейца в деактивированной броне, сжатой до ободков на поясе и по краям обмундирования, выдвинулись навстречу из шлюза зоны ожидания. Стив в очередной раз отметил, насколько маленькими кажутся головы на столь могучих телах бойцов Императорской гвардии.

— Ажлисс экзекутор, желаю видеть тебя подарком, — сказал темноволосый. — Я Мэт.

— Лирой, — склонил голову второй. У него были пушистые усы, переходившие в затейливую, тремя хвостиками бородку.

— По приказу регента Сейо мы — твое сопровождение, ажлисс экзекутор, — Мэт перехватил поводок планера с гардеробом.

— Можете обращаться ко мне по имени. Стив, — экзекутор обогнул почетный караул и заторопился в тепло. «Экзекутор не здороваётся и не прощается», — тенью промелькнула вызубренная с детства формула. Нашёл ближайший пункт связи и положил руку на сенсор:

— Регенту Сейо от экзекутора. Присяга....

Но договорить не успел, на экран выскочила записка с печатью регента:

— Экзекутору. Присягу принял. Приступай к работе. Крилод переправь внутренней почтой. Мэт отвечает за распорядок и связь. Сейо.

Стив на мгновение сбился, но набрал ответ:

— Подтверждаю получение приказа. Прикладываю Императорское разрешение на изъятие одного человека из популяции по своему выбору.

Вызвал из терминала связи маленький контейнер, запечатал в него и отослал свой крилод. Вытащил из системы официально подкрепленное печатью Джи разрешение и тоже переслал Сейо.

Ответа не дождался и повернулся к конвою:

— Мне нужна нянька и эмоциональный донор. Кто из вас будет кто?

«А, это тот заблокированный, который не может сам себя порадовать...» — проявилось в голове у Лироя.

«Сам блок поставь!» — мысленно пнул коллегу Мэт.

Отлично, фыркнул Стив. Люди, арны или ажлисс — сплетни гуляют везде. Но его прочитать им не удастся.

— Мы сопровождение, — Мэт выпустил поводок и подтолкнул чемодан к экзекутору. — Обслуга сможет покидать базы после окончания экспансии. Тогда же будет разрешен отдых и развлечения.

— Хорошо, ажлисс Мэт и ажлисс Лирой. Что тогда будем делать?

Они сразу вылетели на нейтрализацию возможного конфликта, отлов и переселение. Для Сэмлы началась новая эра, и Стива взяли в такой оборот, что он еле успевал есть и спать. Все указания приходили только через Мэта. Вся эта субординация и игры в больших начальников! Сейо ни единого распоряжения не послал лично, дословно выполняя закон, что экзекутор работает только под руководством ответственного ажлисс. Коммуникатор Стива безмолвно лежал в кармашке пояса. Стив похихикал про себя и забыл. Пускай у Мэта голова болит, куда они едут, когда они едут, что есть и где спать. Экзекуторово дело маленькое. Прилететь, накрыть сканом обозначенную территорию, заблокировать и вывести все, что способно к передвижению и отсвечивает живыми аурами. Заставить ссыпать оружие в кучку и удержать это стадо, пока им всем наденут ошейники. Помочь дознавателям допросить подозреваемых, внушая любовь и искренность. Найти, есть ли бомбы или запряжанные мины, ловушки и прочие подарочки. Заставить умельцев, что их установили, разобрать все до безопасного состояния, и раз-два — топайте в багажник. Прощайте, летите строить новую жизнь под чутким руководством ажлисс. Благо большинство армейских формирований смогли организовано и заблаговременно вывезти, подменив их руководство и рассеять по строящимся населенным пунктам обоих заселяемых планет.

Экзекутора использовали на сто пятьдесят процентов. Джи был, как всегда, прав. Очень быстро у Стива не осталось ни времени ни сил, чтобы не только кукситься, но и хотя бы злиться. Он ел, что давали, падал в сон, где указывали. А проснувшись, опять глотал странную пищу и нёсся на задание. Спал во флаере по дороге с одного рейда на следующий. Приставленные два гвардейца могли меняться и отдыхать по очереди. С ним был то Мэт, то Лирой... Стив же стал бесконечным... Он был везде и сразу. Охмуря, нейтрализуя, выводя с крыш и бункеров, принуждая разряжать архаическое докристаллическое вооружение, заводя послушные толпы в грузовые флаеры, он помнил о разрешении Джи, он все время помнил и надеялся, что кто-нибудь привлечет его внимание. Но люди сливались в одну тупую массу. Время превратилось в однообразный поток.

Одно впечатление перекрыло всё — города. Нет, он и перед приходом на Сэмлу видел записи в энциклопедии и картинки со спутников. Но ощущение от изображений нельзя было сравнить с реальностью, когда он стоял маленькой манящей точкой, а вокруг суетилось несколько подразделений спасателей только для того, чтобы установить нейрозабор вокруг ареала изъятия. Еще несколько отрядов просматривали бесконечные жилые ячейки в поисках неспособных к самостоятельному передвижению детей, стариков или домашних любимцев. А сам город уходил на десятки километров за горизонт видимости, наполненный высоченными колоннами домов, возведенных без оглядки на нормативы здорового и разумного обитания и землепользования. О чем они думали? Что делать, если случится пожар? Прыгать вниз головой из окон? А если землетрясение? Чистое безумие.

Людей вывозили вместе с детьми и с многочисленными контейнерами со спящими домашними любимцами. Особенно забавна была транспортировка рыбок: аквариумы, заключенные в силовые капсулы, смотрелись издали как связки кубических воздушных шариков.

По нему несколько раз пытались стрелять. Смешные дикари! Они не могли знать, что

сосредотачиваясь и прицеливаясь, они привлекали его внимание раньше выстрела, кололи остро направленными мыслями. Он всегда успевал зафиксировать нападающего. Но однажды, при вывозе какой-то вооруженной группировки, слишком уставший экзекутор среагировал поздно. Атака оказалась массивной, и одна из пуль срикошетила в невинного, скользнув по броне гвардейца. Стив был вынужден лечить подстреленного. Поиграл в исцеляющего ангела.

Он думал, что дознаватель, руководящий сбором своего будущего дозена, сам и вылечит, благо такие мелкие травмы может лечить любой ажлосс. Но после быстрого обмена мыслями согласился, что политически лучше, если это сделает экзекутор, на которого только что покушались. И Стив остановил кровь и заставил ткани выплюнуть пулю. Легкое удалось залечить быстро — нежное и тонкое кружево легких быстро и послушно регенерировало. Но, закрыв рану, Стив оставил надломленное ребро срастаться обычным и естественным для человека способом. Он не имел ни времени ни желания медитировать с раненым еще полдня. Мэт (или Лирой?) что-то говорил аборигенам. Стив не знал язык и не слушал. Для его работы знать местные языки совершенно не обязательно. Это Сейо со своей командой будет тут жить. А экзекутор уйдет, как только планета стабилизируется до уровня, когда ее можно будет удержать только дознавателями, спасателями и обывателями, увидевшими свое счастье.

Свидетели нападения вели себя как при явлении Бога, а Стиву не нужно было знать язык, чтобы почувствовать благоговение толпы. К тому же, пока он лечил раненого, тот второй охранник, этот Мэт или Лирой, поймал нейтрализованного Стивом террориста. Толпа этого не поняла. Люди не знали и не чувствовали, что Стив поймал стрелка и заставил сдаться, навеяв ему страшное раскаяние. Стрелок, рыдая и норовя рухнуть на колени, что-то вопил и каялся, что привело толпу в трепет. Лечение раненого почти не требовало внимания, а зацепиться за ярко вспыхнувшее заинтересованностью биополе террориста и привести его назад, Стив бы смог и получив эту самую пулю в голову.

Ну может и не смог, но кто же об этом знает?

* * *

Он устал. Утомительная и высасывающая все силы работа без какой-либо психической компенсации. Он падал без сил, зверел в одиночестве и не имел возможности реанимировать нервы. Пить кровь, чтобы получить напрямую энергетическую подпитку? Категорически нет! И потом, из кого? Из этих слабых перепуганных аборигенов, которые еще не осознали счастья присоединения к Империи? Чем и как бы он заплатил? Система, получившая на Сэмле мерзкое определение «паучья сеть», еще не работала как надо. Стандартная расчетная единица — империал только-только вводился в оборот. Да и аборигены, кажется, еще не были информированы об упырячьих особенностях новой власти.

Или бегать по изоляторам, высасывать преступников, отбирать их у сортирующих человечество дознавателей? Нетушки, брать кровь даже у близких тяжело. Как будто распяли на площади и пропустили через него армию. Даже с Джи. Всегда остается ощущение, что он сам себя публично отпрепарировал и изнасиловал, добровольно выставив всё самое сокровенное. Хотя ничего сокровенного у него нет и никогда не было. Он давно вывернут наизнанку и разложен под ярким светом очей всеобщего Бога и нет ни малейшего уголка

тела или души, где бы Джи не побывал. А все равно после питья крови неуютно.

Ему нужен кто-то свой, личный, только его. С кем он сможет слиться душой и найти равновесие. Ему даже не надо будет пить его кровь, просто иногда отдохнуть, прикоснувшись душой.

Опять они куда-то перемещались, и Стив сполз на пол в багажнике грузового флаера. Он предпочитал сидеть на полу и сразу отказался лететь в кабине — дурные привычки всегда самые стойкие, самые упорные. Полчаса назад они перескочили порталом с другой стороны Сэмлы, нейтрализовав крупную банду мародеров, вооруженных как для завоевания галактики и решивших основать собственную республику. А теперь они летели к вспышке религиозных беспорядков. Боже, как он ненавидел религиозных фанатиков! Всех. Вместе с их божествами... Но сейчас ему надо подкрепиться или он поубивает этих верящих, окрыленных святой правдой и ворвавшихся куда-то там истребить под шумок неправильно или совершенно неверующих соседей. Вот у него один бог и нет иного. Бог, которого он может потрогать. Который с ним даже временами спит. Для себя он давно решил все эзотерические вопросы. Но сил у него уже очень мало. Он страшно устал. Надо у кого-нибудь набраться сил и спокойствия. Найти баланс. Уравновеситься. Иначе он сорвется. И так уже несколько раз, нелегально и незаметно для спасателей, он убивал душевно дефектных и нежизнеспособных, светящихся больной аурой. Которых всё равно бы разложили в конверторе на протоплазму, необходимую для оздоровления основного ядра популяции.

Его второе самое сильное впечатление — он нигде и никогда не видел такого множества дефектных, больных, покалеченных физически и душевно... Кажется, всё местное человечество было изуродовано с рождения. Нет, до рождения. Еще от дедов и прадедов с неправильным образом жизни и бессильными врачами. Почему ажлисс не вернулись сюда раньше? Почему Джи так долго ждал? Только для того, чтобы сменились поколения и у Крошки не осталось шанса найти родных? Неужели он всё ещё не верит её обещанию не искать?

— Экзекутор, на рабочем участке есть ещё невыявленные живые? — прямое обращение дежурного дознавателя выдернуло из транса.

— Живых нет, — ответил, рассеянно окидывая сканом пустеющую дорогу, на которой, как на наиболее удобном и свободном месте сбора, все еще толпились аборигены. Те, кто мог передвигаться сам. Те кто не мог, тех вынесли спасатели, уложили в капсулы и подсоединили к гроздьям с домашними любимцами и вещами.

— Экзекутор, ты свободен, — скомандовал дежурный дознаватель.

Дознаватели, не переставая, разговаривали с людьми, пожимали руки, гладили детей по головам. Дотрагивались до обнаженной кожи. Многие дознаватели умели делиться эмоциями. Не внушать, нет, но как бы слиться душой, успокоить. От людей исходил глухой страх вместе с любопытством, но уже не было взрывного ужаса, как в самом начале операции.

Теперь спасатели зачистят огороженное пространство от всего опасного и неприятного. А потом понемногу, с участием местного населения, разберут нужное, классифицируют исторически и этнографически ценное, модифицируют застарелое. Или вообще сделают тут кусок природы — людям не подобает жить в муравейниках...

Экзекутор, ровно держа одеревеневшую спину и тяжелую голову, удалился во флаер. Закрыв за собой перегородку багажника и рухнул на пол. Время летело слишком быстро. По

правилам адаптации все перешли на местный подсчет, что не было так сложно. Но планетка вращалась слишком шустро — не только день был в полтора раза короче, но и один час был всего шестьдесят минут, вместо стандартных ста. Еще же минуты при всей беспорядочной истории развития тут удержали стандартно-имперские...

Спать!

Сон не шел. В голове гудело и умирало. Кричало и ходило кругами.

Стив прополз сканом в кабину. Мэт вроде поспокойней.

«Мэт? Подойди».

Мэт встал с кресла. Экзекутор лежал навзничь у стенки и выглядел как вчерашняя дохлятина. Сколько в нём? Метр семьдесят? И весит 60 кило. Мелочь зеленая. Особенно в огромном пустом флаере. Нет, он таким бледным и приехал. Но сейчас экзекутор был совершенно тихим и его лицо и на самом деле отливало зеленью. Уже давно он перестал переругиваться по любому поводу и придирааться. Перестал огрызаться даже на провокационные вопросы. Начал глотать, что дают, а не комментировать качество пищи и вообще почти перестал разговаривать, ограничиваясь короткими мысленными приказами. Мэт даже думал, что если бы не напоминания, то экзекутор перестал бы мыться. При напоминании, экзекутор молча и не поднимая глаз, разворачивался, шел и мылся, даже не пытаясь их оскорбить. Но что за идиотская манера вечно сидеть на полу? Вот теперь на полу лежит, ведь есть же кресло в кабине?

Лирой позавчера предложил ему крови, но экзекутор при этом как будто получил удар стеклом. Мигом очухался и не только обругал, но накрыл фантомом и направил бежать в угол, шарахнув Лироем об стену. А закрыться Лирой не смог, хотя не вчера родился и блокировки ставить умеет. Лирой потом сказал, что даже не почувствовал, когда и как экзекутор в него внедрился и когда вышел. Мелкий, но сильный. Но крови бы ему попить не мешало, ведь совсем еле дышит.

Может сейчас? Ответственность за этого мальчишку лежит на них, что с ним делать, если он крови не хочет, а сползает в пропасть и не желает, чтоб ему помогли? Настучать Сейо, чтоб приказом заставил его взять энергии?

Мэт опустил на одно колено в полшаге от экзекутора.

— Возьми, — склонился ближе, подставляя горло.

— Прости, мне надо, — экзекутор взял его за руку и прижался к ней лицом. — Потерпи!

Мэт замер. Что это? Когда начинать терпеть? Сначала решил, что экзекутор наконец-то будет пить, хотя к чему ему рука, там жало некуда вводить.

Но зачем он к нему прижался? Молится? На него, Мэта? Странно. Ещё раз предложите крови? Или тогда и он побежит в стену со всей дури? Ментальный контакт едва чувствовался. Тот другой экзекутор, Марк, светился как фейерверк даже из-за угла, а на этого наступишь и не заметишь, мелочь такая. Но капризная. То не так, это наперекосяк. Нет в жизни счастья и равновесия. Или это оно, равновесие и есть? Что-то одно хорошее всегда должно уравновесится чем-то пакостным?

Экзекутор вдруг выпустил его руку.

— Спасибо. Иди.

Мэт пожал плечом и ушел.

Стив качнулся было вслед, но опомнился и поставил блок, закрываясь. Джи бы его заставил, но тут никакого Джи нет. А он с ума не сошел по своей воле с гвардейцами целоваться. Он и гвардейцы! Бред! Надо просто поесть, поспать... Выдержит.

Глава 6. Падение. Сергей

Получив от стюардессы свой телефон — при посадке все приборы связи строго отобрали — Сергей пробежался по пугающе пустому и гулкому аэропорту Франкфурта.

Паспортный контроль отсутствовал.

Включил телефон — связи не было. Вай-фай, похоже, тоже перекрыли.

— Добрый день! — склонился к окошку справочной. — Я — Иса Мамедов, у меня бронь в Москву. На сайте было сказано, обратиться лично...

— Подождите минутку, — мило улыбнулась девушка. — Дайте мне ваш комм.

— Нет у меня комма, — Сергей сунул свой рабочий паспорт в окошко.

— Паспорт надо обменять у пастыря на комм. Ваш комм будет настроен на вашу ауру — это как отпечатки пальцев — и поэтому сразу индивидуален! К тому же он работает как личный компьютер и кошелек! — восторженно пропела девица. — Паспорта ведь скоро отменят. Если пойдете по синим стрелкам...

— Вы можете подтвердить мою бронь? — Сергей начал злиться: пойдет он к пастырю за коммом, как же! Витька вон пошел и пропал. — Вот приеду в Москву и схожу к пастырю.

— Да, я вижу вашу бронь, но самолет, возможно, полетит только через неделю, если за это время зарегистрируется еще человек двадцать, — перешла на рабочую скороговорку девица. — Все уже давно вернулись по домам, а туристические поездки отменены до ноября — мы перевозим только срочные грузы.

— Что я, должен был из Бразилии вплавь фигачить? — буркнул Сергей. — Верните паспорт.

— Самолеты, наверное, больше летать не будут, — девушка подняла бровки, но положила паспорт в ящичек и передвинула его к Сергею, — проводится полная реконструкция транспортной системы. Все будут летать гравилётами или пользоваться порталами! Зайдите к пастырю, вы не только получите комм, а сможете попасть в новые миры! Вы кто по специальности? Вас могут направить на новую работу — люди нужны везде!

— Спасибо, — Сергей убрал документ в нагрудный карман. — Я сначала домой доберусь...

Закинул сумку на плечо и, пытаясь сохранить непринужденный вид, пошел на станцию подземки.

Со всех сторон лезло в глаза исчезновение рекламы. Точнее, реклама не исчезла, а сделала смысловой и качественный кульбит, превратившись в информацию. Вместо привычных разноцветных постеров новых товаров, скидок и ссуд, туристических агентур, отелей, ресторанов — разноцветные стрелочки к метро, автобусу. Синие стрелочки к пастырю. Хотя нет, вот и реклама: на синем полотнище транспаранта желтыми буквами: «Каждый твой поступок должен быть на пользу обществу! Благо общества отзовется благом для тебя! Приветствуйте Глашатая — через него с вами говорит Содружество!»

Сергею стало жутко.

Притормозил у банкомата.

Автомат всосал карту и Сергей с недоумением уставился экран. Надпись гласила: «Ваша карта просрочена! Откройте ваш коммуникатор и вставьте узкую часть экрана в щель для получения импов!»

Долбанутая Европа, ненормальные немцы! В Бразилии не было никаких импов!

Карту банкомат не вернул. И просроченой она не была.

Омотанные желто-полосатой лентой телефонные будки дразнились наклейками: не работает! «Не работает, пользуйтесь личным коммом!»

Черта с два он пойдет к их пастырю получать комм. Этот информационно-регистрационный коммуникатор призывали получить на каждом углу еще в Бразилии. Пока они плевали в потолок от безделья, ожидая самолет в Европу, Витька пошел на стадион, где будто бы открылся пункт выдачи. Отстоял очередь вместе с готовыми на любую халяву бразильерос, но не вернулся. А ночью со стадиона поднялись и отлетели огромные и бесшумные полусферы пришельцев. Сергей проверил — из Рио исчезли целые районы.

К тому же оживились уличные проповедники. Провозглашали приход Царствия Божия, собирали последователей и тоже исчезали вместе с паствой. Сергей уже устал изумляться массовой глупости: если Царствие пришло, то почему людей агитируют уходить? Убегать? Зачем это нужно пришельцам?

Семьями и целыми городами набирались энтузиасты для переселения на Утреннюю Звезду и Свободу. Во главе с правительствами и парламентами. А обезглавленным народам крутились записи о счастье на солнечных берегах и бескрайних полях новых мест обитания.

На табло под потолком бесшумно менялись вполне земные пейзажи, одно-двух этажные посёлки, стройки и пасторальные виды. Присутствие в кадре внеземной природы или технологии вполне можно было объяснить компьютерной графикой — в кино и не такие чудеса показывают. Бегущая строка восклицала: воссоединённое человечество мирно живет во всей Вселенной! Вперед, на подготовленные Содружеством девственные планеты!

Группа немцев, прилетевшая с Сергеем, уже давно растворилась в постапокалиптически тихих переходах.

Сергей вздрогнул — табло заговорило ликующим женским голосом:

— Люди! Сохраняйте разумность — вы нужны человечеству! Исчезла опасность войны, политических переворотов и болезней. Получите комм и продолжайте ходить на работу! Если ваше предприятие закрылось, ваш пастырь в небесно-синем одеянии поможет вам. Его кабинет найдете по синим стрелкам. Вы уже никогда не испытаете нужду, голод или неуверенность! Ваша зарплата будет стабильной. Государства не нужны, армия или полиция, пожарные и медики стали не нужны. Человечество снова едино. Ажлисс — профессиональные спасатели, люди в оранжевой форме — помогут вам в любом случае, если случится природная или техногенная катастрофа. Ваше здоровье и благополучие — это смысл жизни каждого ажлисс, смысл существования общества. Ажлисс — это люди, заработавшие право на бессмертие. Относитесь ответственно к своим поступкам и вы сможете стать ажлисс. Ажлисс — это следующая ступень развития человечества, которое, наконец, воссоединилось с вами — потерянной частицей Содружества! Не стоит заниматься самоуничтожением — места и благ хватит всем!

Картинка поменялась: явно самостоятельно летающая камера зависла над внезапно замершей перестрелкой посреди какого-то пыльно-желтого азиатского города. Показав панорамой разбитые улицы, дым и затаившихся за углами вооруженных людей, камера сфокусировалась на площадь и приземляющиеся полусферы пришельцев. Первым сел маленький катер. Его прозрачный купол треснул, часть отъехала вбок и на разбитый асфальт выступил Глашатай Содружества. «Глашатай!» Сергей ни разу не видел и не слышал, чтобы этот глашатай произнес хотя бы слово.

Жизнерадостный голос дикторши заполнял пустой зал, давил на уши:

— Тот, кто попытается напасть на ажлисс, попадет под кураторство этого ажлисс, пока искренне не поймет свою вину и не раскается. Попытка причинить вред глашатаю карается множественной смертью. Глашатай — олицетворение и рука Дваждырожденного...

Сергей присмотрелся: он бы этого пацанёнка убил одним щелбаном.

Тощий мальчишка лет пятнадцати, одетый как тореадор: в пышной красной рубашке и узких брючках, молча вышел и встал, пожевав губу и сцепив руки за спиной. А вокруг него собирались враз переставшие стрелять люди. Бросали оружие, безропотно выстраивались в очередь к громадным транспортникам, из которых высыпались блестящие, словно рыцари из жидкой ртути, бронированные солдаты. Солдаты рассосредоточились по площади, несколько отрядов исчезло за домами, разойдясь по улицам. На заднем плане подлетали ещё корабли пришельцев.

Пастыри в синей форме что-то говорили, застегивая на шеях усмирённых вояк тонкий черный обруч и те самовольно входили в бездонные корабли. Блестящие солдаты вели группами мирных жителей, наводили в недра полусфер связи планирующих прозрачных гробов, в которых виднелись лежащие дети, старики, кое-где домашние животные.

Люди были покорны, как овечье стадо.

Казалось, Земля перестала вращаться.

Он бы успел перестрелять половину этих солдат, не говоря о «руке божьей», торчащей идеальной целью на фоне катерка.

Сергей еще в Бразилии сунулся было снова в посольство, куда они сдуру отнесли оружие. Но всё было закрыто-запломбировано, а рабочий контакт не отвечал. Но, с другой стороны, куда бы он улетел гражданским рейсом со своей пушкой?

Нагло проехался в метро без оплаты: на входе он был чуть ли не единственный пассажир, а контролеров не встретилось. Выскочил на улицу на главном вокзале Франкфурта и зашел первое попавшееся интернет-кафе.

— Один имп за четверть часа, — потребовал ленивый мужик в сальной бейсболке. — Я в обед вообще закрываюсь. Теперь интернет есть у каждого.

— Нет у меня импов. Двадцать евро возьмешь? — шлепнул Сергей ненужную в погибающем мире бумажку.

Мужик сгреб купюру и указал на боковой столик.

Телефонная связь перестали работать еще в Рио, Всякие фэйсбуки, инстаграммы, вконтакты издохли следом. Но скайп работал. Ленка не появлялась там с последнего разговора, зато — оп-па! Там висело сообщение от Витьки. Который к тому же был он-лайн.

— Серег, они на самом деле никакие не инопланетяне, — зачастил коллега. — Зря ты со мной не пошёл, был бы уже дома. А я был на другой планете! Слушай, людям действительно привалил шанс нормальной жизни. Никаких государств! Просто жизнь! Всё тебе дают и все живут на равных. Никаких супербогачей, мафии и президентов! Кстати. Я президента Аргентины видел. В ошейнике, представляешь? Буйный очень, но смиренно со всеми пахал — в ошейнике не повыпендриваешься. Мне там на стадионе тоже надели ошейник, но мы как прилетели... Всего-то пара часов, не поверишь! Меня ответственный за руку подержал, пару вопросов задал и ошейник снял, потому что я по сути своей — добропорядочный член общества. Ты сам знаешь, диверсант из меня хреновый, — заржал Витька. — А ответственные в синей форме — телепаты, сказали, что никаких границ не будет и вся эта политика нахрен. Потому что ажлисс живут вечно и скромно, как природа

того требует. Они телепатически убедились, что я правда не из Рио, извинились, у Светки проверили — у них это быстро: все вживую, никаких бумажек! И вернули прямо в Москву — Светка прямо обалдела, когда я пришёл. Мой район весь остался. Я сейчас Москву расчищаю, все новостройки нафиг! Памятники остаются, а мы будем строить новые нормальные дома. Много зелени и простора, а не эти муравейники!

— Витька, кончай трепать чушь, — Сергей поморщился: Витька был большой оптимист. — Я Ленке дозвониться не могу. Можешь к ней заехать?

— Ты прости, но нет. Не смогу. Мы Северное Бутово разбираем, а ваши Черемушки еще закрыты силовым полем. Знаешь, как по нервам бьёт! И узнать я ничего не могу — информация только для родственников. Да зайди ты к любому синему... Ничего с Ленкой не случилось — всех аккуратно так переселяют: с бабушками-дедушками, Жучками и внуками. Нужных специалистов оставляют, но у Ленки же нет никакой толковой специальности...

Сергей отключился. Нет, он не поедет поездом. Снова чувствовать себя как в закупоренном самолете, который каждую минуту может грохнуться? Или налететь на глашатая и потом послушно оказаться в ошейнике? Неужели он не найдет в пустой Германии тачку? Сутки не спать, и будет дома. Разберется, что там бьет по нервам сильнее, чем неизвестность...

* * *

В обезлюдившие кварталы с опустевшими домами дисциплинированных немцев не пускали надписи «Проход запрещен и опасен для жизни!» и окружало невидимое поле страха. Как оказалось, не смертельное и не мешающее двигаться. Просто полоснувшее испугом и разрядом как от шокера в момент проникновения. Сергей упал от приступа боли, но перекатился, вскочил. Боли уже не было... И вот такое препятствие Витька не смог преодолеть?! Остался даже не страх, а легкая досада и настороженность, что кто-то все-таки не ушел и его застучает. Перебежал под укрытие черных в ночи зеленых насаждений.

Но никого не было. Непривычная, почти абсолютная тишина в городе, который никогда на самом деле не молчит. Посвистывали какие-то птички. Бродячих животных у немцев и без инопланетян не было, но ни шума машин, ни музыки ниоткуда. Это слегка дергало нервы... Похоже, охрана вычищенного спального района не торопилась искать нарушителя, да и была ли тут охрана? К тому же и внутри зоны никаких датчиков-сирен-пугалок не обнаружилось.

Сергей обошел несколько гаражей и выбрал японский внедорожник. Ключи от машины мирно висели на крючочке в прихожей незапертого дома. Найти канистры и запастись топливом не составило ни малейшего труда, как и собрать еду-питьё, стащить ящик с инструментами, да одеяло с подушкой.

На выезде болевой разряд скрутил Сергея, но он умудрился даже не выпустить руль. Ниссан вильнул и помчался на восток по полупустым дорогам.

Германия и малонаселенная Польша — это вам не сумасшедшая Москва. Ночью на Европейских дорогах и ранее было пустынно. Одинокие грузовики только добавляли неприятных мыслей, словно редкий звук шагов в покинутом жильцами доме. Его дважды останавливали оранжевые спасатели. Громадные мужики. Из тех, что поперек себя шире, однако по движениям было видно, что под комбинезонами у них нет ни капли жира.

Обратились к нему по-немецки, попросили его комм, но удовлетворились паспортом Мамедова. Узнав, что он едет домой в Москву, легко перешли на русский.

— А где вы живете в Москве?

Пользуясь тем, что в загранпаспорте не было адреса, да и сам Иса Мамедов был как бы из Баку, Сергей назвал адрес Катерины — матери-одиночки и сестры Викторовой жены. Она жила на той же улице, что и Витька должна была не попасть под выселение.

Пришелец поводил пальцами над прозрачным экранчиком, вытянутым из комм, и вперил обвиняющий взгляд:

— По этому адресу вы не зарегистрированы.

— Екатерина Голомыйко моя гражданская жена, а её детей я собираюсь усыновить.

Дайте вернуться домой!

Бык в оранжевом потыкал пальцами в комм и отпустил, даже не проверив машину. Ни первому, ни второму патрулю не пришло в голову спросить права или техпаспорт на машину. И тут Сергей пожалел, что не взял хоть какое оружие — у немцев бы точно нашел, если бы поискал как следует!

Радио приходилось все время держать в поиске — работающих каналов было отчаянно мало, но любая музыкальная программа постоянно прерывалась тошнотворно-восторженной пропагандой. Это было невыносимо и Сергей в конце концов отрубил радио совсем.

Москва встретила свободными дорогами. Редкое движение на дневной МКАД дергало нервы хуже разрядника пришельцев.

Съехал с МКАД и, наплевав на запрещающие надписи, получив короткий всплеск страха и боли, но чувствуя себя героем фильма о последнем человеке на Земле, Сергей проскочил невидимый барьер вокруг выселенного родного микрорайона, пропетлял между брошенными машинами и остановился. Могучий японец полностью заблокировал узкую внутреннюю дорожку перед подъездом. Посреди недели заставленную припаркованными автомобилями, как в выходные...

Нигде никого.

В плотном ряду парковки стояла их с сестрой мазда.

Сердце упало. Дура Ленка!

Домофон не работал, дверь не открывалась. Выбил окно на первом этаже и по вырванному с корнем заборчику палисадника — на который в прошлом году собрали деньги всем подъездом — забрался в квартиру тетки с брехливой болонкой. Тетка вечно сидела с подружками у подъезда и цеплялась языком за каждого. Теперь сидит где-нибудь на Звезде, но без болонки — в прихожей лежал сушеный лохматый трупик.

Сергей даже не стал закрывать дверь в квартиру — зачем? Бросился прыжками через ступеньки на четвертый этаж. Выдохнул, воткнул приготовленный на бегу ключ и открыл общую дверь.

Четыре шага.

Открыл квартиру.

— Лен? Мама?

Липкий отвратительный запах мертвечины...

Заставил себя пройти в спальню матери.

Мать опять пыталась пробраться за шкаф. Ей казалось, что там — их старый двор в Баку. И оттуда ее зовет отец, живой и веселый. Она так и осталась лежать, уткнувшись в темную щель, куда не пролезала даже рука. На четвереньках, в ярком любимом халате...

— Ленка? — зачем-то шепотом позвал Сергей.

Взял с кровати одеяло.

Аккуратно прикрыл тело матери и перевернул на бок, оборачивая в ткань. Задержал дыхание — тело уже распадалось. Значит, Ленку угнали давно. Видимо, сразу после разговора...

Вокруг была давящая тишина, как на дне океана.

Потерянно потыкался в шкафы. Взял Ленкины документы и своё свидетельство с рождением — его настоящий паспорт остался в конторе, но быть Исой не хотелось. Постоял в комнате сестры и неизвестно зачем сунул в карман маленького розового зайца более двадцати лет назад сшитого матерью дочке — для розовых снов.

Нашел шкатулку с нитками и иголками. Самодельный саван из одеял и простыней получился неожиданно большим и бесформенным. Нитки постоянно рвались и путались, но неудобный тюк вошел в багажник ниссана, на сложенные задние сиденья.

Вдали между домами мелькнуло оранжевое и Сергей стартовал.

Похоронит мать у сторожки.

На берегу озера.

Глава 7. Утренняя Звезда. Лена

Лена пришла в себя в глубоком кресле, плотно спеленатая мягкими живыми ремнями. Они сами опутали ее, закрыли рот и нос, пролезли под одежду, присосались и теперь приятно массировали тело. Это не напугало и даже не побеспокоило, когда она, двигаясь полусонной сомнамбулой, села, куда послали пастыри. Кресло подхватило ее, неведомо как вознеслось и зависло в плотных рядах таких же кресел. Экраны на спинках переднего ряда показывали, как милые женщины и мужчины в синих камзолах и синих брюках ласково разговаривают с проходящими, надевают каждому невесомый обруч-ожерелье. Ожерелье будет их охранять, и это хорошо. Лене было хорошо и спокойно, и она знала, что всем тут хорошо. Счастье пришло, позвало, и вот они все собрались вместе!

Но теперь наплыв восторга кончился, хотя все еще было сонно и как-то всё равно. Лена смогла чуть повернуть голову и скосить глаза: увидела только колени соседей. В огромном корабле царил полумрак. Странно, она была в сознании и даже всё понимала, когда выскочила из дома. Наконец-то пришло её счастье и зовёт! Глупая мысль, что надо взять с собой необходимые вещи, документы, собрать одежду хотя бы... Слабая никчёмная мысль ткнулась в затылок и завяла. Счастье уже пришло! Зовёт! Ей ничего больше не нужно!

Она торопливо зашнуровала любимые ярко-красные кеды и прибежала на зов. Остановилась, любуясь ангелочком, не зная: что теперь? Просто стояла и наслаждалась медовым ароматом. Ждала, когда милый ангел откроет глаза и заметит её.

— Ты пойдешь на корабль, — сказал дружелюбный голос. — Сядешь в кресло и будешь молчать, ждать и смотреть кино. Не бойся, всё будет хорошо. Если ты что-то забыла или потеряла родных, дознаватель на твоей новой родине тебе поможет. Иди!

На шее появилось легкое, совсем незаметное ожерелье, и Лена со светлой печалью оставила ангела — он источал счастье для всех, надо слушаться и идти. Надо подождать, пока не соберутся все...

Играла приятная музыка, воздух пах скошенной травой. Ласковый женский голос просил прощения за временные неудобства и обещал, что все образуется, вот еще немножко и они будут на месте. Паника тихой гусеничкой зашевелилась где-то внутри, когда щупальца полуживого кресла пролезли во все интимные места и мягко запульсировали. Нет, было не больно, и Лена могла открыть рот, даже могла дотронуться языком до безвкусной гладкой маски, прилепившейся к лицу. Немножечко хотелось кричать, но горло сжималось при одной только мысли о крике.

— Этот обруч не даст вам навредить ни себе, ни друг другу, а мы уже прилетели на Утреннюю Звезду. Здесь вы вольетесь в доброжелательное общество. Мы вместе будем строить счастливую жизнь и растить здоровых и умных детей в мире и радости! Как только достроим инфраструктуру, вы сможете навестить друзей и родственников в других общинах, посетить иные планеты. Путешествия будут разрешены по календарю этой планеты через полгода...

Совсем не удивилась когда корабль взлетел, а она не почувствовала никакого толчка или рывка, словно была единым целым с этим кораблем, с креслом. Словно она осталась на месте, а шоссе перед домом, заполненное людьми, сжалось, уменьшилось и исчезло. Земля на экране сама по себе закрутилась быстрее и быстрее, потом раскрылась молочно-туманным провалом, снова закрутилась и вдруг замерла, приблизилась...

Кресло с Леной слетело к открытому боку корабля. Щупальца отпустили, втянулись. Лена встала, слегка отшатнувшись — высокая женщина в синем неожиданно объявилась перед ней, сильно сжала Лене кисть и потянула за собой на улицу:

— Меня зовут Йирт. Иди вон туда, оранжевая — это энергостанция. Там прикоснешься к сенсору на терминале и получишь коммуникатор. В нём всё написано.

— А мама? У меня осталась мама, она не может сама выйти из дома. И Сергей...

— Спасатели всех соберут, не бойся. Иди, возьми коммуникатор, делай, что там написано и всё узнаешь. Смотри, сколько приехало новеньких, не задерживай, — женщина подтолкнула Лену, улыбнулась и заторопилась, уже что-то говоря и протягивая руки к седому мужчине, неподвижно сидящему на спустившемся кресле.

Лена поняла, что её прогоняют, и что ответы будут в оранжевом здании. Вышла на примятую траву в облачный день. Не было ощущения новой планеты. Было слегка прохладно. Дул обычный ветерок, моросил дождик. У нее даже зонта нет... Интересно, если это не Земля, а Утренняя Звезда, то тогда они не приземлились, а призвездились?

Множество расставленных по широкому полю полукруглых ангаров и складов, выкрашенных в пастельные тона, создавали видимость промышленной зоны. За безликими сооружениями не было видно ничего, кроме серого неба и хмари. Тут и там из-за зданий выглядывали темно-стальные холмы кораблей, откуда цепочками разбредались люди. Толкнулся страх: их выгрузили в никуда! Но из оранжевого здания люди выходили, уже сосредоточенно глядя на блестящие картинки, висящие над ладонью, и Лена пошла быстрее. На ходу обняла себя, растерла плечи, сунула руки в карманы — она даже ключи не взяла! Просто захлопнула дверь и убежала. Или... А вообще, она закрыла дверь или нет?!

Впереди с каким-то утробным воем опустилась на землю знакомая женщина. Соседка по подъезду?

— Дезинька моя... Чемодан отобрали, — тётка, несмотря на московское лето одетая в плащ, плакала и хваталась за шейный обруч. — Душит и душит!

Лена автоматически тронула своё тонкое и шелковистое ожерелье — она про него напрочь забыла! И подбежала к соседке:

— Натальванна, вставайте, мокро же! — попыталась поднять. Женщина оказалась вялой и тяжелой.

— Фашисты. Никуда не пойду, тут умру, в луже, как собака в ошейнике. Умру... — остервенело на одной ноте шептала соседка.

— Наталья Ивановна, все хорошо, — рука в синем отодвинула Лену.

Седовласый мужчина обошел их молча и чуть ли не рысцой удалился к энергостанции.

Лена оглянулась: другие синие продолжали встречать и выпускать людей из кресел.

— Милая Наталья Ивановна, — Йирт подняла пожилую женщину и заглянула ей в глаза, держа за обе руки. — Уважаемая Наталья Ивановна, я вас понимаю! Это всё очень неожиданно и непривычно, но всё образуется. Вы сейчас получите коммуникатор, всё, что вам нужно туда напишете, и всё будет хорошо. Только немножко потерпите: молодые и здоровые всё обустроят, а о вас мы тоже позаботимся. Но и вы помогайте в меру ваших сил. Вот Леночка с вами пойдёт. Собачку вашу найдем, а чемодан привезут вечером. Хорошо?

Лену словно погладили по сердцу теплом, когда Йирт с улыбкой вложила ей в ладонь напряженные пальцы Натальванны.

И синяя убежала обратно на корабль.

Лена подхватила соседку под руку:

— Натальванна, я тоже ничего не понимаю, но давайте уйдем с улицы. У меня и зонта нет и ноги сейчас промочим. Простудимся еще.

Оранжевые двери энергостанции разъехались в стороны — седой мужчина уже выходил и, не глядя на них, повернул налево. Над его запястьем висела прозрачная пластинка с зеленой стрелкой.

В глухой небольшой комнате, освещенной лампами дневного света, у стен стояли округлые тумбы, похожие на банкоматы. Из них наперебой раздавались женские голоса:

— Приложите ладонь к сенсору и возьмите свой личный коммуникатор. Наденьте браслет на руку. Нажмите обе кнопочки на диаметральных концах браслета и следуйте за зеленой стрелкой.

— Они нас убьют, — просипела Наталья Ивановна.

— Господи, что за ужасы вы говорите? — Лена приложила ладонь к черному прямоугольнику над зевом аппарата.

— Я была первой, — Наталья Ивановна попыталась схватить выпавший в «пасть» коричневый браслет, но захрипела и снова шлепнулась на пол.

— Возьмите свой коммуникатор, каэра Елена! — пропел автомат.

— Ну что же вы, — Лена надела свой браслет и помогла вредной тетке встать. — Зачем им нас куда-то увозить и потом давать коммуникаторы, чтобы убивать? — Лена нажала кнопочки и над запястьем выскочил голограммный экранчик с мигающей зеленой стрелочкой, указывающей на выход.

— Найдут по этим браслетам и удушат, — уперлась соседка, но и руку приложила, и свой браслет немедленно надела. Её стрелочка указывала туда же, куда и Ленина.

— Найденный чужой комм верните в любой терминал, — успел сообщить механизм им в спину. — Если потеряете свой, то можете немедленно получить новый, но баланс ваших бонусов понизится, а бонусы вам нужны, чтобы заплатить за желания, не связанные с прямыми жизненными потребностями...

Следуя за стрелочкой, они догнали бодро ковыляющую старушку в зеленых джинсах и желтой футболке.

— Вы тоже в больницу? — спросила Лена.

— Я сестра-акушерка, но я на пенсии уже десять лет. Неужели я снова буду работать? — старушка манерно подняла накрашенные брови. — И да, у меня направление в больницу.

— Я не знаю. У меня мама осталась на Земле...

— А у меня внуки в соседнем доме жили, но ответственная Йирт сказала, что мы встретимся вечером.

— Не могу я так бежать, — Натальванна встала и тут же схватилась за горло, просипев: — Он меня удушит!

— Не сопротивляетесь, — акушерка ободряюще похлопала Натальванну по спине и тоже взяла под руку. — Успокойтесь и идем на место — в больнице обещали обруч снять. Он был нужен только в пути.

Они вошли в зеленый ангар — их окружили звуки встревоженного человеческого улья и детские крики. От входа на три этажа поднимались простые арматурные лестницы, похожие на детский металлический конструктор. Сквозь прозрачные стены было видно, что этажи разделены белыми перегородками на секции — как в супермаркете или заграничных офисах.

Работала климатизация. Было тепло, и воздух опять пах свежескошенной травой.

— Я дознаватель Кин, — сильный мужчина средних лет в синем «тренировочном»

костюме сразу же и с легким поклоном поздоровался за руку с Натальей Ивановной. — Разойдитесь по вашим спальным местам в соответствии с зеленой стрелкой...

— Душит меня, душит! — вскрикнула Натальванна.

— Сейчас, конечно, — Кин пробежался пальцами по её обручу, снял его и метко вбросил в пасть подобного же аппарата, что выдавал коммуникаторы. — Давайте ваш сниму, — обернулся синий к пожилой акушерке. — Идите по стрелке и прочитайте свой комм — там все инструкции.

— Я не вижу ничего без очков, — неожиданно громко рывкнула Натальванна. — А чемодан мне не отдали. И Дезинька дома осталась голодная и негулянная!

— Всё образуется, — Кин снова взял неуёмную тётку за руки. — Идите внутрь и подождите. Глаза вам вылечим, постепенно поможем всем.

Тут вошло еще несколько человек, и Лена смутилась — ей-то обруч не мешал и видит она хорошо. Прощмыгнула за спинами, обступившими Кина, и направилась туда, куда звала стрелка.

Всюду кровати, застеленные однотонными одеялами, узкие белые шкафчики, люди, люди. Лена видела такое в документальных фильмах: когда растерянных беженцев размещали в спортзалах школ и на аренах стадионов. Лабиринт белых стен расширился в нечто среднее между столовой и игровой комнатой: с одной стороны стояли столы с табуретками, а с другой многоцветный детский городок из мягких горок, кубов с норами, канатами и лесенками, где с визгом лазало и кидалось мячиками около десятка малышей под присмотром матерей. Стрелка позвала в боковой проход и уперлась в дверь с надписью на непонятном языке.

— Поднесите комм к замку, — подсказал браслет.

Лена ткнула коммом в черный прямоугольник у ручки, и дверь отъехала в стену. Безликий пустой холл. Дверь напротив. И окно. У окна столик с двумя стульями. Лена подошла, и вторая дверь тоже послушалась комма и открылась во двор за больницей. Над выходом был широкий навес, и слева на постаментах стояло четыре катера-сигары похожие на тот, рядом с которым стоял ангелок, позвавший всех...

— Прочитайте инструкцию, — снова ожил браслет.

Лена прикрыла дверь на улицу. В холле были и другие двери: в маленькую спальню, в туалет с душем — кажется у неё будет своя личная комната!

Последняя большая дверь вела на склад, заполненный стеллажами с коробочками, коробками и тюками.

Лена села к столу. Не таким она представляла дом своей мечты. Но на лагерь беженцев это все-таки не очень походило. К тому же у нее оказалась своя норка, в то время как все остальные жили в зале.

Вызвала экранчик, нашла меню. Оказалось, что браслет можно распрямить в палочку, а палочку разложить в тонкий, но вполне работающий ноутбук. Клавиатура и экран даже растянулись до привычного размера.

Лена углубилась в чтение, только скинула кеды и разложила сохнуть носки на вторую табуретку.

Нашла отдел «Просьбы» и вписала туда под цифрой один «привезти маму». Потом создала умеренный список вещей, дописала вторым пунктом «найти Сережу». Решила, что посуда и мебель ей не нужна — места тут нет и кухни тоже нет. Добавила зимнюю одежду и отвлеклась на карты. Их можно было увеличить до размера целой планеты: небольшие

материки были сгруппированы цепочками в северном и южном полушариях. Вокруг Утренней Звезды кружилась копия земной Луны. Посмеялась, что место, куда их высадили, называлось Москва — на схеме оно было совсем маленьким. С запада был лес, с востока большая река. В шестидесяти километрах на север был Эбург, дальше Петербург...

— Каэра Елена? — дверь приоткрылась, но мужчина не показывался. — Могу я войти?

— Да, конечно, — Лена вскочила и встала перед столом, неизвестно зачем прикрывая спиной открытый коммуникатор.

— Вы даже не переоделись? — Кин погладил Лену по плечу, снял ошейник, немного задержал руку, касаясь теплыми пальцами шеи.

— У меня ничего нет, — от прикосновений Кина Лене вдруг стало спокойно.

— Я могу к тебе на «ты»? — Кин улыбнулся и распахнул дверь в склад. — Я — живая архаика по сравнению с тобой.

— Да, пожалуйста, — Лена схватила комм и побежала следом.

— Тогда и ты перестань мне выкать. Прочитала инструкцию?

— Нет, я не успела, — Лена сначала сложила комм в браслет, потом передумала и сделала из него палочку с экраном.

— Я выбрал тебя ответственной за сорок человек шестьдесят пятого сектора. Я — твой прямой руководитель. Матери с грудными детьми, дети до шести лет и старики проживут тут, пока мужчины и работоспособные женщины не помогут построить жилые дома. Дети от шести лет до шестнадцати собраны в школе, придут с визитом вечером. Ты умеешь ухаживать за людьми и поможешь здесь. Все привычные цифры и слова дублируются в комме на общем языке. Тронешь строчку пальцем и услышишь, как это звучит на общем. В разговоре я и другие ажлисс будем повторять часть фраз на общем и вы постепенно научитесь. Найди в комме графу склада шестьдесят пять. Поднеси комм к любой упаковке — прочитаешь содержание. Какая там еда или размер одежды.

— Я записала в отдел просьб, — робко перебила Лена, — что у меня мама, кажется, в настоящей Москве осталась...

— Ты всё сделала правильно. Ответ тебе придет, как только будет что-то известно. Спасатели там работают. Вот тут рубашки твоего размера, — Кин поднес запястье со своим браслетом к полке. — Они все разные по цвету, но старайся, чтобы люди не ссорились. Твоя обязанность следить, чтобы порционных упаковок всегда хватало. Три раза в день будешь раздавать еду и обходить своих подопечных, отмечай в своем комме их имена, работай с их просьбами. За полками стоит доска — это планер. На нем удобно всё разводить. Каждый вечер соберешь мусор и отвезешь на склад, а со склада привезешь то, что будет нужно людям. Склад найдешь по комму. Внешняя и внутренняя двери твоей комнаты откроются только для тебя или меня, так что не бойся, никто к тебе внезапно не войдет. Я же всегда предварительно постучусь или свяжусь по комму. На стоянке возьмешь любую машину и привезешь столько, чтобы примерно треть потребностей отсека всегда оставалась в запасе. Если что не угадаешь, то можешь обменять когда угодно — ты сама отвечаешь за свою работу, — Кин неторопливо вытеснил Лену со склада и, задержавшись у выхода, добавил: — Потом появятся магазины, фабрики и прочее нужное для нормальной жизни. Постепенно все наладится. Через час, напоминая у нас в часе сто минут, тебе надо бы совершить первый обход, познакомиться с людьми, собрать список чего им не хватает. Закончится поддерживающее действие кресел и капсул, которые ухаживали за вашими телами в дороге. Осваивайся. И переоденься.

— Подожди, — Лена все-таки решила. — А где домашние животные? Рыбки, например? И я не видела больных. У Катеньки Федотовой сын с родовой травмой. Они под нами жили. Катеньку я видела у корабля, она впереди меня ушла, а Ефим ходить не может...

— Животные пока спят в капсулах на энергостанции. Больница не оборудована полностью и мы не можем сразу привести всех в порядок. Скорее всего, сын Катеньки там же. Но чтобы тебе было спокойнее, я посмотрю. Полное имя и адрес Катеньки? — Кин раскрыл свой коммуникатор и внес данные. — Да. Я был прав: Ефим Федотов пока спит. Катенька записана в нашем здании, в секторе сто семьдесят восемь, но сейчас она на работе. Вечером сможете найти её по комму.

— А моя мама? Она тоже плохо ходит сама. И Сережа...

— Я сожалею, — на этот раз Кин искал дольше. — Ни твоей мамы, ни брата нет в регистре. Подождем отчета спасателей по вашему району, а с Сережей ты сможешь связаться сразу, как только он получит комм. Спасибо тебе, ты заботливая. Я рад, что тебя выбрал.

Лена быстро разобралась со своими невеликими обязанностями. Вошла в ритм новой жизни, которая сама походила на разноцветную, но по сути одинаковую одежду со склада. Через несколько дней больница превратилась в фестиваль язычников в брюках или юбках до щиколоток и рубашках-футболках с длинными рукавами. Ажлисс извинялись и обещали, что как только построят и заселят первую улицу, то на освободившиеся места в больнице и временных «ангарах-спальнях» приедут другие люди. А первопроходцы получают все свои вещи, собранные спасателями в оставленных квартирах и найдут занятие по душе или по земной профессии. И тогда появится не только разная одежда, привычная еда, но и прочие нужные или красивые вещи. Ведь на временном строительстве работают люди самых разных специальностей.

Лене больше всего хотелось, чтобы поскорее открыли какую-нибудь булочную, где можно было бы купить свежий хлеб. Или мясной — она бы сделала шашлык... Нет шампуров, но за полем лес, там можно собрать дрова, срезать прутики на шампуры... Кин обещал потом, как всё устроится, сделать экскурсию за город. Да она бы обрадовалась даже вареной курице и простому салату из огурцов! Питание однообразными желеобразными брикетами, сухариками и соком уже не лезла в горло. Хотя именно еда оказалась самым большим подтверждением, что они не на Земле. День на Утренней Звезде был немногo длиннее, но и это стало ясно только однажды вечером, когда Лена пересчитала часы в сутках, ориентируясь на минуты — шестнадцатичасовой день Утренней Звезды путал восприятие. Луна тут именовалась Луной, трава была зеленая. Вместо привычных городских голубей и воробьев летали пугливые стайки желтых птичек с длинными хвостами. Никаких особых инопланетных признаков видно не было, чудовищ не видно. Хотя с другой стороны гаражного навеса был загон, где жили два пони, корова с теленком, пять овец и буланая лошадь с орлиной головой. Лошадь-грифон сошла бы за монстра с чужой планеты, если бы Кин не предупредил, что все эти животные искусственные и созданы специально для детского зоопарка. Группы малышей в сопровождении дежурящих по очереди мам там и толклись с утра до вечера: кормили, чистили и катались на послушных животных по песчаным тропинкам загона.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дорога на склад на «акуле», как Лена про себя назвала машину, стала отдыхом. «Акула» управлялась одним рычагом и медленно скользила в полуметре от земли, Нет, работа с людьми Лене нравилась. И с Катенькой поговорила. Та, оказывается, уже видела своего

сына, спящего в капсуле. А потом вдруг появился Ефим, еще неуклюже шагающий и медленно говорящий. Кин долго извинялся и объяснял, что некоторые травмы и дефекты мозга, связанные с ментальными состояниями, лечить невозможно, так как они накрепко связаны с развитием личности. Фимушку сразу забрали в школу, но каждый вечер он вместе с остальными старшими детьми приходил — перед сном навестить родителей. И Катенька была счастлива. К тому же она познакомилась на стройке с настоящим инженером-строителем и была полна надежд и планов на доме с участком. Только надо достроить инфраструктуру...

А она — Лена, одна и одна. С кем бы она познакомилась в спальных отсеках? Из непристроенных мужчин в больнице жили одни старые пердуны и маразматика. Подлеченные ажлисс, они бодро расползались по городку, мешались всем и каждому, и Лена их собирала по сигналам браслетов — «глотала акулой» — на питание и сон четыре раза в день.

О матери же все еще не было известно, да и Сережа не отзывался. Кин твердил, раз Сергей был в Бразилии, то он мог попасть в иное место переселения и надо подождать, пока списки населения появится в системе. А если он ещё не получил коммуникатор, тогда его просто нет в информационной базе. Надо еще чуть-чуть подождать, и он где-нибудь объявится. Спасатели его найдут.

Лена понемногу удлиняла вечерние прогулки. Кин сказал, что она свободный человек и сама распоряжается своим временем. Раз работа сделана, старикашки собраны и отходят ко сну под ласковые речи и нежные касания ажлисс, то можно уйти и проветриться. Сегодня был особенно тяжелый день: дурная Натальванна, как назло с самого начала приписанная к Лениному шестидесят пятому отсеку, собрала запасы пищи в шкафчике и под матрасом. Все открылось, когда по всей больнице поползла жуткая вонь, и запасливую бабку сдала ее соседка по комнате — беременная Светлана. Две Светланины дочки жили в школе, муж — на стройке, а Света вот коротала дни, помогая Лене. Но тухляк выкидывать отказалась — убежала дышать на улицу. Лене же пришлось звать на помощь Кина, чтобы заменить белье, матрас и заставить свихнутую старушенцию нормально поужинать. Кин согласился снова надеть бабке обруч, проговорив ей правила поведения. Теперь Натальванна постоянно бормотала замаскированные елейным голоском угрозы и проклятья, но вела себя смирно. А слушать её было не обязательно — так, не старушка, а испорченное радио. В больнице постоянно работало радио, играла музыка, визжали малые дети... Постояльцы больницы целыми днями смотрели коммы, которые работали как телевизоры — в них были все те же фильмы и программы новостей с Земли. Но это уже не интересовало Лену: пускай старики и кормящие мамки смотрят бесконечное, знакомое с детства кино и занудные новости. Они же на другой планете! Она сейчас сделает то, к чему морально готовилась с прошлого посещения границы поселка.

И хотя Кин говорил с каждым, объясняя, что Земля перенаселена, а их, как самых перспективных, выбрали для облагораживания и заселения новых планет и тут им будет лучше, но люди всё равно жаловались, негодовали, требовали... Скучали по привычным вещам и знакомым местам. У многих остались друзья, а постоянную связь обещали сделать через несколько месяцев.

Но, например, какая перспектива от Натальванны, не понимала Лена. Многим снова надели ошейники. В ошейниках люди так не кричали и не мешали, но вокруг них висела гнетущая атмосфера и было просто тяжело находится рядом. Поэтому при любой

возможности Лена удирала на прогулки.

Новая Москва вольготно захватила пологий холм — Кин сказал, что окружающий лес специально расчистили, а ниже по реке запланирована деревообрабатывающая фабрика — там уложен запас заблаговременно срубленных деревьев на первое время, а еще ниже будет завод искусственных материалов. Лена уже объездила весь городок, пока выглядящий как картинка из компьютерной игры — схемы широких улиц, кое-где коробки временного общего жилья и будущих мест работы и развлечений. Смотреть было не на что. Движение было редкое — только такие же кладовщики, как она. Строители имели свой склад.

Оставила машину у горы материала — где-то тут будет крайний дом боковой улицы. Стройка шла совсем на другом конце городка — там была толчея механизмов и людей. Разбежалась, прыгнула и прорвалась! Как учил Сережа: с перекатом через плечо, сразу вскочить и бежать! В момент прыжка она чуть было не закричала: от боли перехватило горло и словно штык вонзился в сердце. Нейрозабор не только отпугивал зверей снаружи, но и не выпускал людей изнутри. Подскуливая на одной высокой ноте, Лена врезалась в высокую траву. Как будто плыла кролем, разгребая пушистые метелки. До леса было еще далеко. Ничего, хотя бы наломает прутья для шашлыков... Как она будет возвращаться, она еще не думала.

— Вы зря ушли из города, — низкий голос со странным акцентом раздался сбоку.

Лена вздрогнула и обернулась.

Метрах в пяти поднялась на задние ноги горилла. Нет — снежный человек:

— Женщине не подобает бродить одной вдали от жилья. Это еще дикая планета, — желтые звериные глаза почти без белка, тяжелые челюсти, обросшие пепельными бакенбардами...

«Хелл бой, — подумала Лена. — Только серый и рогов нет».

Глава 8. Сближение. Стив

Эмиссары, набранные среди дознавателей, постепенно и заблаговременно проникли на Землю через точечные порталы. Умея читать сознание людей, приспособились к местным условиям, создали опорные пункты и картографировали население: кого необходимо оставить для поддержания экономики и относительно привычного уровня жизни, а кого можно безболезненно отселить. Пришельцы проникали на руководящие должности где сами, а где, собрав генетический материал, в нужный момент изменили внешность и сыграли роль правителей, военных или экономических самодержцев, управляющих жизнью на Земле. Планета была обезглавлена быстро и относительно бескровно.

Пришел день, когда почти одновременно правительства ведущих государств подписали передачу власти регенту Сейо, считая его представителем «Содружества планет», как представились имперцы. Началось разоружение и консервация на стратегически рассчитанных военных базах. Наиболее опасные места заполнили гвардейцы, сопровождая дознавателей и экзекутора. Но экзекутор и в одиночку мог подчинить и любую толпу или армию без единого выстрела.

Мир рухнул. Часть правительств присоединилась сама, другие ринулись в бой. Особенно те, у кого ещё оставалось оружие или обрывки власти. Некоторые страны замерли и затаились, ожидая развития событий, и регент оставил введение там имперских порядков на более позднее время. По всей планете прокатилась беспорядочная и неуправляемая гражданская война без четкой линии фронта. Очаги неповиновения и вспышки преступности изолировались с помощью экзекутора или только гвардией и дознавателями, вооруженными нейро-пастухами — излучателями, которые в мирное время использовались кочевниками для перегонки животных, а сейчас были откалиброваны для людей. Согнанные в стадо, люди усмирялись ошейниками и рассылались обживать Утреннюю Звезду и Счастье: две заблаговременно подготовленные планеты. Там новосельцам пришлось всю цивилизацию строить с нуля. Времени и возможностей для драчек не было. К тому же выполнялся план по «взбадриванию» самой Империи: целые городки землян подсеяли к стабильным и полусонным общинам на трех старых планетах: Карао, Желайсу и Ломибе...

Стив полулежал в закутке около сцепленных вместе дорожных гардеробов: своего и обоих охранцев. Слушал тихо урчащий мотор и пытался сосредоточиться на точке касания затылка с неосяземо вибрирующей стенкой. Маленький двухместный флаер метался по планете, как потерявшая ориентир перелетная птица. Раз в декаду заскакивая то на одну, то на другую базу, чтобы перезарядить батареи и отдать в чистку одежду...

— Стив? — открылась перегородка кабины. Мэт убрал коммутатор в карман и развернулся на пассажирском кресле. — Регент требует, чтобы ты зашел к дознавателю — это по пути, большой город у электростанции. Дознаватель Эарг в городе Бийске.

— Мне всё равно, — Стив пожал плечами. — Бийск, Эарг... Надо — летим.

— Пошли подтверждение, — напомнил Мэт.

Стив послушно вытащил свой комм, нашел пересланные Мэтом приказы, подписал и разослал ответы. В том Абакане начнут операцию без него. Гвардейцы разомнутся, сгоняя людей пастушеским нейрозагонщиком. Забавно, что страх, вынуждающий бежать прочь, можно генерировать автоматически, а вот радость, надежду, любовь, к источнику которых человек пойдет сам, а не растечется благостным киселем — такой стимул может

сгенерировать только экзекутор, то есть другой человек... Да, волна страха от нейропастуха опасна для населения, но не ему решать. Люди в панике творят дикие вещи, но операцией руководят дознаватели: успокаивать и утешать — как раз их любимое занятие. Да, переносной сканнер биополя плохо отличает некрупное животное от ребенка, но за каждым сканнером есть гвардеец с опытом и мозгами.

Лирой нырнул на посадку и припарковался посреди стоянки у массивного здания, заперев несколько наземных автомобилей. У дознавателя скорее всего плотный график и множество народу. Но не страшно: экзекутор — важная персона, получит новое задание вне очереди и сразу же улетит.

«Бывшее хранилище и распределитель для финансов — банк — самое надежное место в городе», — пояснил Мэт, открывая перед экзекутором солидные стеклянные двери с чужеродно наклеенными на них синими стрелками.

Лирой остался на парковке.

Рассредоточенные по холлу спасатели, до этого беседующие с людьми, синхронно насторожились и выпрямились, ловя экзекутора в перекрестье внимания.

«На приказ регента к дознавателю Эаргу», — мысленно сообщил Стив присутствующим ажлисс.

Эарг, видимо, не был уверен в безопасности: ажлисс хотя и были одеты в оранжевые цвета спасателей, без бронебраслетов и оружия, но все эти фальшивые спасатели фонили принадлежностью к гвардии. Люди же излучали колючий спектр негативных эмоций.

«Меня зовут Най, я проведу вас к дознавателю, — из-за регистрационной стойки выскочила рыжеволосая и конопатая ажлисс, странно смотрящаяся на фоне узкоглазого и низкорослого местного населения. — Пожалуйста, в задний коридор, а потом в лифт — один этаж вниз».

Стив дернул уголком рта: ажлисс и в чужих городах найдут подземелья и пещеры.

С лавочки сорвалась бабка в платке. Жалуясь слезливым голосом и прижимая узловатыми пальцами к животу тряпичную кошёлку, старуха попыталась ухватить экзекутора за локоть. Стив увильнул за Мэта, а Най склонилась к старухе и, что-то умиротворяюще приборматывая, повела бабку впереди.

«Прости, сейчас её должны были вызвать», — пояснила мысленно.

Внизу из кабинета дознавателя вышло сразу пятеро. Каждый торжественно держал новенький раскрытый коммуникатор — средство не только постоянной связи, но и постоянного слежения. Женщина несла довольного ребенка. Ребенок попискивал и то сворачивал в браслет, то сдергивал с руки радужно переливающийся детский комм.

К дознавателю Стив вошел один.

— Доброго тебе дня, экзекутор! Я была бы рада видеть тебя подарком, — дознаватель Эарг широко улыбнулась. Она оказалась плосколицей полноватой коротышкой, То ли подобранной по фенотипу ареала, то ли измененной под какую-то местную начальницу. — Секундочку, я свяжусь с Сейо.

Стив, не реагируя, застыл перед экраном. Он так устал, что даже не шевельнулось привычное раздражение на неожиданно многословное и неуместное приветствие. Кабинет чем-то напоминал личную гостиную Джи: массивная деревянная мебель, большой стол... Только в отличие от доминирующего в покоях Императора малинового, тут основным цветом был тёмно-зеленый.

На экране проявилась голова регента Сейо естественного размера и направила узкие

глаза на дознавателя. Ничего кроме этой головы видно не было: Сейо был неизвестно где и отвечал по комму.

— Спасибо, Эарг. Прошу, возьми экзекутора за руку.

— Это допрос? — Стив напрягся и протянул правую руку дознавателю, отметив про себя, что это первый раз, когда он видит регента «почти в прямом контакте».

Эарг мягко сжала его пальцы обеими руками: «Регент очень лоялен и надежен, хотя он надеялся стать дознавателем, но у него нет к этому способностей. Поэтому он не очень любит общаться напрямую с дознавателями. Поэтому он избегает экзекутора. У всех есть маленькие слабости. У тебя и у меня тоже».

— Ты продолжай молчать, я буду разговаривать с дознавателем, — монотонно произнес регент. — При работе в нескольких крупных городах поступили сообщения от спасателей о надстандртном количестве мертвых, обнаруженных в жилых ячейках вычищаемых ареалов. В соответствии с анализом, все умерли одновременно в течение эвакуации. Также выяснилось, что многие из столь внезапно умерших были нездоровы или были неспособны передвигаться сами. Я спрашиваю: получал ли экзекутор прямой приказ для умерщвления людей и от кого. Эарг?

— Да, Сейо. Экзекутор не пытается закрыться. Он устал и раскаивается. Он впервые не столь масштабной операции и не рассчитал свои силы. Основываясь на том, что неспособные к полноценной жизни и те, кого бессмысленно лечить физически из-за ментальных дефектов, все равно будут отпущены в первичную энергетическую бездну, он отпустил их сам, посчитав, что так сократит время работы. Он просит прощения и понимания.

— Экзекутор, — регент перевел взгляд на Стива. — Рапорт и запись этого разговора синхронно отправляются Императору. Напоминаю, ты — исполнитель. Ты должен был предупредить меня, что не справляешься. Сегодня и завтра ты свободен. Можешь переодеться в гражданское и отдохнуть. Начиная с третьего дня, будешь работать по четыре дня. Пятый день — отдых. Благодарю, Эарг, и обеспечь смену сопровождения экзекутора — им тоже надо отдохнуть.

Экран погас.

Стиву захотелось лечь на ковер и уснуть прямо под столом у этой ажлисс.

— У вас есть тут зоны отдыха или места единения с природой? — Он достал свой комм. — Где я могу пожить эти два дня?

— Конечно, загляни в систему: в информационной части локации для отдыха уже давно отмечены. А пожить можешь прямо в городе — у нас есть свободные квартиры...

— Нет, я не хочу жить в городе. Я не адаптирован к такому количеству людей.

— Не надо обижаться: я же видела истинные причины твоей торопливости. Но ты же экзекутор и знаешь, чем глубже ты пытаешься утопить что-то в своей памяти, тем настойчивее оно рвётся на поверхность. Ты хочешь и в то же время боишься найти место, где ты жил ребенком. Я понимаю, что тебе неудобно в этом признаваться регенту и я не стала настолько углубляться в рапорте. Главное, чтобы это не мешало работе.

— Есть в твоём дозене деревня со свободным домиком? — в памяти упорно путались чужие и свои детские воспоминания: задержка дыхания, прыжок и прохладная вода ловит его. Или арнят, которые с визгом скачут в реку? Скользкие камешки под ногами, а впереди идут через брод ягнята с хвостами, как синхронные толстые маятники... Детские ручки, собирающий лодочку, и Стив, прогоняя наваждение, выкрутил сцепленные за спиной

пальцы.

— Посмотри в информации: там много вариантов. Я разошлю приказ регента между дознавателями, и каждый будет рад обеспечить тебя всем необходимым там, где ты решишь остановиться. А сейчас позволь мне вернуться к работе, — Эарг открыла дверь, в которую тут же прорвалась старуха с кошёлкой.

Стив выскользнул и, упорно глядя под ноги, незамеченным вышел на улицу. Эти дознаватели со своей любовью к каждому и пониманием! Надоевшая форма панцирем давила на тело и, казалось, весила полтонны.

— Отлично, спасибоще! Сейо дал нам выходной! — Лирой счастливо помахал раскрытым коммом, блеснувшим серебром экрана, и захохотал: — Пошли вечером на лекцию об ажлисс? Тут в зале для концертов будет представление, а потом общая вечеринка, может познакомимся с кем, поиграем? А, экзекутор? Тебе какие больше нравятся?

— Мне озеро нравится. Найди дом отдыха у озера. И я буду спать! — нет, он не будет ничего искать сам. Не надо ему никаких сосновых боров и сопок из детских снов. Пускай будут горы. И вообще, в его башке столько чужих мыслей и чужих воспоминаний, что он ни в чем не уверен! Но озеро — это хорошо.

— Да ты что... Ну и... — оба гвардейца углубились в поиски по системе, причем Лирой громогласно перечислял способы подготовки ужина на костре и жаждал остаться в городе для поиска всё увеличивающегося списка необходимых для качественного отдыха вещей, а Мэт искал удобно расположенное озеро, куда Лирой, когда удовлетворит все свои желания в городе, сможет максимально быстро добраться наземным транспортом.

Стив, распуская шнуровку на рукавах и поясе, пробрался в багажник.

Швырнул рубашку в отделение для грязных вещей и с омерзением стащил чуть ли не сросшиеся с кожей штаны. Благостно потянулся и почувствовал из-за спины любопытное внимание. На тротуаре хихикала компания деток обоих полов, разглядывая сквозь прозрачный купол флаера его голую задницу.

Что, эти люди себя никогда без одежды не видели?!

«Мэт, убери прозрачность!» — толкнул гвардейца сканом.

Но с другой стороны, дети выглядели хорошо одетыми, безбоязненно ходили по улице и смеялись над ажлисс. То есть мирное население становится и вправду мирным и все налаживается.

* * *

Закрытая колония арнов за Фарнойский хребтом на материке Геарджойя планеты Джи жила счастливо и мирно. Ажлисс, можно сказать те самые ажлисс, что многие столетия назад под прикрытием науки изменили геном группе людей, чтобы создать из них непобедимых солдат-трансформеров, теперь запретили даже ритуальные драки, часто кончавшиеся поеданием побежденного зажива. О нет! Теперь это считалось дикостью. Генные модификации были запрещены, использование киборгов и биомехов строго ограничено. Неудивительно, что склады старинного корабля от номера тридцать и выше были закрыты. Там были экзоскелеты и машины, которые двигались и питались силой арнов — выносливых и сильных живых моторов. Ристел разобрал истекающие порченным соком и злобой механизмы, и заразился этой злобой сам. Можно себе представить, сколько арнов

выработалось до полного изнеможения, закапывая этот громадный космический ковчег. Возможно, это и лучше, что не осталось никаких архивов — легенды арнов были романтичнее, чем открывающаяся Ристелу действительность. Если заменить порченную лимфу на новую, которой было достаточно дома для биомехов стаи Вроа... Если влезть в исправленный и, возможно, даже улучшенный костюм, то остановить его сможет только прямая посадка грузового флаера на голову. Но ни один флаер на Территории не залетит. Ристел улыбнулся. Кажется он нашел смысл своей смерти.

Неожиданно приехал отец. Возвращаясь с ужина, Ристел почувствовал его и пошел окольной дорогой, но только еще больше разозлился, когда увидел молодого и незнакомо выглядящего отца, сидящего на пороге домика.

— Привет, поросль. Меня теперь зовут ажлисс Рис.

— Дай мне пройти. Я устал — целый день работал, — Ристел остановился, потом дернулся к двери. Его неприятно царапнуло, что отец, сменив сущность, взял их общее с сестрой прозвище. Да, Хорха говорила, что мать точно так же обращалась к отцу, но это было когда! И совсем мало. И не мать эта тварь, а искусственная матка-инкубатор.

— Мирный тебе вечер, сын. Прошу прощения, я плохо тебя воспитал.

— Мой отец умер. Моя мать — чудовище. Моя сестра — генетический эксперимент. Я — отброс этого эксперимента, — Ристел обошел отца и попытался закрыть за собой дверь.

— Ты мой сын, кем бы ты ни был, — Вроаррист протолкнул сына в дом и зашел следом. — Поедем со мной на Утреннюю Звезду. Там у меня будет свой дозен, свой поселок и там будут люди, которым мы поможем строить новую жизнь.

— Люди? Я же не человек. Никуда я не поеду, там я тоже буду уродом. Тут меня знают, тут ко мне привыкли.

— Привыкнут и там. Мне нужны хорошие механики.

— Нет. Я не хочу жить ради исполнения чужих планов. Арны были созданы рабами, я не арн, — Ристел в упор смотрел на отца, выдавливая его из домика.

— Подумай. Я буду в деревне еще два дня, потом зайду за тобой.

Но Ристел через два дня сбежал на охоту. Визит Вроарриста оказался очень удобен. Коллектив раскопок в полном составе собрался около первого арна, дослужившегося до ажлисс. А Ристел без суеты и проблем вынес с корабля осевой крепеж экзоскелета — ту здоровенную крестовину, на которую крепилась вся конструкция. Остальные детали разбирались на более мелкие части и в общей куче плохо идентифицировались. Никто взглянув мельком не угадает, выносил ли он уже подобную загогулину и сколько.

Глава 9. Сближение. Сергей

Никем не остановленный Сергей выскочил из Москвы в юго-западном направлении и свернул на окрестную дорогу: объедет столицу окольными путями. Это дольше, это неудобно, но рисковать встречей с возможным патрулем? Хотя завоеватели вели себя на удивление безалаберно: съезды-въезды на магистрали и в город не охранялись. Да и вообще ни одного оранжевого комбинезона со времени той несерьезной проверки в Польше, он и не видел. Только за углом бойлерной кто-то мелькнул в рыжей куртке. А может и не в куртке. Может это пакет ветром прогнало... Мотор его ниссана грохотал в безжизненном районе, как танк на взлёте, но кругом было мертво.

Вместе с документами Сергей, бессмысленно мотыляясь по квартире, прихватил и старый, еще отцовский атлас СССР. Новых трасс на нем не было, но новые дороги как раз и ни к чему. Он поедет партизанскими тропами, были бы там заправки...

Докружил аж до Клина и там рискнул выехать на трассу к городу, внутренне напрягаясь, что никакого города там не увидит. Город с того места, где оказалась заправка, действительно виден не был. Тётка за прилавком за полный бак потребовала четыре импа и отказалась от рублей, но согласилась взять пятьдесят евро — магия валюты всё еще работала. Поворчала, что от него и от его денег смердит. Дала вместе с чеком распечатку про новые деньги, которые и на деньги-то похожи не были. Так, потешные игрушки: разноцветные ленточки и колечки с насечками. Самой мелкой была... нет, не монета-«копейка», а даже неизвестно как эту валюту называть! Самая мелкая денга была кольцо-«сотка» — одна сотая часть импа. Прямо как сотка в нормативах на дачный участок...

«Хотелось бы знать, что это за слово такое импы-импы, умпы-умпы», — бормотал Сергей, вгрызаясь в безвкусный сэндвич, прихваченный на заправке. В полусонном угаре и тяжелом запахе от давящего груза за спиной, домчался до Вышнего Волочка, свернул на Удомлю. По трассе ехали редкие грузовики и еще более редкие частники. Сожалая о давно рассыпавшемся Красном мосте, по которому в доперестроечные времена вела короткая дорога на тот берег, проехал мимо поворота на поселок Ивановское и придал газу, торопясь в объезд узкого, но длинного озера Волчино-Сестрино. Ему надо на другой берег, практически напротив поселка. Обычно они оставляли машину на берегу и брали лодку. Но в данных условиях такое было немыслимо.

Окажись на пути патруль, Сергей бы протаранил его не раздумывая. Но по деревенским дорогам вокруг бывшего дома отдыха «Голубые Озера» натужно таскались груженные трактора да комбайны: на селе шла жатва. И никаких быков в оранжевом.

Уже в ночи ниссан, вперевалку одолев заросшую прутиками и травой просеку, встал у забора.

Оправленный и обновлённый дом егеря — это все, что осталось от деревни Бряково. Остальные двадцать домов исчезли, разобранные на дрова еще до появления тут Сергея. Обещание ухаживать за садом и поселиться насовсем, когда заведет семью, обнадежило дряхлого егеря и он переписал дом на Сергея. Но остался тут жить — Сергею и в голову бы не пришло выгонять старика. Егерь умер три года назад, зимой, и был похоронен на кладбище поселка Ивановское.

В свете фар открыл калитку, отпер дверь и включил электричество. Тишина хищным

зверем кружилась за деревьями, пряталась за силуэтами построек. Отметил, что трава на участке скошена и убрана — спасибо Петровичу, приглядывает за домом. Сторожу на лодке минут двадцать от дома отдыха. Как раз с противоположного берега.

Зашел в сарай. Взял лопату, топорик, налобный фонарь, кусок брезента, в котором Петрович носил траву... Подумал и выкатил тачку.

Путь к схрону на крутой спине сопки он бы прошел и с завязанными глазами, помня о каждом кривом корне и лежащем стволе. Зашел за срез сопки, где ранее брали песок для ремонта забытой дороги. В ночи карьер смотрелся покрытым сплошным кустарником, хотя росли там редкие чахлые деревца, а днём между ними виднелись стрижиные норы...

Нашел подходящее место на склоне, вырубил топориком дерн, аккуратно отвернул, отложил в правильном порядке. Землю с песком кидал на брезент. Он бы не смог объяснить, зачем, но подсознательно не хотел, чтобы кто-то обнаружил, что тут могила. Но кто? Кто придет в этот забытый лес у пропавшей деревеньки?

На той же осатаневшей ноте, что гнала его от самой Москвы, похоронил мать, отталкивая упорно встающий перед глазами образ растекающегося трупца.

Сходил за ведром и лейкой в сарай, сделал две ходки к озеру за водой и тщательно полил дерн, чтобы прирос на место как и было.

Отрыл схрон, достал Милку. Выключил фонарь, вслепую собрал, зарядил. Постоял над могилой, держа оружие наизготовку, но выстрелить не решился.

— Прости, мама, я не успел, — прошептал и отдал честь.

Разрядил, разобрал. Упаковал.

Понял, что сейчас упадет и уснет. Сделал усилие, вытащил из схрона и переложил в тачку коробку консервов.

Закрыл и замаскировал схрон.

Дотащился домой, выложил на крыльцо консервы и оружие, убрал тачку в сарай.

Завел ниссан во двор, оставил открытым багажник — пускай проветривается.

Прикрыл ворота, калитку.

Перенес в дом консервы и рундук с Милкой, упал на неразобранную кровать и отрубился.

Проснулся от стука в дверь: одетым и в обнимку с собранной, но незаряженной Милкой.

Прикрыл снайперку одеялом и пошел открывать.

— А я смотрю вчера: светит и светит, — на крыльце стоял Михаил Петрович — бывший сторож уже неработающей лодочной станции давно не существующего дома отдыха «Голубые Озёра». — Всю ночь светило. Что машина-то нараспашку? Попахивает она. Мышь там околела?

— Я мать хоронил.

— Да ты что? Отмучилась... Вот и помянем: я водочки принес, — Петрович приподнял полную клеенчатую сумку и, бочком пролезая в сени, застыл над порогом. — Погодь! Так там запах-та...

— Ленку угнали. А я еле-еле из командировки вернулся и маму нашел. На полу... — Сергей хлопал деда по плечу, приглашая в дом.

— Прости, не знал...

— Телефоны же отключились, ничего не работает.

— Убили или сама?

— Да не знаю я! Нашёл же, говорю, такую. Брошенная была в квартире. С неделю...

— Ну-ну... Нет, они же никого не убивают, всех собирают, вежливо так. Переселяют...

— Весь район вывезли, ни души не осталось. А мертвых бросили.

— И много было мертвых?

— Не считал. Но живых не видел.

— Эвона как... Так ты мать-то... В машине сам привез? А что ж не по людски-то?

Похоронная служба работает, мы вот неделю назад соседку мою хоронили, всё чин-чином на кладбище и с поминками, как полагается...

— Куда бы я пошёл по-людски? — сорвался Сергей. — Какая похоронная служба? Ты в своем уме? Ленку увезли, мать сволочи эти убили... А я к ним пойду просить? Да?

— Не кричи, нехорошо кричать-то. Покойную тревожить... — Петрович рукавом смахнул со стола пыль, достал из сумки и расстелил газету. Выставил бутылку и свертки с закуской. — Сядь вот. Выпей. И что теперь делать будешь?

Что теперь делать Сергей не знал.

Напился.

К вечеру проснулся по-новой. Под оставленным на столе хлебом и горкой помидоров с огурцами увидел записку: «Лодку я тебе перегнал. Приходи телевизор смотреть».

Рядом лежал ключ от висячего замка. Хмыкнул: вот же лодочник старый — да на этом берегу ближайшее жильё в десяти километрах, кого бы сюда понесло лодку воровать?!

Сходил за водой к колодцу.

Бестолково росший у воды и давно загнивающий тополь в начале лета все-таки рухнул, разбив сруб колодца. Сергей тогда договорился с фермером и привез короткую, но широкую бетонную трубу, которую они втроем и с помощью трактора вогнали в землю, сделав новый колодец.

Глянул к плавням — к пню на якорную цепь была привязана лодка.

Нормальный ужин готовить не хотелось. Наскоро затопил баньку и вымылся, оставив в тазу замоченные вонючие шмотки. Вспомнил и вытянул из мокрого кармана пропахшего нехорошим Ленкиного зайца. Выстирал и посадил на крыльцо сохнуть. Сделал чай. Съел мясо из жестянки, закусил хлебом с огурцами-помидорами. Проверил телевизор: электричество шло, но тарелка ничего не ловила. Посшибали они спутники, что ли? Или нет сотрудников? Решил воспользоваться приглашением — надо же узнать, что в мире делается, раз у Петровича телевизор как-то работает. И да, надо решать, что теперь делать...

На другой стороне привязал лодку к мосткам, рядом с плоскодонкой Петровича. Прошел одичавшим еще за время перестройки садом дореволюционного барона Гаслера. Желтая обшарпанная усадьба, выстроенная в виде сказочного замка с башенками, смотрелась жалко. Из заполонившей всё бузины торчала разбитая оранжерея, в которой во времена социализма была столовая дома отдыха.

Арочная ниша под балконом удивила вернувшейся на место скульптурой играющих медвежат. Сергей даже остановился — нет, медвежата те самые. Настоящие. Сияющие новой белой краской! Но бетонные львы, охраняющие горбатый мостик через канал, были все так же серо-пятнисты, а на искусственном островке не появилась олениха с олененком.

Дермантиновая дверь бытовки оказалась не заперта. Старый, еще ящиком, телевизор бодро вещал о какой-то стройке.

— Слушай, Петрович, — крикнул Сергей, снимая обувь. — А как это у тебя телик работает, а у меня — никак?

— Хорошо, что ты пришёл, надевай ботинки взад, — старик вышел из кухни опять с

полной сумкой. — Пойдем Святозара взбодрим, а то он тоже закис. Смотри, фокус!

Петрович прошел в комнату и выдернул коричневый толстый карандаш из плоской коробочки у телевизора. Экран зарябил потерянными сигналами.

— Коммутатор теперь антенна. Коротко — комм. Бесплатно всем дают. Вместо телефона и телевизора. Можно и в нём телевизор смотреть, но больно экран маленький, — протянул карандаш Сергею.

Сергей заметил продольную щель на бархатистой поверхности палочки, хотел раскрыть...

— Только в твоих руках не заработает, — отобрал Петрович комм и растянул карандаш в прямоугольник. — Вот, а тут все есть и по-русски, — потряс экранчиком с цветными иконками и надписями, но сразу же сложил обратно в палочку и убрал в сумку. — Потом посмотришь, пошли уж.

Трехэтажная вилла Святозара — известного в заграничных художника — занимала весь Дикий пляж и кусок санаторного парка. Виллу построил его отец — успешный питерский бизнесмен. Однако бизнесмен неожиданно скончался лет десять назад, а его богемствующий сын — сам уже давно женатый, разведенный и с взрослым потомством — бывал тут наездами.

Петрович, не останавливаясь у боковой калитки, завернул на дорогу и прошел сквозь криво распахнутые ворота. Точнее, выбитые брошенным тут же джипом.

— Расстроился он сильно, — ответил Петрович на удивленный жест Сергея. — Дочка с сыном решили из Крыма не возвращаться. Имущество всё отобрали: квартиры в Питере, в Москве, акции. Жена на другую планету улетела.

Сергей глянул в глубокое небо — августовские ночи особенно черны и безоблачны. Звезды россыпью. Корабля не видать.

Художник, небритый и хмурый, уже был нетрезв, босиком и в одних брюках от дорогого костюма. Оттолкнул дверь в стену, молча развернулся и прошлепал в зал, светясь бледным торсом интеллигента. Развалился на подковообразном диване напротив огромного плоского телевизора, который показывал детский хор. Без звука.

У французского витражного окна с дверью на террасу валялся пиджак, снятый вместе с рубашкой. По всему полу — упаковки от продуктов, йогуртов, бутылки, еще какая-то одежда. Поверхности журнального столика перед диваном и большого обеденного стола — заставлены посудой и завалены объедками.

— Что, выгнали тебя из столицы? — Святозар поднял в приветствии бокал.

— Нет, я сам ушел, — Сергей обошел вытянутые ноги хозяина дома и сел в угол дивана. — А звук можно?

— На, — художник перебросил пульт. — Я их все равно не слушаю. А я вот остался. И детишки остались, только в Крыму, — хихикнул Святозар и протянул Петровичу опустошенный бокал. — А Нинка тью-тью в космос!

— Как это вы остались, раз ваш район из Питера весь вывезли? — Сергей отвлекся от перещелкивания каналов. Везде шли допотопные фильмы или концерты.

— Как-как... Просто. Отбрехался, что в разводе, а живу здесь, а не в Питере, — Святозар расчистил столик и принес из резного серванта праздничные тарелки.

Петрович вытащил из сумки миску с грубо нарезанным салатом и из-под нее кастрюлю, обмотанную полотенцем.

— О! Картошечка! — заулыбался художник. — Сейчас масло принесу. Я-то приехал в

Питер квартиру у новой власти зарегистрировать, и обнаружилось, что Нинка тью-тью. Вместе с квартирами и прочим. Я и не знал вообще, а Настя с мужем и Димкой в Крыму отдыхали.

— Так Нина, бывшая твоя, могла бы вернуться, раз вся семья тут?

— Не вышло. Там свои лимиты. Деревенских возвращают, городских — нет.

— Настя с Димкой же городские.

— Дети наши уже большие, самостоятельные, дом на югах получили, а матушку у себя поселять не захотели. А я с ней в разводе. Так что прямая дорога нашей Нине на Тау Кита целину пахать. Я даже в гости не поеду, вот в ноябре разрешат всюду ездить, и не поеду, — художник обратился к Петровичу: — Представляешь, приперлись сёдня. Синий этот, и нотацию мне: «Твой дом с правом твоего проживания, но с обязанностью содержания, — передразнил писклявым голосом и залпом допил бокал. — Ворота ты должен починить, а джип заберём на ремонт в районный гараж, так как ты неаккуратно с ним обращаешься! Транспорт не может быть личный.» Видал такие абрикосы?! Я грю: ты, говнюк, из рук моего отца жрал, а теперь тут выделяешься?

А он мне: «Я должен был соответствовать вашим законам, а теперь ты будешь соответствовать общечеловеческим». Я заорал: у меня тут коллекционные мотоциклы, я их на свои кровные купил, сам привёз, своими руками собирал! Что, тоже заберете? А он: «Нет, твоя коллекция — это твоя коллекция, пока ты её бережешь». Видал? Он еще проверять будет!

— Зато «Голубые озёра» восстанавливают, — вступился Петрович. — Статуи на место ставят, Николай с женой в садовники записался. Квартплату отменили, автобусы задарма. Пользы от них много. Вон у Дашки-продавщицы сын без руки был, по дури станком оторвало, так вырастили ему руку. Антонина Пална ногу сломала — за один день вылечили. И зрение вылечили. Младенчики в роддоме только здоровые рождаются.

— А ты и упал на колени? — ядовито бросил Сергей.

— Почему упал, хожу еще. Ответственный меня осмотрел, руками колени погладил, там внутри все передвинулось — больно было ажжуть, но теперь я и танцевать могу!

— Танцуй, деда, танцуй! У меня авторские и то отобрали. «Твой труд принадлежит народу» — видал такое? Народ имеет право пользоваться и лайкать, а я потом этими лайками имею право за туризм платить. Будем как собачки, работать за похвалу. Оставили мне эту избушку, жопы синие...

— Слушь, Святозар, а жена у тебя чем болела? — Сергею не давала покоя одна мысль, вертевшаяся еще с аэропорта во Франкфурте.

— Да здорова она как кобыла. Вот у меня язва, давление, камни... Детей тоже каких-то хилых мне родила: что у Настьки, что у Димки, то сопли, то ангины... А сама кобылица и есть. Пускай пашет, ей полезно.

Сергей в пол-уха слушал, как мужики переругиваются. Переключал каналы: дети, детский фильм, взрослый фильм... И думал. Витька постоянно жаловался на печень и вернулся. Ленка отродясь ни на что не жаловалась — её забрали. Мама была больна, её вообще убили...

А вот и новости. Глашатай опять торчал неподвижным гвоздём теперь на индийской улице, а вокруг него кипела работа. Эти идиоты загружали в свои капсулы даже бродячих собак и священных коров!

— ...исключительность ажлисс Глашатая, — продолжила с полуслова дикторша восхищенным голосом. — Хотя каждый ажлисс отличается от человека более развитой

регенерацией и способностью в близком контакте разговаривать мысленно. Тело ажлисс — это результат уникальной биотехнологии, ажлисс нельзя отравить и они невосприимчивы к инфекции. Но ажлисс устают и должны спать, а тело требует регулярного обновления. Раз в двадцать-двадцать пять стандартных лет ажлисс ложатся в инкубатор, который буквально сплетает новое тело из протоплазмы. Унифицированную протоплазму производит конвертор. Устройство конвертора можно посмотреть в энциклопедии, которую мы недавно выложили в открытый доступ, а пока я скажу, что для получения протоплазмы подходит любое живое существо — мы все едины по сути своей.

— А зачем тебе столько денег, ну правда? — наседал Петрович. — В пяти домах жить не можешь. Радуйся, что Нинку твою увезли, и алименты платить не будешь. Зачем государство нужно? — Петрович помахал артритными пальцами перед носом художника. — Чтобы людям хорошо жилось. Вот и живем. Дармоедов-политиков повывезли да повывезли...

— Ленку мою увезли, она что, дармоедка была? — буркнул Сергей. Голова налилась алкоголем и тянула к земле. Да и толком не спал он давно. Но вдруг весь сон смыло холодным потом озарения: здоровые им нужны, чтобы делать тела для бессмертных! И Ленка...

— Ну почему «была»? Жива твоя Ленка... — бубнил Петрович. — Не работала же она, а с матерью вашей сидела. А теперь больных да ненормальных не будет. Ты-то чего прячешься? Сходи к ответственному, запиши сторожку на себя, а то еще кого поделят. Или к Ленке просись, они семью поддерживают.

— Что вы как стадо, разрешат, не разрешат... — Святозар сполз на бок и уснул.

— Народ стадо и есть, и заботы хозяйственной то стадо требует! — продекламировал Петрович.

— Пальцы-то тебе не вылечили — оптимизм Петровича начинал лезть Сергею на нервы. В висках стучало: Ленка уже давно протоплазма!

— А мне пальцы не мешают — это заслуга лет моих. Знак заслуженного тяжелой работой возраста. Вон бабки чумовые так и пасутся у ответственного — все омоложения требуют, чтоб как ту китайку...

— Китайку... — автоматически поправил Сергей. — И что, омолодили бабок?

— Нет еще. Говорят, что машины не завезли. А вторую молодость заслужить надо. Та первая омоложенная — это пример был. Говорят, она все долго не проживет, так как жизнь свою глупо прожила, ничего полезного для людей не сделала.

— Потому что не нужны им твои бабки. Слушай, дай мне твой коммуникатор.

— А зачем тебе, — хитро прищурился дед. — Он в чужих руках не работает.

— Поговорить надо с другом, а телефоны же сдохли.

— Будешь из моих рук говорить.

Скайп в дедовом инопланетном устройстве не был, да и в интернете скайпа уже не нашлось. Четверть часа Сергей наводил Петровича в поисках Витьки, пока не обнаружилась поисковая страничка, которая привела их на Серегин никнейм «Бакубаку1324» с беспардонной расшифровкой его реального имени и адреса и публично вывешенным списком контактов. При попытках найти авторизацию и «войти на свой профиль» выскочила табличка: «Уважаемый Сергей Исаевич Калинин! Ваша семья ожидает вас! Обратитесь к любому ближайшему консультанту в синей форме!»

— Совсем охренели! — Сергей ткнул в кнопку с именем и адресом Витьки. — Вот,

звони ему!

Кнопочка среагировала только на палец хозяина устройства. Звонок отошёл именем Михаила Петровича Малышева, поселок Ивановское и так далее полным адресом.

— Ты же понимаешь, что это не интернет? — Витькина всегдашняя бодрость разом стихла, как только он выслушал, откуда и зачем звонит Сергей. — Фиг его знает как тут чего искать...

— Ты у нас гугль, ты и догадайся.

— Угу. А ты у нас Милкин Вэй. А то я не знаю на какую дорогу ты с Милкой клиентов провожаешь. Я бы не хотел нарываться, мне эта власть ничего пл... Прости, но мне кажется, смерть твоей мамы — это все же случайность.

— Не будем об этом. Ты просто найди. Он всего один. И должна же эта сволочь где-то спать...

Глава 10. Утренняя Звезда. Лена

— Вы... абориген? — Лена запнулась, чуть было совсем глупо не спросив, говорит ли этот йети по-русски и не инопланетянин ли он. Ясное дело, что говорит на общем, и инопланетянка тут она, а не эта горилла. Было страшно, но чуть-чуть. Гораздо больше было интересно. Подсознательно она все время ожидала появления «настоящих» инопланетян и вот оно — свершилось! Чудовища!

— Нет. Я арн, и я тоже с другой планеты — с Арнасты. Зови меня Рис. Вообще-то мое полное имя Вроаррист из рода Вроа, но теперь я ажлисс, а у ажлисс принято имена укорачивать, — йети отвел взгляд и почесал загривок могучей лапой. Глаза у него были желтые, звериные, без белков. — Давай, разворачивайся и иди по своим следам назад, тут бывают ядовитые многоножки, а ты в тапочках.

— Ты в лесу живешь? — продолжать «выкать» полудикому, но очевидно миролюбивому чудовищу не получилось. Да и вообще он первый начал на «ты». — А тебя эти многоножки не покусают, ты же... голый?

— Я не голый, я мохнатый, — хмыкнул Рис. — И я слышу когда они близко: у них хрустят чешуйки и жвалы. И чую — они пахнут остро, как уксус. Но ты всех распугала — так топала, что степь тряслась. Иди впереди, я сзади прикрою: тут много всякой хищности бегает. Например, травяной волк на меня не бросится, а на тебя — с удовольствием. К тому же ты издавала свадебный клич одинокой самки. Если б не я, то минут через пять тебя окружила бы стая влюбленных самцов. И потом сожрали бы — от разочарования и обиды.

— Почему ты со мной сразу на ты? — Лене стало обидно: что он её запугивает как маленькую. Ясно же, что в такой травнице никакой настоящий волк не пролезет, запутается.

— Ажлисс со всеми на ты: мы старше любого человека. Я и с Императором на ты.

— У вас есть император?

— У нас всех один Император.

— У нас Содружество человеческих планет!

— Это уже тонкости перевода, — засмеялся Рис. — Я в принципе тоже человек, только ажлисс изменили генотип моих предков. Но сейчас вмешиваться в генотип запрещено, так мы и живем сильными и могучими арнами. Знаешь, давай-ка я лучше тебя прокачу? А то ты ночь тут встретишь.

Он подошел почти вплотную и согнулся, опираясь на руки, становясь и правда похожим на гориллу. Или на короткошерстного гривастого медведя. Никаких штанов или набедренной повязки на нём не было. Пригнулся еще ниже к земле, толкая ее плечом: — Садись на шею!

Ну теперь точно, она будет как маленькая! Но это было бы забавно: её никто никогда не возил «на закорках». И этот йети вел себя как порядочный... йети.

Лена, чувствуя себя, как Красная Шапочка и внутренне хихикая, — вот же дурища здоровенная! — села арну на плечи. Он крепко ухватил ее ноги, рывком поднялся и бросился бежать к городу. Перед самой границей, где была полоса короткой травы вокруг поселка, арн повернул направо — к больнице.

— Эй, Рис! У меня там машина, — Лена неуверенно похлопала Риса по вполне человеческой макушке. Ну, волосы пепельные. Даже красиво. И уши вполне человеческие. Коренастый, правда, совсем не по-людски. Зато сильный!

— А у меня там ворота. Не бойся, донесу к машине.

Монстр добежал до конца символического квартала и прошел на территорию города. Лена сжалась, но забор не почувствовался.

— Я тоже могу выходить тут?

— Нет, не сможешь. Забор пропускает мой коммуникатор, — Рис помахал рукой с браслетом. — И я даже усилию напряжение, чтоб никто больше не выскочил. Вот сделают дорогу, поставим заборы от животных и тогда будете гулять. Это твоя машина? — Рис вдруг вывернулся, и Лена упала чудовищу на руки, оказалась прижатая к горячему, пахнущему зверем телу.

— Как вы... Ты... Быстро, — пискнула — и уже стояла на земле, разглядывая мускулистый торс. Длинные пряди на плечах переходили в более короткую, но густую шерсть на грудных мышцах, почти гладкую на животе, начиная слегка кудрявится ниже пояса... Лена не удержалась и посмотрела: ой, и правда, и внизу мохнатенький, как собачка. И ничего толком не видно.

— Ты недалеко успела удрать, — йети тихо рыкнул и добавил: — Арны не бояться ходить без одежды. В штанах и куртке мне неудобно бегать зверем. Хотя я не против, чтобы ты меня разглядывала, — и убрал руку с её плеча.

— Простите, — Лена отошла к машине, отворачиваясь к городу.

— Не за что. У меня всё красиво: и сзади и спереди. Но ради тебя я на следующую встречу наряжусь.

— Научишь меня отключать забор? Это арны нас тут заперли, да? — мысли как-то шустро прыгали, хотелось расспросить о многом, Уходить не хотелось.

— Арн тут один я. Вас не выпускают, потому что зверей не впускают. В поселке вы можете ходить спокойно, а тут на самом деле опасно. И больше не выскакивай так. Я сигнал сразу получаю, что кто-то прорвался, но не всегда могу быть близко.

— Я умею стрелять!

— Это здорово, но оружия у тебя нет. Давай так: захочешь погулять, сообщи мне через комм — арн Рис на этой планете один единственный — и я с тобой погуляю. Или еще лучше поедem на флаере, — Рис подтолкнул Лену к машине. — Но скоро начнут озеленять улицы, и садовники поедут в лес за деревьями. Хочешь быть садовником?

— Не знаю... Но, если ты ажлисс, то где твой крилод? — обернулась напоследок Лена. Ага! Сообразила! И даже немного загордилась собой.

— На базе лежит. Зачем мне его с собой носить? Вот съест меня кто, а мой крилод только экзекутор и сможет найти: у кристалла сигнал очень слабый. А экзекутор у нас тоже единственный такой способный на всю Империю. Хотя это идея: может экзекутора так и приманим, давно я его не видел...

— Что за экзекутор? В Содружестве есть палач?

— Ну этот, ты его знаешь как глашатая, во... Почему сразу палач? Его главная работа — всем делать хорошо.

— Тот ангел, что нас всех созвал — это экзекутор?! — Лене стало по-настоящему страшно: чудовище за забором, переселенческий лагерь с ошейниками плюс император с экзекутором складывались в жуткую мозаику.

— Не бойся, тут нечего бояться! Говорю, это всё тонкости перевода. Ты, главное, мне сообщи, когда гулять вздумаешь. Я сразу приду. Можем поговорить и по комму, а сейчас пора на обход. Спокойной ночи и сладких снов!

Арн нагнулся, опустил на руки. По его телу прошёл спазм. Запахло мокрой собакой...

Монстр оглянулся — кажется, и лицо у него превратилось в морду — рыкнул и убежал на четырех лапах.

Лена села в машину и хлопнула ладонями по бархатному сиденью. Всё! Кин должен объяснить всё! Сахарные речи, лагеря переселенцев, генетические эксперименты! Монстры! Почему до сих пор нет мамы с Сережей! Она не хочет быть мохнатой гориллой! Даже если это единственный путь быть снаружи. Лена представила волосатую и бегущую на четвереньках Натальванну и усмехнулась: вот её давно пора обобезьянить и посадить на пальму. Пускай бананы прячет. Толку от склочной бабки в переселении! Делать ничего не умеет, детей нет и не будет... Снова испугалась: а что если здесь делают ферму по размножению людей? Но зачем тогда перевезли стариков? Лечат их, кормят...

Отжала рычаг до упора и дернула вбок, разворачивая машину. Инопланетный механизм плавно приподнялся и поплыл неторопливой рыбой к больнице. На парковке под навесом машина так же вальяжно зависла и бесшумно опустилась на зарядную платформу.

— Ленивый тюлень ты, а не акула! — Лена подтолкнула на место прозрачную часть купола, изображавшую дверцу. Не изменив скорости, купол неторопливо закрылся и мигнул рамкой сенсорного замка, показывая, что заперся. — Ведь можешь носиться как крейсер, я видела на Земле.

На склад она заедет позже; а если ее сейчас же превратят в обезьяну, то и наплевать на склад! Обошла больницу снаружи: идти через весь муравейник не хотелось, а комнатенка Кина была сразу у главного входа.

На двери горело зеленым его имя — Кин дома. Лена постучала прямо по витиеватым буквам общего языка: дознаватель Кин, ответственный за сектор Москва.

— Лена? Что случилось? — Кин, босиком и в одних штанах, попытался выйти ей навстречу за дверь.

— Вы... Ты! — а вот фигу она будет с ним на «вы» теперь! Лена пихнула ажлисс в грудь, загоняя обратно в комнату. — Ты должен мне всё рассказать! Правду. Вы всё врётё! Почему мы здесь заперты, как в концлагере?! Почему я не могу позвонить друзьям? Отпустите меня домой! Ты главный над всеми, почему ты живешь в каморке, как я?

— Тихо, тихо, милая, — Кин обнял ее, погладил теплыми пальцами за ухом. — Что случилось? Не кричи...

Внутри привычно разлилось спокойствие. Захотелось влезть Кину на колени. Ажлисс постоянно хваталась, обнималась, а Кин всегда с ней разговаривал, хотя бы держась за руку и поглаживая.

— Не трогай меня! — вырвалась Лена и еще раз толкнула Кина. — Я знаю, ажлисс так лезут в голову! Зачем нас привезли? Я не хочу быть обезьяной!

— О-у-у, это надолго. — из спальни тоже босиком, но в пышной кружевной юбке и тончайшей шелковой, словно водяной, кофточке, появилась Йирт. — Хотя можно и втроём.

— Вы о чём? — Лене стало жарко. Вытерла вспотевшие ладони, развернув засученные рукава футболки. А она в этой грязной пижаме. — Мы тут все как рабы! Зачем вам никчемные старухи? Натальванна ни детей рожать, ни работать не может.

— Люди — это основа человеческой цивилизации, — пожалала плечом Йирт.

Кин сделал нетерпеливый жест, и Йирт ушла через внутреннюю дверь. Её комната и её отсек был на втором этаже.

— Лена, давай поговорим, — Кин направил Лену к единственному месту, где можно было сесть: к единственному столу, торчавшему из стены рядом с уличной дверью, и двум

табуреткам из толстого пластика. Комнаты Кина ничем не отличались от Лениных. Но тут над столом висели узкие полки, плотно заставленные маленькими расписными флакончиками. Кин сел и показал на коллекцию. — Это фиалы с моими предками. Максимально полная родословная, к сожалению, на мне и закончившаяся. Я стал ажлисс, а детей у меня не было. Боковые ветви тоже все здесь и закончились. Мой род существует только во мне. Что немного обидно, хотя мы заботимся о всех людях без выделения близких родственников. А у меня родственников и нет. Пойми, ажлисс практически бессмерты, чем нам еще заниматься? За время наших жизней мы видим, как гены далеких наших родственников расходятся все дальше, и фактически все люди становятся нам родственниками. Но в такой степни, что я и Риса могу назвать своим братом. Сядь. Наталия Ивановна тоже нужна — она маячок для общества. Маленький психологический маячок для уверенности остальных: раз её берегут, значит всех берегут.

— То есть это маскировка и обман? — Лена села и почувствовала, что сил у нее больше не осталось. Сейчас она расплатится и умрет.

— Нет, милая. Что ты! Я выбрал тебя, чтобы ты жила, ты же моё заботливая рыбка, — Кин поцеловал Лене руки и прижался щекой к её ладоням. — Мы охраняем человечество. Никаких маскировок и обманов. Я вижу, ты встретила с Рисом. Уже давно запрещено создавать новых арнов, но зачем убивать уже живущих? Они же не виноваты. Вы не виноваты, что ваша власть там мало живет и любая хорошая идея тонет в жадности краткоживущих поколений. Каждый человек стремится урвать себе кусок побольше, не съест, но хоть будет владеть... Мы же удерживаем равновесие между производством и потреблением, чтобы каждый мог сделать и получить равноценное количество добра для себя и цивилизации.

— То есть я никогда не смогу стать директором завода или президентом? Я так и буду жить в каморке у гаража? — прикосновения Кина утешали. Лена знала, что Кин видит её мысли и влияет на неё мысленно, но мир же лучше войны, а спокойствие лучше нервов и слёз?

— Никаких президентов, — засмеялся Кин. — А директором фабрики ты стать можешь, но твой дом будет таким же стандартным, как у рабочего, при всех остальных равных данных. Каморка — это временное. Я тоже не буду жить в одной комнатке. Это временное. Потом я расширю модуль до обычных трех комнат. В начале следующей декады заселяем целый квартал новых домов. Первые вселятся строители и семейные. Я могу выделить дом и тебе. Ты берегла стариков и детей, чтобы молодые и сильные могли строить. Ты — молодая женщина и у тебя будет где жить с семьёй.

— У меня нет денег, нет нормальной работы... И какая семья без мамы и Сережи. А тут сплошные старики или беременные женщины...

— Милая, забудь старые глупости. У тебя хорошая правильная работа. Деньги есть у всех, просто ты получаешь немного, но постоянно, как и каждый. Дом будет твоим, пока ты в нем живешь и бережешь его. Спасатели найдут твоих родных, а ты найдешь себе пару, родишь детей.

— Ты уже говорил, но ни Сережи, ни мамы все еще нет! А про Содружество и глашатая вы ввали. Он не глашатай, а палач. А еще есть император. Это что, империя? Такая древность...

— Нет, никто не врал. Слова — это просто звук, название, табличка. Главное — смысл, который ты поймешь, когда приобретешь опыт. По нашему закону всё принадлежит

Императору Джи. Он вечный ажлисс и гарант, что законы не будут нарушаться. Он ученый. Как все мы, он живет в трехкомнатном жилище рядом с работой, и вмещивается только когда нужен его авторитет и сила. Он как живой бог, но привычнее называть его Императором. Слова не важны, важен смысл и дело.

— Почему я не могу позвонить друзьям? — Лену начало клонить в сон и слова переваливались, как разогретые тюлени на пляже. Кин гладил ее, словно найденного бездомного щеночка, и хотелось стать этим щеночком, забыть всё, свернуться клубочком и впитывать нежность, исходящую от рук сильного, доброго мужчины.

— Потому ни ты, ни местные жители еще не получили доказательств, что всё хорошо. Недаром контакт назначен на третий месяц по нашему календарю или ноябрь на Земле. Тогда у людей будут доказательства, что мы не несем зла, тогда все будут иметь коммы и тогда будет смысл звонить друзьям.

— Где моя мама?

— Рыбонька, я хотел сегодня с тобой поговорить, но никак не мог решиться. Её не нашли, хотя район был закрыт. Ты волновалась, заперла ли ты входную дверь. Так вот: квартира была заперта, но розового зайца там тоже не было, а спасатели упаковали абсолютно всё. Зато вещи уже на складе, и твой дом будет с привычной обстановкой.

— Может, маму увез Сережа?

— Ты думаешь? Возможно. Ты прошла сквозь забор... А брат у тебя воин. Не плачь, рыбка, — Кин сел на пол, стянул Лену к себе на колени и поцеловал. — Спасатели найдут. Всё будет хорошо, не бойся. Ты нужна мне и людям, — теплые руки, несущие радость, скользнули под кофту. — Всё будет хорошо. Я знаю, что говорю и делаю, у меня многовековой опыт. Кстати, ажлисс абсолютно и совершенно здоровы, а я еще лечитель, так что утешить тебя — мой прямой долг...

— А Йирт не будет ревновать? — Лена отдалась на волю ласковых слов и нежных прикосновений. Одежда, словно сама собой, соскользнула на пол. Кин встал и Лена оказалась у него на руках.

— У нас нет ревности, нам нечего делить, — шепнул ажлисс и отнес её в маленькую спальню. — Зато я умею утешать. И никаких нежелательных последствий, ажлисс бесплодны.

Праздник первых поселенцев Лена встретила в некотором смущении. Все слишком походило на сказку. Пришли добрые феи ажлисс и унесли в волшебную страну, где людям дадут всё, что нужно. В первую очередь человеку нужен дом — и вот на пустыре тяжелый кран поднимала целые стены, из которых рабочие составляли коробочки будущего жилья. Техника прикрывала дома готовыми крышами, сложенными другими рабочими тут же рядом на земле, и ехала дальше по растущей на глазах улице. К новорожденному домику устремлялись молчаливые андройды с татуированными, как у индийских невест, руками и отделяли дома изнутри и снаружи. Дома расцветали неповторяющимися узорами из цветов, птиц, драконов или просто яркими полосами и разводами, а по разбитым колеям уже ехали садовники. Широкими рядами вдоль будущих дорог и тротуаров рассаживали привезенные из леса деревья. Комбайны выравнивали почву, заливали улицу серо-зеленой пружинящей массой, похожей на резиновый асфальт, формировали тротуары. Люди и андройды прокладывали дорожки к каждой двери, устанавливали фонари, а на площадку перед домом летающие грузовые корабли, словно футуристические Деда Морозы, бережно опускали контейнеры, до боли похожие на архаичные гаражи-ракушки на одно авто. Там

были упакованы вещи, наконец догнавшие своих увезенных хозяев.

Утром часть жителей больницы, включая беременную Свету и еще тридцать подопечных из шестьдесят пятого сектора собрали узелки с пожитками и ушли в новые дома. Детей и членов семей новоселов освободили от занятий и работы — устраиваться.

После обеда Лена под руку с Кином пошла посмотреть на подготовку к празднику. Уже три дня как от больницы к району новостройки вела пешеходная дорожка. В будущем собираясь слиться с дорогой вниз по-над рекой на фермы и дальше через поля к заливу и другим поселениям...

— Вон, смотри! Ты мечтала о свежем хлебе, — Кин подбежал к угловому домику и распахнул дверь с надписью «Пекарня». Из пекарни спиной вперед выбрался мальчишка лет десяти, прижимая к животу объёмную коробку.

Мальчишка важно кивнул в знак благодарности, а Лена прошла в магазинчик. Горячий хлеб, корица и ваниль обняли ароматным облаком. За стеклом — округлые буханки домашнего хлеба, булочки, ватрушки и «жаворонки» из сладкого теста, посыпанные маком. Такие пекла мама...

Сзади закрылась и очень по-домашнему дзынькула колокольчиком входная дверь.

— День добрый, — из-за занавески появилась сияющая продавщица. — Каэр ажлисс! Я прикинула, сколько нам надо, но скоро все, что мы напекли, закончится. Завтра сделаем побольше, да и помощники вызвались. Втроем будем делать.

— «Каэр» — это к людям. Ажлисс Кин, но лучше просто Кин, — покачал головой ажлисс. — Лена, возьми себе что-нибудь к ужину.

— Я сама заплачу, — Лена сняла браслет комма, выпрямила его в палочку, воткнула в паз и вытянула небольшой язычок экрана: у платёжного терминала была наклеена табличка со схемой манипуляций. — Дайте мне двух жаворонков и четвертинку черного. И ватрушку!

— С утра будет свежая выпечка, а еще три вида пирожных, — похвасталась продавщица.

Экранчик коммуникатора зарегистрировал переход нескольких виртуальных копеек-«соток» со счета Лены на счет пекарни.

Лена снова защелкнула комм браслетом. Взяла бумажные пакеты с хлебом, внутренне ожидая, что они пискнут, вырвутся из рук и, отрастив маленькие ножки, побегут сами. Ощущение, что это всё сон или что она незаметно надышалась одуряющего газа, становилось всё сильнее.

На улицах квартала бегали дети, знакомились соседи, помогали друг другу заносить мебель. Выставляли на тротуары стулья и табуретки. Вместо машин по центру бульвара вращались и кругами, зигзагом и ровными линиями стояли столы. Андроиды летали вверх-вниз на планерах, выгружая из зависших над поселком космолетов готовые блюда, цветы, гирлянды. Пахло сдобой и резаными фруктами, жареным мясом и острыми специями. Лена не удержалась, ухватила из вазы яблоко и откусила — никогда не думала, что настолько будет скучать по обычным яблокам!

— Откуда это всё? — Лена слегка отстранилась от Кина. Сам ажлисс был в синей форме, напоминавшей парадную военную, но он так одевался каждый день, а ей стало неудобно. Тут праздник, а она в рабочей одежде...

— Империя богата, потому что никто не берет больше, чем может съесть. Ваш приезд запланирован давно, поэтому произвели чуть больше. Это угощение — подарок, минут через тридцать будет сигнал к застолью. Когда же мы начнем работать, то будем отдавать часть нашей продукции в общий фонд, тем, кто не способен производить.

— Угу, управляющим ажлисс и Императору.

— Не вредничай! — Кин обнял Лену. — Ты прекрасно знаешь, что даже Император получает плату за работу и оплачивает свои нужды сам.

— А где мы будем работать?

— Когда ты бегала за городом, то видела метельчатую осоку. Её волокна добавляются в пластмассы. В лесу растет один из видов тыквы-таки. Видимо, поэтому сюда напросился арн: его народ умеет делать из таки мягкую ткань вроде крепкой и тёплой фланели. Да всё вокруг: рыбы, звери, яйца, минералы и прочее. Всё, что ты знаешь, но в соответствии с нашими условиями немного иное — мы поддерживаем разнообразие. Сейчас за городом строится ферма и оранжерея. Хочешь, будешь работать там?

— Нет, я хочу шить красивую одежду. Униформенные штаны и рубахи — гадость. Я посмотрела в энциклопедии — это просто. Сканируешь фигуру, делаешь проект с помощью интерактивной программы, получаешь выкройку. А шить тоже научусь.

— Да, это просто. Скреплять ткани можно разными способами.

— Кин, тут столько андроидов, ты же говорил, что у людей нельзя отнимать работу?

— Сейчас они нужны здесь. Полная роботизация у нас запрещена, кроме особо опасных или тяжелых работ. Ты права, именно чтобы не отбирать работу у людей. Но для нас в новых поселениях сделано исключение. Вот твой дом, — Кин обнял Лену и развернул к ярко желтому дому с глазурованным сочно-зеленым плющом по углам. На двери шипастыми буквами общего языка было написано «Лена Калинина». — Он откроется на сигнал комманды или просто можешь приложить ладонь к замку, как в больнице, — Кин провел Лену по мягким плиткам к широкой террасе. — Тут не бывает снега зимой, поэтому дома строятся прямо на земле.

— Почему Лена, а не Елена?

— Прости, я хотел, чтобы это был твой дом, а Елена уж очень не по-родному, — Кин поцеловал её в макушку. — И не смущайся, сегодня праздник, я не буду тебе мешать. Завтра у тебя выходной. Я позанимаюсь с твоими старичками в больнице. Гуляй, отдыхай, празднуй.

— Если я люблю тебя?

— Ты можешь быть моей подружкой, но лучше тебе найти человека, пару. Пусть у тебя будет ребенок — это очень успокаивает и дает цель в жизни.

— А если я хочу ребенка от тебя? А если искусственно?

— Не сходи с ума! Этого не может быть и нельзя.

— Кому может помешать ребенок?

— Ажлисс не могут иметь детей, это разумное ограничение. Ажлисс — гаранты жизни всех людей, иначе бессмертные заполонят всё и жизнь остановится. Ты можешь стать моей подругой. Никаких опасностей в мире не осталось, ни голода, ни войн. Ребенку ничто не угрожает. Женщина не зависит от мужчины, государство обеспечивает всех. Но ребенка тебе дать я не могу. Я попросил андроидов занести и расставить громоздкие вещи. А когда заработает мебельная фабрика, то сможешь все обновить.

— Постепенно, — эхом ответила Лена.

— И загляни наверх в спальню, правильно ли там все стоит.

Кин ушел, а Лена прислонилась к двери и провела рукой по тепло-оранжевому покрытию стен: как интересно, словно шелк...

Никакой прихожей. Весь первый этаж одним залом. Налево подиум с кухонькой, направо в другом конце зала знакомые шкафы из московской квартиры обрамляли дверь. Всё

еще с пакетами в руке, прошла по плиточному полу, открыла и посмотрела: пустая комната. Гостиная, наверное. Вздохнула. На улицу выходило одно огромное от пола до потолка окно, на террасу внутреннего дворика — второе. Стол со стульями и диван раздвинуты по сторонам к этим окнам, а перед ними громоздятся коробки и коробищи.

На кухне нашла шкафчик стазиса — он заменял здесь холодильник. Кин сказал, что стазис как бы останавливает время и поэтому все в шкафчике остается свежим. Положила туда хлеб и даже не удивилась, увидев внутри набор продуктов «первой помощи», как говорил Серёжа: бутылка молока, коробочка с маслом, коробочка с кусочком копченого мяса, пять яиц и снова пять, но то ли яблок, то ли груш. У неё будет маленький пир. А ещё можно будет принести что-нибудь с улицы. Кин обещал магазин, где будет продаваться и рыба из местной реки. Вот только приедут еще люди...

Думая о том, зачем ей одной целый дом, подошла к громаде коробок в зале. Нажала на замок и открыла. В пружинной пене оказалась посуда. Пена легко отставала, и Лена переложила тарелки и чашки на стол. Пустую коробку с пеной отнесла в уличный контейнер. Занесла в дом еще одну увесистую коробку. В ней оказались книги. Вернулась в контейнер, включила комм, поднесла экранчик к замку. Ура! Высветилось содержимое: украшения быта. Поднесла к следующему: столовые приборы и посуда. Покрывала, занавески. Книги. Кастрюли и сковородки. Люстры. Ни белья, ни одежды, ни обуви? Захлопнула «гараж» и поднялась на второй этаж.

Две комнаты выходили на балкон над внутренним еще пустым и голым двориком. Третья смотрела на улицу. В каждой была ванная с туалетом. На кровати её спальни, которая была полной копией московской квартиры, лежало длинное голубое платье с пышной юбкой и вышитым черным бисером лифом. На полу у самой юбки — ее выходные черные лодочки. Ткань платья была незнакомая, струилась и переливалась, и в то же время была мягкой, как бархат. Погладив платье, Лена просмотрела шкафы — все вещи лежали на привычных местах. Да, удивительно! Это копия её комнаты, только просторнее. Стены непривычно рыжие, а окно голое, без занавесок. Зимняя одежда и обувь сложена у стены.

Платье оказалось прямо как влитое. На кровати еще был конверт с тончайшим кружевным бельем и чулками. Вот, теперь она точно сказочная принцесса! А в голове совершенно самостоятельно мелькали остро кусающие слова: зачем тут мамина спальня, когда мама неизвестно где? Серёжа твердил, что комната для него — это излишество, он все равно часто в разъездах, и спал в большой комнате на диване. А тут для его спальни и мебели нет.

Во входную дверь постучались. Потом забликал огонёчек браслета.

— Вы Лена? — с экранчика комм улыбалось конопатое лицо киношного Иванушки-дурачка. Все было большое и распахнутое: сероголубые глаза, рот до ушей, лошадиные зубы, широкий картошкой нос. — Я — Стасик. Выходите, на праздник пойдём.

— Здравствуйте, — Лена открыла дверь.

— Ух ты! Прямо королева! — Стасик сложил руки и изобразил поклон. Его волнистая блондинистая шевелюра была утыкана множеством девчачьих заколок и пушистых резиночек с бабочками. — А, не обращайтесь внимания: племянницы разбирают вещи и я на радостях изображаю сказочного единорога. В нашем доме — вон тот зеленый с бело-розовыми громадящими орхидеями — сейчас такой визг стоит, что я удрал. Моя сестра Светлана у вас в отделении была. Пошли танцевать? И вкуснятину лопать!

— А как вы узнали, что я тут?

— Йирт меня спасла от домашнего насилия, послала спасать вас. Давай на ты?

— Давай...

— Сигареты у тебя есть?

— Нет, я не курю. Это же вредно, вряд ли ажлисс будут сигареты делать. Откуда я бы их взяла?

Сказка продолжалась. Вещи успеет разобрать завтра. Или через декаду... Может, она пока поживет в больнице, не выгонит же ее Кин? Или выгонит? Завтра приедут новые поселенцы...

Общий ужин шумел до поздней ночи. На перелетавшей с улицы на улицу платформе играл маленький оркестр из трех гитаристов, синтезатора и даже барабанщика. Для всеобщей пользы музыкантов заранее освободили от стройки, и они сыгрались в некое подобие ансамбля. На платформу время от времени залезали энтузиасты, пели вместе со всеми знакомые всем песни, и практически профессионально пели.

На площади посреди квартала, куда лучами звезды сходились теперь жилые и освещенные улицы, устроили стадион, и Йирт на кварге из детского зоопарка показывала чудеса выездки. Да, конечно, кварг — это не настоящая лошадь, но выглядело красиво. Потом кварг вместе с пониками катал всех желающих. А на огороженной арене ажлисс с потрясающей скоростью и ловкостью фехтовали саблями, показывали борьбу и рукопашный бой. Там Лена увидела и Риса. Арн на этот раз был в оранжевых свободных штанах и кожаной жилетке с аппликациями.

Кин представил Риса, рассказав историю народа арнов. Несколько столетий назад император-беглец Тадей решил создать людей-оборотней для непобедимой армии, но арны взбунтовались и свергли Тадея, а потом случайно оказались в Империи. Теперь Рис — первый ажлисс-арн, несет службу по охране людей в лесу, учит диких животных держаться подальше от поселений.

Вдоль одной из улиц устроили соревнование по стрельбе из арбалетов. Оказывается, дети в школе тоже учились стрелять, фехтовать и летать на планере. В тихом закутке квартального парка — Кин сказал, что парки обязательно будут в каждом районе — стояли стеклянные кубы с местными животными. Лена там нашла и травяного волка: зверюшка походила на сплюсненную с боков мокрицу высотой по колено, с острой лисьей мордочкой, покрытой щетинистыми бородавками. Гадость неопишуемая! А желтенькие воробушки оказались скорее шерстяными мышками: хотя у них были короткие клювики, но крылья кончались лапками...

Поздно ночью Лена привела Стасика в больничную каморку, показать, где она жила и работала. Ну а что? Они были слегка пьяны от шума, еды, танцев, от общей радости. И в конце концов Кин сказал же, что она должна найти пару. Жизнь должна продолжаться.

Глава 11. Контакт

*Вздригнешь и проснёшься на рассвете,
Тени тонкие растаяли в руке.
След пропал. На пальцах лучик светел.
Птичий гомон приведет к реке...
Лунный свет в воде зовет далёко в море,
Растекаясь в бездну, в небосвод.
В космос, в млечный путь. В любви и горе...
Только вспомнить, кто тебя зовёт.*

Стив проснулся и не шевелясь угробил сканом летучих кровососущих насекомых в домике. Истребил и с внешней стороны марлевого полога и несколько насосавшихся, умудрившихся пробраться под полог. Рукодельник-Лирой уже перед второй ночевкой в этом комарином рассаднике сшил тент и завесил на растяжках над кроватью, потому что топиться в местных вонючих репеллентах Стив отказался. Он вообще был не согласен с Принципами Империи использовать местные условия и материалы, забывая о прогрессе. Утешил зуд от укусов — какая-то дрянь тянула его прямо перед пробуждением! Чтобы окончательно проснуться, жестко растёр лицо и уши забинтованными ладонями. Сел и смотал бинты, пока охрана не заметила: не хотелось объяснять, что всесильный экзекутор, оказывается, имеет дефекты и нуждается в таких отвлекающих маневрах для своих слабостей. Забавно, как казалось бы ненужный урок наложения повязок для первой помощи людям, когда у спасателей нет времени лечить сразу, неожиданно поможет спастись от неврозов. Навязчивая боль в руках, иногда не дающая уснуть, становилась тише, если кисть удавалось сжать, сесть на неё или вот — наложить плотную перевязь номер три, захватывая и пальцы.

Но всё равно, проснуться в деревянном домике на берегу горного озера было здорово. Через раскрытую дверь тянуло влажной свежестью. Даже опять пришли стихи, которые не сочинялись уже миллион лет. Короткие дни Сэмлы отщелкивались как на метрономе в тренировочном зале: раз-два-три-четыре... Скоро он тут закончит. Хорошо было играть в пересчёт времени дома: день — это не двадцать стандартных часов, а аж двадцать четыре коротких земных... Хорошо было мечтать, как он увидит родные пейзажи и все вспомнит. Разберется, где его воспоминания, а где чужие... Но жить в ритме Сэмлы было странно и суетливо. Искать эти родные места оказалось некогда, да и он не будет. Если задуматься, то у него все есть в памяти. И нет, он не чувствует себя дома на этой планете. Дом — это там, где привык. Где уютно и тихо, а тут сплошная гонка. Но сегодня он попытается вспомнить. Он обещал не искать место или людей, но поискать в своей памяти он может. Все равно его память всегда с ним, хотя и запертая.

Вместо ночных дежурных, приставленных дознавателем туристического поселка, на микро-веранде уже сидел Лирой. Скрестив ноги и обложившись мотками невесть где и когда раздобытых цветных ниток, гвардеец творил каких-то человечков.

Стив закутался в длинный халат, приготовленный с вечера вместе с одеждой для свободного дня. Сунул ноги в смешные резиновые шлепанцы «подошва с веревочкой», купленные Мэтом в местном ларьке. Кинул скан — Мэт все еще спал в относительно

цивилизированной поселковой гостинице, где оба телохранителя решили поселиться. Хотя соседние хатки, да и любая другая конура в этом месте отдыха, были свободны. Планета активно избавлялась от жителей.

Выбрел на крыльцо и хихикнул: Лироева борода была сплетена в одну косичку и завязана пучком радужных ниток. Наклонился и взял вязаную фигурку.

— Зачем ты это делаешь? — личико человечка было сморщено, но казалось, что он улыбается.

— Утро доброе. Памятные куклы. У меня вся моя родословная так собрана, — Лирой повертел игрушку, оценивая, как пришил голову. — И я даже храню коллекцию одного своего праправнука, так как у него детей не было и некому было передать по прямой линии.

Стив сжал запряганный внутрь куклы проектор и над игрушкой появилась голограмма: улыбающаяся и бормочущая старуха. «Внучатки мои, дети дорогие...» — с ужасом разобрал Стив и выключил. Он понял! Понял механическую запись, не живого человека. Значит, он вспоминает... Его родина где-то тут?!

— Я успел сделать запись. Нажми ещё — и баба Аня постепенно омолодится. И обратно постареет. Думаю, детям понравится. Сегодня в деревне ее вспоминают — отмечают девятый день, последний день перед декадой, когда душа улетает навсегда. Анна Викторовна Покровская. А я подарю её потомкам традицию.

— Когда ты успел перезнакомится с местными? — Стив уронил изображение умершей бабки в корзинку с десятком подобных фигурок.

— Мне здесь нравится, — Лирой встал и убрал корзину в домик, запирая дверь. — Как все успокоится, переведусь сюда.

— А этот их язык, он как далеко распространен?

— По целому континенту... Что, решил выучить?

— Нет, пускай они общий учат, — ещё чего! Он-то тут жить не планирует.

Росная трава намочила халат и длинные полы противно липли к ногам, но приподнимать его как юбку было бы смешно. А одеваться не умывшись тоже нехорошо. Хотелось быстрее дойти в гостиницу к Мэту — там был приличный туалет и душ, не то что этот вонючий уличный, куда и ступить мерзко. Орошать же придорожные кусты по примеру истинных самцов рода человеческого — не хотелось уж совершенно.

Свернул на узкую улочку — по окраине короче путь. Лирой молча брёл сзади.

На этой улице за металлическим рифленным забором жил большой мохнатый пёс, чем-то напоминавший арна в звериной ипостаси. Такой же волчье-серый. В первую встречу, когда собака с бешеным ревом пыталась вырваться сквозь узкую щель между щитами, Стив пожалел бедолагу и создал зверюге радость. И с тех пор собака уже бежала навстечу с любовью. А потом, в один из следующих дней отдыха, хозяин пса начал ругаться с гвардейцами, когда увидел, что собака не лает, а скулит и виляет всем телом от восторга. Стив тогда пожал плечами и начал ходить другой дорогой, но сегодня захотелось искренней звериной радости...

Собаки за забором не было. Поискал сканом — нет.

— Куда делся пес? — спросил Лироя. — Он же злой, напугает еще кого...

— Хозяин его пристрелил после того разговора.

— Он что, идиот? — Стив чуть не выронил сверток со сменной одеждой. — Зачем?

— Сказал, что ты испортил собаку, а ему нужен сторож.

— Да кто позарится на его развалюху?! Он же только мне радовался. И что, разве тут

можно просто так забрать чужое или убить собаку?

— Ну-у, говорят, что воруют. А животное — это же его имущество и человек сам решает что с ним делать.

— Психи...

Настроение сдохло.

Стив ускорил шаг. Сейчас помоемся, поест и уйдет на озеро. В бездну! Подальше от людей.

Мэт открыл дверь умытый и готовый выходить.

В душевой было жарко и парко. Стив в темпе ополоснулся и оделся в комнате. Не терпелось позавтракать — и на озеро!

В столовой шумела и в полные голоса перекликалась стая теток, занятых приготовлением поминальной трапезы.

Столы были сдвинуты в две длинные кишки и на них высились стопки тарелок, лежали какие-то свертки, коробки и банки. У окна — безалаберная и безвкусная коллекция пышных цветов, напиханных в ведра.

На угловом одиноком столике уже дожидался завтрак на троих.

— Я пробовал местный алкоголь, ничего стоящего, — Мэт указал на ящики с прозрачными бутылками у дверей. — Просто дистиллят, но в некоторых районах делают очень достойные вина.

Из-за стойки наблюдала и широко улыбалась дородная бабища.

— Кстати, — Лирой отошел и принёс керамическую мисочку, полную взбитых сливок. — Вот, — поставил ее перед Стивом. — Я сказал, что ты любишь желе со сливками, и Наташа для тебя сделала.

— Спасибо, — сказал Стив, постарался улыбнуться и кивнул. Вряд ли тетка слышала, но тоже кивнула и скрылась на кухне. Погладить её радостью или еще каким приятным чувством с помощью скана Стив не решился — ещё напугается. Однако настроение начало исправляться. Гнусный вкус пересоленных и жирных котлет, пресного овощного пюре и переваренного чая, удалось перебить этим яблочным желе. Которое тоже было не ахти — его немного портили кисловатые сливки. Но идеала не существует.

Уходя, Стив заставил гвардейцев отвлечься, а сам прихватил одну бутылку с прозрачным алкоголем. Взял за горлышко, перехватил как нож «лезвием к предплечью» и прикрыл перекинутым через руку халатом — попробуй объясни сопровождению, зачем ему спиртовой раствор нехорошего вкуса, когда на ажлисс алкоголь не действует.

Лирой ушел вперед — доплетать кукол, а Мэт повернул за Стивом к озеру.

— Останься, — остановил Стив гвардейца. Свидетели ему не нужны. — Я недалеко. Хочу побыть один.

— Дай халат, — протянул руку Мэт. — Отнесу во флаер.

— Нет, я, может, искупаюсь, — Стив, поджимая пальцы в так и норовящих слететь шлёпках, перелез в лодку. Спрятал добычу под лавку и растопырил весла. — Потом, как потеплеет немного. Оттолкни лодку.

Отгрёб подальше и лёг на дно лодки. Вымотал из халата бутылку. Удача: горлышко закрывалось на обычную винтовую крышку, даже нож не понадобится, который, конечно же, остался во флаере. От первого глотка передернуло. Разбавленный спирт, действительно. Мерзость. Но ему надо с чего-то начать, чтобы расслабиться, пустить мысли на самотёк, снять собственные блоки. Прикрыл глаза и заставил тело подчиниться легкой интоксикации.

Озеро. Похожее, но там было другое. Тут вокруг горы, а там были сосны. Джи говорит, что ничего нельзя на самом деле заблокировать. Любой блок — это самообман. Можно стереть память, только уничтожив мозг, тогда тело умрет. Если же уничтожить кусочек, то мозаика, хоть и неполная но останется. Память это не упорядоченный шкаф с полочками, а сложнопереплетенная вязь, беспорядочно рассыпанная по всему мозгу и многократно дублированная. Вряд ли Джи стал калечить его мозг — можно было нечаянно повредить экзекюторские задатки.

Он пытался вспомнить, одновременно боясь и не желая. Периодически мучал себя ассоциативными играми, складывая так и эдак обломки детских воспоминаний. Отдергиваясь от выплывающих картин, стараясь наоборот не думать и забыть... Забыть навсегда.

Самая дрянь — в памяти было слишком много... Памяти. Где чужое и где свое? И без конца вылезала всякое лишнее: то Гайдера с ненавистным регентом Крисом, то маленькие арнята, которые сейчас уже имели своих детей. Бедный неприкаянный Ристел — у него даже детей не будет... Стив проглотил и отправил работать еще одну порцию яда.

И тут его кольнуло чье-то напряженное внимание. Какой-то абориген прицеливался ему в голову с другого берега. Выбирал: лоб или горло? Это было смешно.

— Хей! — Стив встал в верткой лодчонке и закричал, раскинул руки. — Давай! А потом я тоже убью тебя!

Переступил, качнулся и удар в грудь выбросил его в холодную воду.

Елизавета! Его в детстве звали Елизавета!

Успел зацепиться рукой за борт. Левое плечо разорвало, рука моталась на лоскутах плоти... Захихикал: отпустить лодку, пойти ко дну? Но именно сейчас стало интересно жить...

— Ты стрелка держишь?

Лирой, стоя на планере, завис прямо у лица. Выдернул из воды, занес во флаер, уложил на кресло. Жаль. Так было бы хорошо лежать на руках, положив голову на надёжное плечо, уткнувшись в теплую шею...

Лирой привязал бесчувственную руку плотно к телу в физиологичном положении — разорванную плоть к плоти, локоть согнут, кисть ладонью на живот. Кратер в груди затянулся свернувшейся кровью и пульсировал. Мелочь такая, даже в малую смерть уходить не обязательно, вот так бы уснуть...

— Слышишь? Мы примерно заметили, откуда стреляли, поймай его! — Лирой накрыл рану своими руками, помогая затянуть дыру, и упорно толкался звуком и мыслью, показывая картинку другого берега.

Стив сразу поймал сигнал стрелявшего. Тот был далеко, но Стив его запомнил. Не хотелось вести стрелка, летая в черном концентрате боли. Но он его запомнил и, укачиваемый подаренной болью, летел за стрелком тонкой паутинкой контакта.

Кровь перестала течь, большие сосуды затянулись. Рана начала заживать, можно было усиливать еле видимое и редкое сердцебиение, но еще нельзя было активно шевелиться.

— Стив, где стрелок? — Мэт коснулся здоровой руки, чтобы увидеть то, что видел Стив.

И они полетели за убегающим стрелком по тонкой нити контакта, которую держал Стив.

Сразу после коллапса было нежелательно двигаться — активно нарастающая новая ткань в заживляющих мембранах, образовавшихся из вытекшей крови и покрывающей рану,

все еще тонка и слаба. Все могло снова лопнуть при движении. Он, лаская свою боль, дышал редко и мелко. Но ментально ему ничего не мешало. Боль, колючим клубком перекатывающаяся в теле, даже помогала чувствовать острее.

Стрелок уже удрал со своей огневой точки и удалялся на мотоцикле по склону горы. Флаер по широкой дуге приближался к берегу и Стив показал цель Мэту. Тень от флаера накрыла мотоциклиста. Стив овладел сознанием стрелка, заставил остановиться. Лирой посадил флаера ломая деревца перед неудавшимся убийцей. Стрелок стоял, упершись ногами и вцепившись в свой мотоцикл, казалось он выломает руль. Стив мстительно запустил ментальные щупальца и пробежался по телу стрелка, продолжая держать его неподвижным. Тот был как сжатая до предела пружина, еще немного, еще чуть-чуть и хрустнет спуск и пружина с острым воем распрямится, разбивая собой неподвижность окружившего мира. Стив просмотрел бушевавшую эмоциональную бурю в пойманном сознании. От него он возьмет немного крови, немного энергии. Восстановить свои силы из несостоявшегося убийцы показалось ему правильным. И плевать, что он в зоне восприятия обоих ажлисс, пускай посмотрят и получают немного радости — ему надо быстрее вылечится.

Мэт вышел и надел ошейник на окаменевшего террориста.

«Покажи мне его», — попросил Стив и приотпустил свое влияние. Пленник как-то нелепо и совершенно некоординованно подскочил, как будто пытаюсь взлететь, всплеснул руками и упал. Мотоцикл, потеряв опору, с лязгом и грохотом свалился следом.

Мэт что-то сказал, явно давая вербальный приказ слушаться и не бегать. Теперь само сознание пленника будет его собственным тюремщиком. Ошейник сразу вразумит контролируемого человека при любом нарушении правил. Стрелок попытался встать, но, видимо, задумал какую-то новую акцию сопротивления, потому что снова свалился, вцепился в ошейник, стимулируя его причинять еще большую боль.

«Мэт, кончай с ним играть!» — начал злиться Стив.

Мэт беспрекословно поднял человека за грудки, встряхнул и поволол, снова что-то объясняя. Пленник боялся и мысли его метались как разбуженная взрывом стая птиц, но он был более зол и недоумевал, чем испуган. «Не стая птиц, а скорее косяк маленьких злых акул», — хихикнул про себя Стив, соотнося пропорцию страха и негодования.

Лирой развернул кресло и Стив увидел добычу глазами. Конечно, он был ниже и меньше громилы гвардейца. Но в целом стандартный самец рода человеческого в местной военной форме. Небритое, слегка ассиметричное лицо с глубоко посаженными глазами и словно отекившим носом. Какой-то в целом замурзанный. Пыльный? Голодный? Пленник продолжал воевать с ошейником и щерился от болевых разрядов. Темные глаза полыхали также остро, как и его ментальный сигнал, уколотивший Стива перед выстрелом, но теперь там прорезалось любопытство. И он перестал дергаться. Заметил кровавую яму на теле Стива и приклеился туда взглядом. И даже не среагировал, пока Мэт проверял его карманы.

И чего так пялиться? Не особо чего и видно, просто кто-то — и мы все знаем кто! — зачерпнул большой ложкой кусок, а потом туда натекла кровь и застыла желеобразной массой.

Стрелок что-то тихо сказал. Мэт дал ему подзатыльник и весело перевел:

— Он назвал тебя плохо умершим трупом!

Стив поднял брови, а что, он прав! Они тут все ожившие трупы. И продолжал тихо бродить по сознанию стрелка. Нет, стрелок не особо боится и, если его сейчас отпустить, то он снова попытается убивать.

«Мэт,пусти его, я из него выпью! Пусть исправляет, что натворил».

Стив чувствовал легкое возбуждение, провоцируемое яростными попытками восстания пленника. Взял управление стрелком на себя. Осторожно и медленно подвел его к себе, поставил на колени и любовным жестом взял свою голову в чужие руки, слегка приподнял ее, в то же время склоняя пленника к себе ближе, смотря в его глаза, обживаясь в его теле. Глаза оказались темно-карие, насыщенного теплого оттенка. Внутри, невидимое за этими глазами, в крепком кулаке внедрившегося экзекутора, горело бешенство и уже спровоцированное Стивом вожделение. Стив обнял его фантомом, прошелся по напряженному телу. Играть, так играть! Добавил желаний, усиливая его, по-хозяйски ощупывая плененное тело фантомами ощущений. Глаза стрелка затуманились, он сломался, потом расслабился, поддаваясь несокрушимо давлению и Стив наклонил его ближе, целуя и насилуя мыслью. Потом подвинул стрелка выше и, выпустив из-под языка жало, вонзился в основание шеи, в ямку между ключицами, отыскивая вену, аккуратно проникая в нее, пробуя, всасывая, воспринимая и резонируя, усиливая и доводя до восторженного всплеска. Выпивая кровь, силу и делясь наслаждением.

Оставаясь в контакте, вынул жало. Лизнул, залечивая сканом ранку в жиле, оставил дырку в коже. Кожа заживет и сама. Пусть побудет как его маленький ответ за выстрел. Маленькая метка.

Отпустил.

— Ну ведь можешь, когда хочешь! — счастливо заметил Мэт, подбирая и закидывая в багажник дезориентированного стрелка. — Только почему тебя сначала убить надо?

Стив не ответил. Излишне подскочившее давление из-за встряхнувших его эмоций все-таки прорвало еще такие хрупкие новые сосуды. Только-только утихавшая боль разгорелась снова, закрывая свежие трещины, проращивая нежные ткани нервными волокнами. Но это не считается. Наверное, не надо было играть в любовь, но ему было хорошо. Даже не взирая на эту разруху в организме.

Мэт вкатил в багажник мотоцикл, попросил Лироя взять управление, и они взлетели.

Стив переместил мысли в багажник. Его убийца сидел у стены, засунув руки в карманы ветровки и судорожно натягивая ее на мокрое пятно на штанах. Стрелок был сам как подстрелен. Погружен с себя, задумчив. Стив из чистого хулиганства коснулся фантомом его груди и погладил, спускаясь ниже. Стрелок шарахнулся, беспорядочно дергаясь и не понимая, как отбиваться от невидимого ощупывания.

— Подтверди приказ, — Мэт протянул комм. — Регент.

«Уже донёс?!» — Стив метнул мысль в гвардейца и взял свой комм здоровой рукой.

— Насколько большие у тебя повреждения? — голос Сейо был бесцветен.

— Разбит плечевой сустав с повреждением окружающих тканей, ажлисс регент.

— Немедленно возвращайся на базу, ляжешь в инкубатор.

— Ажлисс Сейо, это мелочь — к вечеру все будет в порядке. Я рад, что могу с вами поговорить. В соответствии с разрешением Императора я забираю этого человека. И хочу воспользоваться инкубатором и для него. Нужен всего час чтобы он выучил всеобщий язык.

— У тебя разрешение увезти с собой одного человека, а не водить на базу преступников. Инкубатор используется для преступников только в случае множественной казни. Но здоровье и обучение курируемых нарушителей полностью на кураторе. К тому же инкубаторы и без того перегружены. Предоставишь нарушителя для допроса, но на базу привозить его нельзя, — и регент отключился.

— Ажлисс Сейо... Мэт, ну какого... ты донес? — Стив демонстративно отбросил коммуникатор в угол. — Лирой, погоди лететь на базу, сначала вернем лодку.

— Ажлисс экзекутор, я отвечаю за вашу безопасность и должен все сообщать регенту, — Мэт невозмутимо подобрал комм и перебросил его на панель флаера. — Сейо всё равно бы узнал и лучше сказать ему сразу.

Светя раной в ореоле залитой кровью и мокрой одежды — а наплевать, инкубатор всё починит — Стив продефилировал в медицинский отсек базы Аси. Рука всё еще не слушалась. Мэт, используя «невротические» бинты, умело подвязал ее, завесив повязку на шею. Вот и пригодились бинты по прямому назначению. Теперь не придется выдумывать, зачем он их таскает с собой. Он просто предусмотрительный, да!

Выйдя из инкубатора, Стив связался с дознавателем Эарг, которой они отдали пленника. Та заверила, что личный пленник ажлисс экзекутора сообщников не имел, сейчас надежно заперт в камере, и Стив сможет забрать его когда будет угодно. Запись допроса и отчет можно посмотреть в инфо-системе.

Стрелка хотелось забрать к себе, но не хотелось ругаться с Сейо. И вообще, сейчас еще не время. Повесить на Мэта с Лироем еще одну обязанность, следить за человеком? Да и как пленника таскать с собой? Посадить бы на поводок и водить на веревочке? Привязывать к трубам отопления в случайных комнатах, где они спали между заданиями? Разговаривать через переводчика? Это исключает искреннее понимание. Пусть лучше подождет, запертый в изоляторе, спрятанный как в подарочной коробке на дальней полке.

И опять он забыл спросить, как зовут его новую игрушку. А в инфосистему не полезет — имя гораздо приятнее спрашивать лично.

Глава 12. Изолятор

— Ты мостик между властью и народом.

— Ага, и теперь с обеих сторон по мне ходят ногами...

(цитата из разговора Крошки с Генри)

Сергей сидел в камере. Казалось, его накачали наркотой, и он никак не очухается. Это вообще не он. На самом деле он спит. Сергей снова укусил себя за костяшку пальца — чувствует! Но и во сне он всегда всё чувствует... Говорили, тюрем у них нет. Хотя это вполне отечественная тюрьма в городе Бийске. Ему сказали. Ему много чего сказали, но самое жуткое — что он сам всё сказал. Рассказал, выболтал. Хотя вроде и не произнёс ни единого слова. Он даже рот не раскрывал. Но эти скоты — телепаты. Реальные инопланетные телепаты. Им не нужны дурацкие сыворотки правды и нечеловеческие пытки. Они не люди. Подержали за руку, заглянули в глаза, вежливо спросили, поблагодарили. А он, дурак, готовился к допросам. Приготовился один такой, генерал Карбышев. А сам тупо не может разобраться даже с ошейником.

Сергей чуть не застонал и привалился к стенке. Во всей тюрьме он один. Где люди? Скольких они уничтожили и как? Куда всех увозят? Зачем? Зачем им полупустая планета? Сколько их еще приедет? Строек особых не было, наоборот, разбирали небоскребы... А что, если это вообще не люди? Скорее всего это вообще не люди. Только идиот может поверить, что первые же инопланетяне будут людьми. Сергей встал, подошел к двери: окошко было постоянно открыто, заслонка срезана, но отверстие слишком мало, чтобы высунуть голову. Снова крикнул в безжизненную тишину:

— Эй, есть тут кто ещё?

Молчание. Звуков никаких, только три раза в день приносят еду.

Когда его вели сюда, то миновали множество пустых камер. Засунули в самую глубь. Прячут. От кого? Никакого сопротивления он не заметил, хотя и проехал полматерика по деревням и весям. Люди были довольны. Овцы тупые... Цены упали. Политики исчезли. Квартплату не просят, а жильё улучшают. Инвалидов и больных лечат. Зачем?

Охранник брякнул, что бессмертие ему обеспечено. Убьют и снова оживят. Покажут на его примере, что бывает с теми, кто пытается стрелять в ажлисс. Поблагодарил, что из-за него одного в тюрьме есть работа для пятерых, а то он собирался на пенсию уходить, модельки строить. Теперь тут их строит. Жаловался, шакал, что пришлось ему оборудование в тюрьму перетаскивать, чтобы с одним заключённым со скуки не сдохнуть.

А он ничего не мог сделать. Совсем ничего. Укусить себя и то толком не мог: челюсти просто не сжимались, хотя еду пережевывали — никаких проблем. Себе даже волосы не выдерешь. Один волосок — пожалуйста, но как только чуть становится больше, то мышцы перестают слушаться, как будто залипают в клее. Ему даже складной нож оставили. С ума сойти. Первое время так и сидел с ножом в руке, даже спал с ножом. Попытался на нож лечь, упасть... Сесть даже попытался — но его как трамвайчик на веревочке в последний момент отдергивало в сторону. Нож в руке — можно, но как только захочешь навредить себе или охраннику, включался ошейник, и он уже не владел собой. А в детстве мама не могла заставить его съесть вареные овощи в супе. Такой бы ошейник всем родителям... Что он

говорит! Сергей, сидя на лежаке, закрыл лицо руками и методично закачался вперед-назад, вперед-назад. Приучая, отвлекая... Но как только захотел кувырнуться вниз головой, то дернулся вбок, упал на нары и захрипел, сдерживая рыдания. Каждая мышца болела от постоянного напряжения. Тело было чужое. Непослушное. Техники медитации вроде бы работали нормально: он привычно входил в ритм, но не мог полностью расслабиться. Злился и срывался.

Он же должен был убить этого мальчишку! Разворотил тому грудь, аж руку оторвало. Сам видел — висела на шматке кожи. Рёбра торчали, большие сосуды к фигам... Целился в глотку, чтоб башку ему оторвало. Мальчишка вильнул, как знал. Но и такая рана смертельна для любого человека. Кусок тела вырвало! С такой травмой не живут. Там же кровящи вытекло три ведра. Судя по одежде, вполне себе и вытекло. Фонтаном должно было хлестать. Они ему даже повязку не наложили. Пацан совсем белый был. Аж прозрачный! А этот Мэт только рубашку содрал, словно мальчишка кукла бесчувственная. Хоть бы оторванную руку льдом обложил! Так бинтиками обмотал и на шею мальчишке повесил. Как запчасть для робота. Словно издевался.

Он все из заднего отсека видел.

Раны такие и раньше видел.

Такой медпомощи отродясь не видел.

Дрожащее клюквенное желе вместо рваной дыры в теле никогда не видел.

Сергей зажмурился и вжался в стену, желая провалиться, размазаться по бетону.

Рывком сел. Сжал изо всех сил нары, чтобы металлический край впился в пальцы, чтобы не думать, не вспоминать, как этот мальчишка поиздевался над ним. Мразь иноземная. Внушил, убедил, что изнасиловал! Гипнозом изнасиловал... Физически. Излапал, при этом... Заставил трогать себя. Целовать!

Да если бы кто раньше сказал... Только намекнул! Он избил бы эту тварь до полусмерти. Телепаты сволочные. Зачем?! Уроды. Они не люди. Упыри. Если этого мальчишку порвать, там и кишок небось нет, ничего нет. Биоробот хренов. Только кости и кровавое желе. Он сосал его кровь! Он...

Сергей вскочил и заметался от стены к двери... Пробежаться тут негде! Застонал и упал на постель, обхватив себя руками, утыкаясь лицом в плоскую подушку. Как люди умудряются удавиться языком? Счастливицы, они владеют своим телом...

Если он отсюда выберется, если он исполнит свою детскую мечту и заведет наконец собаку, то никогда, никогда в жизни не наденет на собаку ошейник.

Как их убить?

«Спасибо, вы можете не отвечать вслух, я вижу ваши мысли. Почему вы стреляли в эскутора? Нет, он не убивал ваших родных. Вы нашли вашу мать мертвой и не нашли сестру? У эскутора или, хорошо, у глашатая не было приказа никого убивать. Да, так получилось, он убил нескольких безнадежно больных, это случайность, мне очень жаль, что там оказалась ваша мать. Как вы нашли Глашатая? Нет, зачем вас пытаться, это не нужно. Эскутора нельзя убить. Фотка голый задницы в интернете? Гугль помог... Полное имя Гугля и адрес? Спасибо, я свяжусь с его дознавателем. Да, конечно, мы учтем, что он не хотел, но его дознаватель сам решит, надо ли Витьку наказывать и как. Не волнуйтесь, ущерб, причинённый вами, курирует эскутор. Он — ваш куратор и поэтому ваше преступление не будет решаться дознавателями. Публичной казни не будет. Не бойтесь, скорее всего эскутор вас будет перевоспитывать. Вы перешли под его ответственность.

Можете называть его глашатаем, он голос и рука Императора. Мы все принадлежим Императору — нашему живому Богу. Я совершенно серьезно, со временем вы привыкнете и поймете, что ажлисс не врут и не могут врать. Это не имеет смысла, мы же читаем мысли друг друга и ваши тоже. Мотоцикл у вас не зарегистрирован. Ах так, конечно, мы вернем мотоцикл хозяину. Вы зря не получали комм, сейчас бы не пришлось вас расспрашивать, все было бы в системе. Хозяин мотоцикла знал, зачем вам транспорт? Не думаю, что он вам верил. Императора нельзя убить».

Хотя он молчал, но сам рассказал всё. И ему всё рассказали. Только он так и не узнал, кто это скоты на самом деле. Зачем прилетели? И как их убить, к чертовой матери?

Сергей зарычал и бросился на пол. Ага, так можно! Упал — отжался! Качаться и считать. Надо успокоится. Не делать резких движений. Застыть, залечь на дно. Подумать, подождать, момент придёт...

* * *

Экспансия и передача власти на планетке прошла практически без больших боев и со стороны Империи было полтора раненых тела, не считая эту глупость, случившуюся на озере. Около сотни ажлисс погибло при взрывах военных объектов и во время молниеносных сражений, куда не успел экзекутор. Раненые вылечились, убитые тоже очень быстро вернулись в строй.

Излишне строптивых землян переловили и выслали широким фронтом строить новую счастливую жизнь вместе с такими же излишне активными бойцами не успевшего развиться сопротивления.

Ажлисс регент Сейю работал быстро и с хорошей материальной частью за плечами. Он уже имел сеть активированных инкубаторов по всей планете, и единая информационная система расплзалась и ширилась безостановочно. Инкубаторы работали круглосуточно: человеческая популяция была еще дикой и можно было сколько угодно удивляться, насколько люди не заботились о своем единственном и так короткоживущем теле и насколько все стремились вылечиться. Подавляющую часть проблем со здоровьем люди творили абсолютно самостоятельно, но пропуск к инкубатору выдавал только местный дознаватель. Люди жаждали пропуск. Все сразу и немедленно. Пропуск работал на основе биополя, которое люди в большинстве своем не видят. Главное, чтоб не научились подделывать. Не с этим архаическим уровнем техники и знаний. Но даже подделка им не поможет, так как любой человек был непрерывным источником уникального собственного сигнала. В планах Империи никогда не было стремления оздоровить всю популяцию. Необходимо было только слегка взбодрить работоспособное и плодное ядро популяции, потом дать им возможность работать на развитие и усиление цивилизации, запустить на планете общеимперскую систему информации, и все побежит почти само. Неприспособившиеся к системе люди отомрут или будут работать принудительно.

Империи была чужда политика всеобщей любви и всеобщего блага. Несмотря на провозглашаемые и устанавливаемые законы всеобщего равенства и умеренности, на самом деле всеобщее равенство не подразумевалось.

В течение следующих декад Стив был занят дочисткой и отправкой все более редких партий невольных колонизаторов. Свободные дни снова отменили, так как кончилась гонка

— работы становилось все меньше. Бывали дни, когда он освобождался уже в полдень. И все чаще Стив ловил себя на странном чувстве ожидания. Давно он не работал в таком постоянном сосредоточении и изоляции от развлечений. Оторванный от Императора и любой другой эмоциональной подпитки. Нет, к Джи не хотелось. Но рядом не было даже Генри, на котором можно было отыгаться или просто обнять и использовать вместо подушки. Стив прислушивался к зреющему томлению. Может, нужно навестить питомца и поиграть? Расслабиться. Нет, игры лучше отложить до того времени, когда у него со стрелком будет полное взаимопонимание. Но он может узнать, как зовут его подарок.

— Мэт, поворачивай к Бийску, я хочу навестить стрелка.

Ответственный гвардеец ненадолго задумался и Стив злорадно приготовился устроить разнос: с чего бы какой-то конвойный будет высказывать свое мнение? Кто он тут в конце концов: экзекутор или мальчик на побегушках, которому надо спрашивать разрешения у регента, чтобы навестить свою собственность?

Мэт продумал возможные сценарии и направил флаер к городу.

Странное положение экзекутора в иерархии приносило с собой загадочные проблемы. С одной стороны, он может кого угодно заставить делать что угодно, но с другой стороны не может никем управлять без высочайшего приказа. С одной стороны, его конвойные прикреплены к нему для его собственной охраны и удобства, а с другой, следят за ним, чтобы он не бегал, где не разрешили. Такое добровольно-принудительное, почти дружеское сотрудничество.

Флаер сел во дворик, к ним выбежал упитанный охранник и что-то сказал.

Стив посмотрел на Мэта.

Но встал Лирой:

— Я пойду с тобой. Теперь моя очередь работать переводчиком!

Стив прошел за Лироем по пустому, без единой зеленой травинки, бетонному двору внутрь изолятора. Пахло пылью и сыростью. Шаги шуршали и отзывались мертвым эхом. Было странно. Встрепенулось ожидание. Встречи со своим партнером? Приятелем? И как это назвать? Не подопечным же, в самом деле. Угу, домашним животным. Убийцей! Стив развеселился. И вот как ему налаживать отношения, не умея говорить со своим человеком на одном языке? Ничего, скоро домой. А там придумает, как его называть.

Тюрьма была пуста. Всех, способных приспособиться отослали на колонизацию или выпустили под чье-нибудь руководство в ошейнике. Неспособных или больных без громкого шума и рекламы утилизировали. С этой стороной жизни Империи новые жители познакомятся позже. Людей отвезли, переселили, они исчезли, как и многие, многие другие. Приучать к новому надо постепенно.

— Лирой, спроси у сторожа, как зовут моего человека?

Сторож с энтузиазмом выдал длинную тираду, азартно жестикулируя ключами в интервалах между открыванием и закрыванием дверей.

— И это все его имя, да? — буркнул Стив.

— Нет конечно, — Лирой еще что-то уточнил и добавил: — Твоего подопечного зовут Сергей Исаевич Калинин. Он очень беспокойный, грубит сторожу и плохо ест.

— Они что, никогда не работали в изоляторах? Чем его заняли? Мог бы дворик озеленять — там же с ума свихнешься от серости.

— Тут изоляторы были организованы по-другому. А твой Сергей Исаевич Калинин не внесен в систему, на него правила не распространяются. После допроса его привезли сюда и

заперли. Ты его куратор.

— То есть не было человека, и нет? — Стив даже остановился. — По-вашему, я его беру, чтобы незаметно убить в собственное удовольствие?

— Ну-у-у, — замялся Лирой. — По закону его надо казнить, но... Тебе виднее, раз ты оформил кураторство. Ты же не сказал, чтобы его внесли в систему.

— Ясно, — сбился Стив с негодующей волны. Не будет он разговаривать про жизнь и объяснять свои проблемы Лирою и этому зыркающему с любопытством сторожу! Думаете, что экзекутор кровожаден и мстителен? Вот и думайте дальше.

Наверное, он сократит имя и будет звать стрелка Сер или Кал. Хотя Ис было бы красиво, но это же имя по отцу....

Стив легонечко и совсем недалеко сканировал. Очередная дверь и вот — встрепенувшееся сознание стрелка, услышавшего визитёров.

Заросшее и изможденное лицо пленника виднелось в окошке карцера. Пахло неисправной канализацией, нестиранной одеждой. Потом, страхом и злостью. Стрелок что-то сказал. В его голове крутились разные способы убивания Стива.

— Он думает, ты пришел казнить его, — перевел Лирой.

— Далась вам эта казнь. Лирой, скажи ему, что я его убивать не буду, пусть не боится, — и навел на пленника умиротворение и спокойствие, заодно проверяя его состояние.

Стрелок выглядел изможденным и потасканным. Он был в той же самой зелено-пятнистой военной форме, в которой его поймали. Одежда носила следы весьма неуспешной стирки. В карцере из средств гигиены обнаружился только образец их дикой технологии — рулон туалетной бумаги.

— Его что, даже не мыли? — возмутился Стив. — И могли бы дать чистую одежду.

Лирой снисходительно хмыкнул и после краткого разговора с охранником пояснил:

— Он сидит так, как его привезли. Приказ был запретить, кормить и не трогать!

— Не надо его трогать, я сам всё потрогаю. Скажи этому тупице, что я отведу стрелка вымыться и пусть принесут чистую одежду! И постель перестелят. Каждый день чтоб перестилали. Боже мой, и гигиенический набор принесут и все остальное. Это же изолятор или что? Тут должны быть запасы, склад... Пусть у Эарг возьмут. Или мне идти самому искать? Ну? Вперед! Скажи этому надорвавшемуся работой сторожу показать, где можно помыться.

Сторож занервничал: экзекутор сердится! Шустро отпер камеру и потрусил по коридору, оглядываясь и торопливо покрикивая в комм.

— Они думают, что ты его чистым хочешь укокошить, — Лирой отступил: Стив вывел стрелка.

— Я хочу их укокошить! Вода есть, а чем мыться нет. Душа тоже нет — одна маленькая раковина. Чем они думали?

По пустым, но пыльным коридорам — эти лентяи даже свое рабочее место не мыли, что уж говорить об узнике! — они добрались в большую комнату, всю заставленную рядами маленьких узких шкафчиков. В дальнем углу был проход в общую душевую, а сбоку туалетные кабинки.

Следом прискакало еще два сторожа. Один всё ещё заправлял на ходу рубашку, прикрывая толстое пузо. Второй принёс объемный пакет с полотенцем, одеждой и какими-то мелкими вещами и бутылками. Для мытья? Бритья? Стив не углублялся, отобрал пакет и

рявкнул:

— Вышли вон! И чтоб никто сюда не лез, пока не позову.

Дождался, когда Лирой сел снаружи на пол, прислонившись к закрытой двери.

Залил сознание стрелка покоем и полусонной дремой. Он хочет удержать его. Не напугать. Конечно, стрелок помоеется сам, не маленький. Но раз инкубатор не разрешили, придётся пользоваться полевыми методами. Заставил человека раздеться. Одновременно разделся сам. Подошел вплотную. Невесомо приложил обе ладони к безвольно повисшим рукам стрелка. Воздушно касаясь, провел по равнодушным пальцам вверх, сканируя и самым краешком понимая, ощущая и впитывая тепло и форму, но сосредоточившись только на содержании. Поднялся до плеч, ладони встретились на шее, поднялись выше...

Всего-навсего проверит здоровье, а вдруг ему нужна помощь? Жизнь человеческая так ненадежна. Все время что-то ломается. Оставит его и бац! Что-нибудь лопнет. От нервов. Его же кормят, а он похудел и напряжен. Прямо взбесился, как увидел эскутера.

Взял двумя ладонями голову, как бокал и не выдержал. Открыл глаза и поймал отсутствующий взгляд цвета темного гранита. Ничего в ответ. Никого нет дома. Хозяин пойман и спрятан. Он подождет и привыкнет. Они оба привыкнут. У них нет иной возможности, как привыкнуть.

Снова закрыл глаза и продолжил сканирование от груди вниз. Что нам досталось? Зубы надо новые. Язвы в кишках. Старые переломы ребер, ломанные пальцы, вообще многовато следов травм на костях конечностей. Отсутствуют оба мизинца на ногах. Легкие не в самой лучшей форме — надо бы обновить и нарастить забитые глухие места... Курил он, что ли? Или просто никогда не имел их в порядке? Но если сейчас лечить легкие, человек будет тонуть в отходах, кашлять. Он зависнет тут на полдня, это слишком долго. Это подождет. Подышит пока тем, что есть. Работующих частей еще достаточно. Обновит и настроит это тело дома — благо у эскутера в тренажерном зале есть собственный инкубатор. Тут же сделает только самое необходимое.

В целом для человека неплохо, подумал Стив, завершая сканирование у самого пола и вставая. Надо вылечить язву. Она могла бы сделать этот нехороший бац! Подложить ему дохлую свинью вместо игрушки.

Уложил полуспящего стрелка на пол в душе, включил морозящую воду. Сосредоточился на язве, принуждая ткани расти, регенерировать, отторгать нехорошие куски внутрь просвета кишечника, затягивать угрожающее место здоровыми, растущими под его стимуляцией клетками. Прорасти сосуда и нервами... Это было больно для человека, если бы Стив не держал его в неведении. Прогнал отходы к выходу из кишечника и решил, что сможет сделать еще одно улучшение. Они вытираются бумагой, фу!

Включил воду сильнее. Повернул человека на бок, подогнул ему колени и аккуратно ввел в анус средний палец. Начал изменять строение прямой кишки и ануса, помогая другой рукой снаружи. Создал в толще прямой кишки сеть желез, врастил их в организм, заплел с нервами и сосудами. Теперь у человека будет вырабатываться слизистый кокон для экскрементов, как у всех ажлисс. И эта мерзостная бумага никому не будет нужна.

Отвел человека в туалет, слегка ослабил управление, чтобы человек понимал, что происходит. Заставил опорожниться. Провел пальцем по анусу, собрал немного чистой слизи, оставшейся там. Показал человеку: вот, никакой грязи нигде! Придавил чуть было не подскочившего от негодования оскорбленного человека. Спокойно его поднял, смыл отходы и вернулся вместе со стрелком в душ.

Вымыл руки и ушел за шкафы, оставив перед человеком пакет с вещами. Убрал скан.

Человек сразу заорал, упал. Угу, забыл про ошейник... Встал, швырнул пакет. Потом на секунду заткнулся, покопался в пакете и начал остервенело отмываться. При этом тщательно выговаривал ругательства, выдумывая, как возьмет лавку, убьет Стива, разметелит об стену.

Стив усмехнулся, покопался в шкафчиках, нашел чье-то полотенце, вытерся и оделся. Устроился на дальней лавке и незаметно присутствовал в сознании стрелка. Не пытаюсь им управлять — зачем висеть над душой и зря пугать? А только ощущал и впитывал. Совсем незаметно играл. Невидимыми и неслышными касаниями тёк по телу Сера вместе со струями воды, оведал его незаметными дуновениями прохладного воздуха. Знакомился. Узнавал тело. С душой познакомится потом. Когда будет дома. Не здесь. В этой пахнущей дезинфекцией душевой. С никому не принадлежащими безликими вещами. С любопытными свидетелями за стеной.

Стрелок побрился, домылся.

Стив, уже изнемогая от скуки, заставил стрелка одеться и повел обратно в карцер. За Лироем пристроились трое сторожей. Дождались бездельники и шли гуськом, как детки за широченной мамашей.

— Лирой, переведи им, чтобы проектор ему принесли, фильмы организовали, игрушки какие-нибудь. Он же свихнется от безделья. И да, скажи ему, что я вылечил ему язву и создал слизистые железы в заднице, как у ажлисс. Бумага ему больше не нужна. Казнить его никто не будет, а я его потом заберу.

Пока Лирой переводил, один из сторожей что-то вякнул и Сер плавно протянул руку, схватил сторожа за нос и выкрутил. Сразу же сам упал, вцепившись в ошейник. Сторож завыл и попытался пнуть упавшего человека, держась обеими руками за нос.

— Лирой! Ты что, не можешь нормально объяснить? — Стив развернулся, швыряя сканом всех троих охранцев изолятора в стену, втыкая им фантом в задницы. Именно то, что крутилось в голове у Сера, который встал, глядя бешеными глазами и не торопясь произнес довольно длинную фразу. Кровавые образы в его голове поменялись на забавные картинки спаривающихся животных и людей.

Сторожа поднимались поскуливая.

— Скажи им, что он мой, а они не имеют права его трогать. Ни словесно, ни физически. И перенастрой его ошейник точно так же. Чтобы он тоже не мог пакостить, ни словесно, ни физически.

Заведя подопечного в карцер, Стив добавил:

— Скажи им: пусть стирают и вернут его одежду, которая осталась в душе. Делать им нечего, так пусть водят его мыться. Скажи, что экзекутор недоволен. Мне он нужен здоровый и нормальный. Ясно? Все, пошли отсюда, — Стив кивнул сам себе и ушел.

Ушёл, унося с собой ощущение тела Сера под своими пальцами, в своих ладонях. Сильного и в то же время поддающегося на его касания. Но не сейчас. Это тело пока не его. Он уносил отражение будущего, маленький кусочек ласки, которую придумал себе сам и которую снова и снова проигрывал в глубине памяти. Его внутренний маятник, летающий между тремя его обычными состояниями: взрывом эмоционального тайфуна при встречах с Джи, беспросветной депрессией в разлуке без Джи или почти наркотической бесчувственностью во время работы и наполнения чужими чувствами, теперь сменился на совершенно незнакомые вибрации в ожидании чего-то еще не совсем понятного, но решительно светлого и должно быть приятного. Возможно, у него будет свой собственный

источник радости и покоя. Теперь ему было что ждать, о чем мечтать...

Глава 13. Геарджойя. Первый разговор

— Вставай, боец! Прощай, боец, — на подушку рядом с лицом экзекутора упал коммуникатор. — Лети, боец, домой! Экспансия окончена. Я ухожу, меня тут подбросят...

Мэт махнул рукой, затворил дверь и словно кварг копытами прогрохотал по лестнице на первый этаж.

Они ночевали у дознавателя, где-то в душных джунглях Южной Америки. Дом «колониального типа», но, по-мнению Стива, все большие дома в небольших городках этой части планеты были этого типа.

На улице Мэт выдернул свой дорожный ящик из флаера и усвистал рысью по пыльной улице.

Стив сел и снова лег, подсунув подушку повыше под голову.

Какие-то энтузиасты решили уйти в дремучие леса и непролазные болота и оттуда организовать смешное революционное движение. Найти полторы сотни ярких человеческих аур на фоне слабого свечения зверей и тусклого отблеска растений — пара пустяков. Сложнее было затащить каждого индивидуально на планере в грузовик, зависший над кронами: сажать тяжеленные флаеры в лес, ломая деревья, рискуя жизнями беженцев, дознаватель запретил. Психи же и своих женщин с детьми в дебри угнали.

Стив вздохнул и открыл комм, читая одним глазом пришедшие приказы и втыкая пальцем подтверждение.

Джи был так внимателен, что прислал личную записку: Крошка возвращается на Императорскую базу на планете Джи, материк Геарджойя, где использует полагающийся двухдекадный отпуск, и тем самым отстраняется от церемонии Благословения Сэмлы. Сопроводять Императора будет другой экзекутор. Стив насторожился: и что это опять значит? С одной стороны, его человек, его подарок, конечно, требует внимания для удачной адаптации. Долгое сидение взаперти еще никому не принесло пользы. Но в целом это выглядело как домашний арест, а никаких пояснений от Джи как всегда не было.

Сейо тоже прислал подтверждение, что работа закончена.

— Ну? — в комнату заглянул чуть ли не танцующий Лирой. — Чего ты еще лежишь? Завтрак стынет. Мэт уже улетел, я бы тоже поторопился подальше от местных пауков, змей и крокодилов.

— Можно подумать, ты боишься крокодилов, — буркнул Стив и погнал себя на утренние процедуры. Заглотил завтрак и погрузился во флаер на пассажирское сиденье. Поморщился: не хотелось никуда лететь. Не хотелось даже шевелиться. Вот и всё. Улетает. Обещал не искать — и не искал. Пытался вспомнить — получил разрывную пулю.

Флаер нырнул на другую сторону планеты через портал Перу, и до посадки на пустой двор изолятора Лирой отсвечивал молчаливым укором. Он уже предупредил дознавателя, и Эарг ждала на тоскливо-пустом дворике изолятора. Опять небритый стрелок стоял посреди площадки и смотрел с прищуром. Ноги на ширине плеч, руки за спиной. Страха в нем не было. За ним полукругом стояли все пять сторожей. Стиву стало смешно: словно бешеного кварга передают.

— Счастливо, — Лирой вытолкнул свой гардероб и выскочил следом. — Эарг меня переправит к месту службы.

Стив кивнул: можно подумать кто спрашивает его согласия. Перевел управление на

свою сторону и открыл дверь:

— Я фиксирую человека, можете снять с него ошейник.

Старательно не слушал, что говорила дознаватель, но уловил ее заботу. Заодно почувствовал ревность — это его человек и это он будет о нем заботиться! Отвел стрелка в багажник и запер. Поднял переборку и перестал обращать внимание. Поговорить всё равно не получится, пока не обработает его в инкубаторе, а доступный инкубатор на Императорской базе.

Человек ходил по багажнику, тыркаясь то туда, то сюда, но когда Стив включил прозрачность, то сел, привалившись спиной к переборке по центру пола: с непривычки страшновато лететь на небольшом подносе высоко в небе и с хорошей скоростью.

Сверился по времени: вполне успеваает.

На подлёте к базе система запросила идентификацию, как будто датчики не регистрируют, кто летит. Защитный купол был снова открыт — приготовились выпускать кортеж Императора.

Ведя флаер у самого пола, Стив нашел место в боковой нише. На панели мигнул сигнал стыковки с зарядным устройством. Стив мгновение подумал и решил человека и чемодан выводить снаружи — это меньше напугает стрелка, чем лезть прямо из кабины.

Вышел, проверил сканом кабину: не осталось ли какой его мелочи. Овладел человеком, который вовсе и не был напуган. Отцепил гардероб и повел свое имущество вдоль стены в пешеходную зону к порталу. Джи прилетит, а он уйдет.

В караулках светились ауры гвардейцев, а у портала торчал дежурный — прямо полный парад! Ещё бы регент вылез. Но регенту полагается быть на рабочем месте, поэтому Сейо не прибежит, чтобы увидеть, как Джи просвистит мимо.

Поверхность портала подернулась дымкой, за клубилась белым туманом, и Стив придержал вздрогнувшего человека: из верхней части портала выпрыгнули два змеевидных дракона, переливаясь разноцветными ленточками, которые заменяли им чешую. Биомехи тяжело шлепнулись, складывая над спиной крылья сканнеров. Оглянулись и радугой взмыли в небо, издавая радостные трели: благословение пришло на Сэмлу!

Следом размазанным серебром промелькнули одноместные флаеры охраны.

Выплыла сияющая ультрамарином императорская карета. На секунду зависла, разливая счастье и восторженную любовь, поиграла энергетическими лепестками и плавно вознеслась, окруженная флаерами гвардии.

Стив даже не посмотрел вслед: он и так запомнил ауру другого экзекутора.

Кивнул дежурному, приложил руку к сенсору, подтвердил переход в Малый порталный зал Императорской базы на Геарджойе и ушел с Сэмлы.

В зале Малого портала взял байк, заставил человека крутить педали вместе с собой. Проехался до внутренних, пешеходных зон, где оставил коляску и довел человека в тренажерный зал. Как тот был в затасканных шмотках и с замурзанным зайцем в кармане, так и уложил его в инкубатор. Автоматике все равно, как и что обновлять: отдельно тело и шмотьё или одежду вместе с одетым в неё телом.

Вписал задание: настроить организм на возраст шестнадцати лет, что будет примерно двадцать четыре земных. Провести оптимальную регенерацию изношенных тканей, исправить травмы и дефекты, вырастить новые зубы, убрать неопрятную бородину и вписать в память общий язык. Карманы стрелка перед инкубатором проверил, но кроме игрушки ничего не нашёл. На всякий случай добавил не только реконструкцию одежды-обуви, но и

этой старой игрушки. Люди часто таскают с собой всякие амулеты. Может, стрелок на неё молился?

Вернулся к себе, наверх, с гардеробом на веревке. Три часа свободных.

Впервые в жизни застал Генри за перестановкой и переносом вещей «в и из» соседней комнаты — там оказался склад. Деревянное кресло виднелось в глубине, а стюард как раз выносил из экзекуторских комнат чужой эргономичный подзадник.

Удивился собственному многолетнему наплевательству: всю жизнь считал, что эти комнаты нежилые, потому что Джи хотел его изоляции. А оказывается, там склад сменной обстановки экзекуторского обиталища. Захотелось узнать: что еще он понимал неправильно?

Бросил дорожный гардероб у лифта — стюард разберет. Спустился в лаборатории и внаглую унёс шлем полного погружения. Посмотрит и вернёт, никто и не заметит. Мог бы, конечно, влезть в систему и у морфологов, не бегая туда-сюда, но во время поиска он не сможет напускать фантомы, а отсвечивать на глазах у всех сотрудников Джи категорически не хотелось.

Кресло уже стояло на месте. Надел шлем, нырнул в систему и нашел. Второй, точнее, четвертый экзекутор и правда именовался Марк и жил на западном континенте. Жил! А не лежал крилодом в шкатулке. С ума сойти: содержал там ферму. Мясных коров пас! Вытащил из системы дневник Марка и застыл. Стало противно. Да, он экзекутор, имеет право и допуск в любой дневник, но... Но сейчас это не для работы, а для себя. Так ли уж ему надо знать чем живет и о чем думает второй экзекутор, о чьем реальном существовании он никогда не задумывался? И даже неважно, что сам Марк сможет тоже влезть в чей угодно дневник — или уже даже лазал? Смахнул дневник Марка с экрана. Нет, он не будет подглядывать. Сразу стало легче и свободней? Ему плевать.

Заглянул в хроники: показывали Императора Джи в привычной теломорфе «Отца народов». Экзекутор, «в привычной теломорфе Стива», сопровождал Императора на запятках кареты. Прислушался к себе: ничего не шевельнулось внутри. Это хорошо, Хакисс бы извелась от ревности. А Стив усмехнулся: вот и пришло время Марку приспособливаться. Императорский экзекутор — это Стив.

* * *

Сергей очнулся. Успел увидеть, как прозрачная крышка гроба, где он лежал словно Белоснежка, отъехала куда-то вбок и вниз. Прислушался и, стараясь не двигаться, поводит глазами по сторонам. Ничего, кроме идиотского бордового потолка, ярко освещенного люминесцентными трубками, почему-то вогнанными в стыки с такими же бордовыми стенами, видно не было. Матрас мягко пружинил и слегка прилипал к пальцам.

Он помнил, как ненормально живучий мальчишка-палач забрал его послушное тело. Посмотрели на прилет драконов. Прошли сквозь туманное облако, затем проехали и прошли по разноцветным коридорам в длинный и широкий зал. Сергей пытался кричать, пытался сопротивляться, но тело не реагировало. Такого ужаса он не испытывал никогда. Но этот ужас был чужим. То есть Сергей чувствовал ужас и понимал весь кошмар ситуации мозгами, но не мог реагировать: кошмар был как будто не его. Очень дикое ощущение.

Потом его тело само залезло в гроб на постаменте. Сергей попытался сконцентрироваться. Приготовиться к любой неожиданности, к боли. Но уснул. И вот

проснулся. Вроде...

— Можешь вставать, инкубатор закончил свою работу.

Этот голос он тоже помнил.

Сергей сел.

Сам.

Напротив на полу, рядом с одноногой табуреткой у плоского монитора на стене, сидел мальчишка-глашатай. Босиком. В длинных желтых штанах, больше похожих на юбку, и безрукавке. Неожиданно короткие волосы торчат расчуханным ёжиком. Мальчишка встал с пластикой хорошо тренированного тела, сделал шаг навстречу и развёл в стороны руки с открытыми ладонями:

— Не бойся, ты здесь под моей охраной, а я не причиню тебе вреда!

— Сукин ты сын, — рыкнул Сергей и соскочил на резиновый пол, не обращая внимания, что понимает лопотание мальчишки и сам неведомым образом подбирает слова на чужом языке. — Я все-таки убью тебя, как бы живуч ты ни был!

— Меня зовут Стив, — улыбнулся этот паяц. — Ты можешь говорить на общем!

И тело Сергея застыло. Мальчишка приблизился, а Сергей понял, что никогда не видел ничего более прекрасного. Одетый во все золотое, с нежными ореховыми глазами и светящейся кожей цвета приморского песка в солнечный день. Лёгкий и изящный, как золотая пружинка... Сергея захватило желание дотронуться до этого чуда, приласкать его, сделать своим, никогда не расставаться. Этот, именно этот подарок он ждал всю жизнь! Неспособный ни к чему другому, дрожа от счастья, он протянул руку, чтобы прикоснуться к щеке мальчика. Не веря в реальность, не дыша и почти теряя сознание от восторга, провел большим пальцем ему по губам. Мальчик прикрыл глаза и осторожно, с коротким судорожным вздохом, прикусил его пальцы. Сергея залило желание и... тут же исчезло.

Сергей содрогнулся — словно выпал на льдину в морозный день.

Мальчишка отпрыгнул и поднял руки:

— Я тебе объясню! Сядь!

Сергей, потеряв ориентацию, шлёпнулся на пол и даже не понял, сел он сам или опять его тело подчиняется безумному наваждению и само слушается приказов инопланетной твари.

— Я буду звать тебя Сер, хорошо? — проговорило чудовище в облике человеческом, тоже опускаясь на пол.

Сергей проигнорировал вопрос, успокаивая дыхание. Его даже мать в детстве звала «Сергей». Это Ленка выдумывала всякие вариации, но что хотеть от девчонки? Зачесал пятернёй волосы назад — черт, его, кажется, постригли. И морда гладкая, как коленка. А он давно не брился — достали эти суки-вертухаи. Ну и фиг с этим. Главное, как убить эту гниду, если тело вытворяет черт-те что? Сунул руку в карман — Ленкин заяц на месте.

— Хорошо, я буду звать тебя Сергей, — кивнул мальчишка. — Хотя я тоже девчонка в каком-то смысле. Я не хочу тебя обижать, но пока мы не подружились и не договорились, мне проще управлять тобой фантомами.

— Хрень без разницы, — хрипло ответил Сергей и встал. Разговаривать с врагом сидя показалось неправильным. — Сколько я спал?

— Около пяти часов по-земному, — мальчишка тоже поднялся. — По-имперскому три часа. И я не враг тебе. Инкубатор полностью обновил твоё тело и научил общему языку.

— Где моя сестра? — Сергей на мгновение замер. Общий язык? Но удивления, что он с

легкостью подбирает слова на чужом языке, не было. Не до того сейчас. — Куда вы увозите людей?

— Ты всё знаешь: законы и немного об экспансии, только надо научиться искать в памяти. Но ты научишься, — мальчишка отошел к стене и открыл проход в такой же бордовый коридор. — Я научу тебя. Пойдем ко мне. Тут в тренировочном зале даже спать неудобно.

Сергей оглянулся. Так, тренировочный зал? Пустая кровать, какие-то ниши, витрины. Черт его знает, чему тут тренируются... И вышел вслед, подгоняемый желанием немедленно что-нибудь сделать. Убить, ударить! Даже успел примериться и чуть было не свернул гадёнышу башку, но вдруг его накрыло удушающим спокойствием.

Мальчишка остановился. Обернулся и, облизнув губы, тихо сказал, опустив глаза:

— Прощу тебя, не надо. Я могу управлять тобой, но я не хочу. Ты принадлежишь мне. Я должен отпустить тебя жить в город, должен помочь адаптироваться. Если ты не сможешь держать себя в руках, тебя просто убьют. Я убью. Но не убью сразу и навсегда, а буду убивать тебя много-много раз. После каждой смерти ты оживёшь и я снова убью тебя. Это будут показывать всем как пример, что будет преступнику, захотевшему повредить имущество Императора. Имущество — это я. Я — вещь, личная вещь Императора. Его рука и голос. Ты знаешь уже, что вред, причиненный личным вещам Императора, карается множественной казнью. Ты сойдешь с ума, и тебе будет все равно, но все равно это будет неприятно. Я не хочу тебя убивать. Это тебе не поможет. Это мне не поможет. Это просто напугает каких-то никому не известных людей, не важных ни тебе, ни мне. Но казнь может увидеть твоя сестра, и это будет нехорошо. Подожди немного, а я поищу твою сестру. Она, скорее всего, на одной из двух колонизируемых планет. И, возможно, ты сможешь переехать к ней или мы перевезем ее сюда.

— Мы? — голова у Сергея шла кругом.

— Я. Для тебя. С твоей помощью. Пойдем.

Сергей шел, прислушиваясь к своему телу, боясь снова оказаться не у руля. Как узнать, когда его не подслушивают? Ладно. Он сориентируется и найдет удачный момент.

Краска на стенах стала светлее, розовее. Они поднялись на маленьком лифте и оказались в белом коридоре, загибающемся влево. Редкие прямоугольники с обеих сторон — двери? Темная арка, кажется, прозрачного потолка. Уже ночь?

Мальчишка толкнул вбок крайнюю справа дверь и скользнул в проём:

— Иди сюда. Один ты не сможешь никуда пройти. Ни одна дверь перед тобой не откроется и, поверь мне, для каждого из ажлисс, андроидов и техобслужки базы ты светишься, как сигнал тревоги.

Сергей прошел в узкую комнатёнку. Справа — кондовый стол с экраном, слева полки, тахта. Напротив окно во весь простенок, за окном видна балюстрада балкона... Избегая вставшего столбом мальчишку, свернул во вторую комнату. Пересек по диагонали пустое, как нежилое, пространство, затянутое серым паласом. Развернулся лицом ко входу, спиной в угол, отгороженный полукруглой светящейся стенкой. Гостиница какая-то. Причем, из небогатых. Только здоровенная кровать кинг-сайз сразу у прохода выбивается из общей безликости. Окна в спальне не наблюдалось. У изголовья кровати — металлическая дверь. Туалет?

— Карцер, — хихикнул мальчишка, садясь на кровать. — Там я убиваю преступников. Но надеюсь ты туда не попадешь.

— Это вообще что? Гостиница?

— Это типовая казарма. У офицеров места больше и они могут переоборудовать под себя, а я не хочу. Когда я дома, я живу тут.

— Я с тобой жить не буду, — Сергей вскинул голову, пытаясь в упор не видеть и не слышать воспоминания о том, что этот мальчик делал с ним, что этот мальчик хочет делать с ним. Это мираж, морок, бред! Ничего подобного он не допустит!

Поймал взгляд глашатая и уже не видел ничего. Ореховые глаза стали центром вселенной, засасывающим центром мироздания... Сергей сорвался в пропасть. Полетел забывая кто он, где он. Упал на кровать, и золотой мальчик шелковой лентой вился вокруг него, вился по нему, быстро расстегивая его одежду, покрывая его беспорядочными поцелуями. По-кошачьи прижимаясь и проглаживаясь щекой, обнимая и лаская его всем телом. Нежнейшие прикосновения взрывали сердце счастьем и отключали мозг. Сергей нетерпеливо рвал с себя одежду, ему необходимо было почувствовать шелковую солнечную кожу обнаженным телом, впитать его, войти в него. Почувствовать изнутри и снаружи, стать единым целым, умереть вместе с ним. Никогда он не любил так сильно. Каждое прикосновение рассыпалось фейерверками по коже, огненными потоками текло по нервам, переполняло сердце, останавливало дыхание.

Где-то внутри маленькое зернышко его сознания безмолвно кричало: «Нет!»

Ему показалось, что у него изменилось тело: раздались плечи, вытянулись руки. Тяжелые челюсти стали так сильны, что могли перекусить руку любому человеку. Он целиком покрылся шерстью, набухший член выглядывал из мохнатого собачьего препуция. Он сошел с ума. Сила переполнявших его чувств раздавила, натянула до предела каждую клеточку, взорвала до небес...

...Опомнился?

Наконец понемногу снова соображая и понимая окружающий мир, маленькими шажками слепо продвигался внутри себя к свету. Искал свою голову? Где-то был его мозг, где-то там был он сам. Сам ли?

— Все будет хорошо, я буду любить тебя. Я буду заботиться о тебе, я помогу тебе, — шептало чудовище, прижимаясь к нему.

— Ты! — Сергей рвущим усилием преодолел наркотические опьянение, отшвырнул безумного мальчишку. Отбросил его со всей возможной силой, умирая гневом, стыдом и омерзением.

Мальчишка упал на пол, крабом метнулся в сторону и сел в углу у светящейся стенки.

— Дрянь! Что ты со мной сделал? — Сергей в ужасе осмотрел себя. Нет! Это его тело. Хотя знакомый шрам от аппендицита исчез... Ну и черт с ним! Но собачьей шерсти нигде нет. Схватил пушистое одяло, вскочил и вытерся. Никакой собачьей шерсти на нём нет! Задыхаясь, собрал одежду. Сердце билось в висках. Что с ним было?! Выскочил в переднюю комнату, ненавидя себя за бабскую реакцию. Пнул дверь — та не открылась.

— Прости, — раздался голос монстра. — Но это единственное, что я умею. И еще убивать.

— Тогда убей, дрянь сучья! — крикнул Сергей, трясущимися руками пытаясь разобраться в тряпках и не понимая, что это, штаны или рубашка, что он пытается надеть. — Или отпусти к чертям! Иди сам к чертям. Сдохни!

— Успокойся, — тихий голос безбрежным песком запорошил сознание, Сергей выпустил одежду и осел на тахту. — Но тебе же было хорошо? Это было как с моим мужем.

Он арн, настоящий оборотень.

— Нет! — прошептал Сергей. — Не хочу. Ненавижу! Никогда такого не было... Хорошо будет, когда башку тебе сверну, ублюдок. Какие ещё оборотни?

— Обычные. Лабораторные, но сейчас они отдельно живут. А мы научимся жить вместе. Тебе же понравилось. Я часто так играю. Всем нравится. Я спроецировал на тебя воспоминание, раскачал твои эмоции, усилил... Ты немного боялся, но я же учел, что ты предпочитаешь быть сверху. Хорошо, я отпущу тебя, но не кричи, не люблю когда кричат. Давай просто поговорим?

— Опять? Поговорили уже, — Сергей согнулся, преодолевая вязкий воздух и рваными движениями зашнуровал ботинки. Ещё натягивая носки, равнодушно удивился, увидев, что оба мизинца на ногах, когда-то отмороженные и ампутированные, на месте. — Тварёныш. Убийца ублюдочный...

— Я не могу быть убийцей. Я — вещь. Оружие. А оружие не может быть убийцей. Это ты убийца. И вообще, я не понимаю, чего ты так зациклился. Смотри, я на самом деле не мальчик. Я девочка.

Ублюдок там затих и даже, похоже, не шевелился.

Сергей встал. Постоял у окна. Прощупал стекло и стенку. Никаких петель или шпингалетов не нашел. Маленький квадратик, нарисованный у окна, не прожимался и не подковыривался... Растер лицо и с отвращением обтер руки о штаны. Чувство чистоты и свежести, возникшее после того инкубатора, теперь сменилось усталостью и хотелось вымыться. Руки отвратительно пахли кондитерской, казались липкими. Он сам весь липкий. Облепленный. Ублюдком этим! Что делать вообще?!

— Сергей, — девичий голос. — Посмотри. Я больше не буду тобой управлять. Если ты не будешь кричать и пытаться делать глупости, то я не буду напускать фантомы.

Сергей, скрипнув зубами, заглянул в комнату с кроватью. На месте мальчишки сидела, по-турецки скрестив ноги, худенькая голая девица. Копия мальчишки, но безусловно девица: маленькие груди, округлые плечи, более широкие и округлые бедра, гладкая подушечка лобка без каких либо мужских признаков. Шевелюра раскудрявилась... Лицо миловидным овалом...

— Я экзекутор. Я умею менять и меняться. Смотри, — девица подняла растопыренную пятерню и прямо на глазах на пальцах и руке проклюнулся рядок белых бугорков и начали расти белые палочки.

Сергей заворуженно смотрел. Палочки удлинялись, расправлялись в перья. Рука превращалась в крыло!

Девица хмыкнула. Провела другой рукой от плеча к пальцам, как ножом перья срезала. Прижала кровоточащую руку к груди.

Сергей закрыл глаза. Сердце всё ещё бешено прыгало. Что же делать? Как на это безобразии реагировать? Опять галлюцинация? Скорее, сам повесится, чем будет по собственной воле трахаться с этим... Этой... Вещью.

Подошел, поднял перо. Нормальное такое белое перо. Как говорят, «маховое». Куриное, например. Только пенёк как ножом срезан и не полый, а цельномясистый и кровью ещё немного сочится. Неожиданно Сергей понял, что успокаивается. Не совсем, но прямо сейчас убивать или вешаться расхотелось.

— Сам ты куриный, — девица встала и помахала уже гладкой рукой. — Я орлиные хотела, но лень пигментировать было, все равно срезать. Перья же как волосы или ногти, их

потом в трансформации не используешь. Там ни сосудов, ни нервов... Вон, иди в ванную, помойся, если хочешь.

— Зачем?

— Что зачем? Зачем срезала? — девица поддала ногой перья. — Чтобы летать, надо абсолютно всё тело поменять. Время и энергию надо. То есть, дня три жрать не переставая, а голову не поменяешь, потому что мозги менять нельзя. С ума сойдешь — и привет. Обратного не вернёшься. Поэтому придется наращивать мышцы и крылья, в результате и будет черт-те-какая-каракатица, как ты говоришь, и летать расхочется.

— То есть, если я тебе башку снесу, ты умрешь?

— Умрёт это тело. Но моя душа, моя личность поймается в крилод. Я получу новое тело, вернусь и буду долго и многократно убивать тебя.

— Почему ты мальчик? Ваш Император на мальчиков?

— Нет. Императору всё равно. Мне надо было, а потом привыкла.

— Дура ненормальная...

— Конечно ненормальная. Нормальный не может быть экзекутором.

— Тебе сколько лет?

— Много. Больше чем тебе. Примерно сорок пять на земное время.

— Ты робот?

Девушка вздохнула.

— Да нет же. Ты все знаешь, поищи в своей памяти. Иди, мойся. Там разберешься, все механическое. Я стюарду скажу, чтобы одежду принёс новую.

Сергей прикрыл за собой стеклянную дверь, взглянул в зеркало и поперхнулся. Тяжело оперся о раковину. Навалилось состояние, как будто только что добежал марш-бросок в полной выкладке. На него ответно пялилась совершенно пацанская ошарашенная морда. Он таким был лет десять-пятнадцать назад. В панике провел рукой по скуле и подбородку: никаких следов бороды, даже не видно что у него что-то может расти!

— Ой, да не переживай! — раздалось из-за двери. — Верну я тебе щетину, если хочешь её каждый день брить. Поглажу тебя сканом и выращу твои драгоценные волосяные фолликулы. Или полчаса в инкубаторе — и будет у тебя борода до пояса.

— Выметайся на хрен из моей башки! — зарычал Сергей и треснул кулаком по двери.

Глава 14. Геарджойя. Договор

Сергей вымылся. В душевой всё было понятно. Рычажки-кнопочки. Оттирался руками: помпон в виде какого-то покемона с глазами и ушами, лежащий на раковине и бывший, судя по всему, мочалкой, брать не стал. Жидкое мыло весьма удачно было без женских парфюмов, а после переменного душа то горячей, то холодной водой стало совсем хорошо. В кабинку был встроен фен, и пока Сергей расслаблялся, подставляя бока тёплому ветру, в ванную влез чернявый смазливый дылда и попытался унести одежду. Но хватило одного окрика, и дылда исчез.

Когда Сергей вышел, застегнутый и готовый к новым неприятностям, дылда чистил постель маленьким овальным пылесосом, а девица, слава всем святым! Уже одетая, сидела на полу с подносом на коленях и ела.

— Это мой стюард, Генри. Он андроид, поэтому у него рисунок на руках. Чтоб и люди сразу видели.

Девица была одета, но сидела скрестив ноги и задрав юбку так, что голые ляжки были видны чуть ли не до ушей, а сквозь кружевной топ просвечивали маленькие темные соски. Сергей снова взъярился. Сучонка!

— Чего у вас тут английские имена: Стив, Генри, Джи?

— Какие-какие? Человечье горло и язык могут издавать ограниченный набор звуков, поэтому все имена похожи. Чем выше положение в государстве, тем короче имя. А имя Стив я придумала себе сама, когда маленькая была. Если хочешь, можешь поест. На столе — ужин, на тахте — смена одежды. Ты, наверное, не захочешь спать со мной на кровати?

— Не захочу, — Сергей прошел в первую комнату, обойдя по синусоиде инопланетных уродов. Просто ради принципа по дороге пихнул неподвижную входную дверь и сел к столу — поднос с коробочками источал ароматы хлеба и жареного мяса. Есть особо не хотелось, но раз дают, надо пользоваться.

— Завтра с утра поедем к дознавателю, — сообщила девица.

— Снова отвезешь меня в тюрьму?

В закрытой пластмассовой ёмкости плескался кисловатый зеленый сок, а в пузатой бутылочке размером с кулак и с притертой стеклянной пробкой был, судя по вкусу, неплохой коньяк. Сергей даже повеселел. Это сгодится! В остальных коробочках были нарезанные пресные овощи и кусочки темного и слегка сладковатого мяса, тоже явно без специй. Ни соли с перцем, ни хоть какого соуса не было.

— У нас нет тюрем. Привыкай использовать информацию, которая у тебя уже есть. Алкоголь весь твой — я рада, что с ним угадала. Никогда не могла понять по какому принципу его выбирают, — трепалась девица. Неясно, когда глотать успевала. — Дознаватель официально внесет тебя в систему, и ты сможешь получить личный коммуникатор. А на твою сестру я отправила запрос: сначала найдем её, потом сюда перевезем.

— Сюда? В эту комнату? — Сергей ужаснулся, представив себя на постели с этой... и с Ленкой!

— Нет, зачем мне твоя сестра? Я-то в этом твоём понимании все-таки нормальная, с девочками по собственному желанию не играю. «Сюда» в смысле на эту планету, чтобы ты мог с сестрой быть.

— Спасибо, — выдавил из себя Сергей. — А если Император её захочет?

— Да ну тебя! — засмеялась девица. — Зачем ему твоя сестра? Это же будет скандал: твой куратор, а он вмешается в семью курируемого! Половина дознавателей на уши встанет! Ты пойми, у нас ничего скрыть нельзя, все же телепаты. Плюс от каждого ажлисс, напрямую из его памяти, пишется дневник. Хотя императорский дневник для ажлисс недоступен, но мой открыт. Ажлисс дознаватель, который знает твою сестру, тоже проверяется периодически. То есть, зачем Императору такие сложности, когда у него есть вполне легальные подружки? У людей продуманная перекрестная безопасность, не волнуйся.

— Я теперь тоже ажлисс? Сколько мне теперь лет?

— Ой, да ну тебя совсем! Ажлисс так не станешь. Надо совершить нечто важное для всего человечества. Пройти комиссию, получить личное одобрение Императора. А внешность с возрастом вообще не связана! Инкубатор тебя просто обновил. Старые переломы исправились, как будто их не было, пальцы выросли и зубы новые. Я не хочу, чтобы моя игрушка быстро сломалась.

Сергей замер с куском бутерброда во рту. Ясненько.

— Спокойной ночи, — смазливый стюард кивнул уходя.

Дверь открылась и закрылась.

А в проеме в спальню объявилась девица. Обеими руками держала перед собой большую кружку и светила сосками.

— Прости, я привыкла говорить, что думаю, — прошептала опустив очи. — Я глупо пошутила, прости! Я не умею нормально общаться. Я хочу подружиться с тобой, я буду стараться.

— Обалденная дружба! — Сергей уставился на девицу с ненавистью. — Ты меня сколько раз изнасиловала?

— Ни одного, — негодуяще вскинула глаза. — Я нашла и раскрыла твою собственную способность любить. Использовала твои желания, только немножко усиливала! Это ты меня трахал, если уж на то пошло. Но я была рада и согласна. И никто никого не насиловал.

— Ты влезла в мою голову и принуждала меня! Ещё в катере. И в тюрьме, — прорычал Сергей.

— Ах там! Ты меня, прости, убил. Мне нужна была энергия и силы для регенерации. Ты взял, ты и дал. Все справедливо. Больше всего энергии выделяется, когда человек или очень страдает или, наоборот, очень радуется. Ты бы предпочёл, чтобы я с тебя кожу снимала? А потом, с новым партнёром реакция всегда бывает сильнее. В тюрьме же я тебя лечила.

— Я никогда не трахался с мальчиками!

— И не трахался. Я не мальчик, — девица поставила кружку на стол и демонстративно по-цыгански повела плечами тряся сиськами. — Это мы уже выяснили, нет?

Сергей откинул голову на спинку кресла и сполз по сиденью. Сосредоточился, глядя ради смены в белый потолок:

— Первое... Не смей лезть ко мне в башку. Полудурка! Никогда и... никогда. Никаких, к бесу драному, фантомов. Второе. Не смей ко мне прикасаться. Ни гипнозом, ни телом, — к такому маразму его не готовили. Чуть не застонал: где, черт подери, застенки, допросы, пытки? Что с этой маньячкой делать?! Чем этого... эту идиотку прошибить?! — Ты уже сделала всё. Не делай ещё хуже. Хуже просто некуда. Или я тебя придушу, как только ты уснешь!

— Хорошо. Я обещаю. Но разве ты настолько глуп, что будешь совершать

бессмысленные поступки? Зачем тебе меня душить, если ты меня убить не сможешь? Пока ты курируемый, ты под моей защитой. Но если ты снова нападешь на меня, на другого ажлисс или человека, то подпишешься на смерть, многократную мучительную смерть. Зачем тебе это? Ложись, — девица присела на тахту и похлопала по подушке. — Я отращу тебе фолликулы и потом покажу, как вспомнить всё, что в тебя записал инкубатор. И да, мне придётся до тебя дотронуться, но считай, что я врач. И фантомом придётся тебя усыпить, иначе будет больно.

— Да сейчас! Ты себе перья растила, я видел. Чему там болеть-то? — Сергей задвинул кресло и снял ботинки. Раздеваться он не будет, ещё чего! Только что оделся.

— Как хочешь, но когда я задницу тебе исправляла, то обезболивала. А не насилвала, вообще-то!

— Нет, ну вот кто тебя за язык тянет? — Сергей помотал головой и лег поверх одеяла. — Треснул бы тебя по морде, была бы ты мужиком. Повторяю: никаких фантомов. Не баба, выдержу и по-живому.

И выдержал. Девица приложила ладони к его щекам, острые иголки пулемётными очередями застрочили по скулам и горлу. Казалось, кожа вспучивается микроскопическими горячими вулканчиками. Он был прав: не такая это и боль, бывало гораздо хуже. Когда, например, болели отмороженные пальцы, и казалось, что нога отгнивает минимально до колена. А тут Сергей закрыл глаза, считал прикосновения — каждое сопровождалось взрывами вулканчиков — и сам не заметил как погрузился в сон.

И снились ему законы Империи.

Люди, разделенные на группы-дозены, живущие под присмотром телепатов-дознавателей. Дознаватели — пастухи, направляющие людей на те работы, к которым человек имеет внутреннее предрасположение. Дознаватели — судьи, определяющие истинные стремления преступников и возможное исправление. Отправляющие неисправимых на вечный сон, а оттуда на утилизацию. Земля, отпавшая от Империи в результате переворота и гражданской войны около десяти тысяч лет назад... Император — живой Бог, и всё принадлежит ему, а люди и ажлисс пользуются, не превышая средних норм потребления, и зарабатывают бонусы на мелкие улучшения, на путешествия и косметические операции. Люди живут, работают, создают мир. Меняются поколения. Лучшие из людей становятся ажлисс... Ажлисс, присягающие на верность лично Императору, под контролем комиссии дознавателей... Инкубатор получает протоплазму из конвертора и сплетает улучшенное тело ажлисс в соответствии с генетическим кодом, уникальным для каждого человека. Ажлисс — те же люди. Среди людей полно потомков их потомков. Ажлисс точно так же хотят жить в мире и радости. Счастливая Империя, счастливый Император...

Потом он провалился в сказку и видел волшебные сны, видел мать, сестру, дом на берегу озера. И был счастлив.

А Крошка сидела, баюкала своего человека, плыла чужими воспоминаниями и тоже была счастлива фантомами чужой жизни.

* * *

Сергей проснулся и рывком сел. Через слегка затемнённое стекло лупило солнце, встающее за близким лесом. Балкон оказался низкой террасой. А его встреча с матерью и

Ленкой — сном. Тут же полезли разворошённые и какие-то разрозненные знания-воспоминания об Империи. Сны! Это всё были сны. Вскочил. Голый. Одежда перекинута через ручки кресла. Эта мерзавка наплевала на обещания! Усыпила его своими фантомами и раздела! Или позвала слугу? Прислушался: тихо.

Стараясь не шуметь и чувствуя себя последним и к тому же облапанным придурком, оделся. Вспомнил про зайца, вынул из кармана. Удивился, какой заяц стал яркий и совсем новый.

Неслышно переместился к дверям.

Присмотрелся к пятиместной кровати, но так и не понял, есть ли кто под толстыми складками мохнатого одеяла. И подушек там, кажется, пять или шесть! Девко-мальчик был достаточно мелким, чтобы скрыться в таком бардаке.

Задержал дыхание и толкнул входную дверь, а она вдруг поехала в сторону.

На пороге стоял стюард. Одной рукой придерживал зависший в воздухе поднос, полный коробочек. Запахло кофе.

— Доброе утро. Ты разрешишь мне войти? Я принес завтрак. Это для тебя. На улице ветер, — стюард протянул Сергею тонкую кожаную куртку.

— Андроид быстрее и сильнее тебя, — раздался ломкий мальчишеский голос. Из постели выбрался совершенно голый глашатай. Постоял не открывая глаз и добавил: — А без комма ты никуда не уйдешь, — и убрел в ванную.

Сергей взял куртку и отступил к тахте. Продолжая чувствовать себя трусом и идиотом, сел.

Генри оставил поднос на столе, пропылесосил кровать и ушел, забрав с собой юбку и кофту девчонки.

Сергей, начиная злиться, бросил куртку на стопку запасной одежды, так и лежащей у тахты, и приступил к завтраку. В коробочках было всего много, но только стаканы были привычного размера, а еда словно для пиршества лилипутов: мини-огурцы, мини-дольки яблок или чего-то подобного. Даже разложенные веером жареные ножки каких-то птичек были кукольного размера. Соловьев, что ли, распорцевали?

Тут же появился Стив с вчерашними девчоночьими патлами, но уже одетый, и тоже в черную кожаную куртку.

— Мы что, будем как два идиота из ларца? — ляпнул Сергей и сжал кулаки. Всё. Обабился вконец!

Стив молча вывернул куртку на малиновую изнанку и снова надел. Налил кофе в большую кружку, разбавил молоком и сел на пол, прислонившись к двери:

— В туалет не хочешь? Там свободно.

— Ты так и будешь мной руководить?

— Нет, прости... Как скажешь. Я тебе немного покажу наш мир, а то ты, кажется, не веришь, что мы не на Земле. Я постараюсь не залезать к тебе в голову. Прости.

— А что потом?

— Что потом?

— Потом, после того, как мы посмотрим этот мир. Куда ты меня денешь?

— Империя огромная. Планета Джи раза в три больше Земли, а материк Геарджойя, как вся Земля. А еще есть Западный континент и куча островов. Дознаватель скажет, где ты будешь лучше всего работать, я тебе дам необходимые знания. Найдем место, где ты сможешь потренироваться, а потом найдем тебе работу. И будешь жить сам.

— Ты действительно отпустишь меня?

— Да. Но я хочу подружиться с тобой. Ты — моя единственная возможность получить близкого человека. Поэтому я не отпущу тебя совсем, а буду с тобой встречаться время от времени.

— То есть ты из меня сделаешь свою шлюху?

Стив подошел, поставил кружку и облокотился на стол. Но потом выпрямился, прикрыл глаза. Снова отошел к двери, прижался к ней и сказал с каменным лицом:

— Шлюха здесь я. И я столько никогда не извинялся. Сергей, прошу тебя. Дай мне время.

— А если я не соглашусь? — Сергей внимательно разглядывал Стива. Глаза у того распахнулись, рот раскрылся, и он стал совсем похож на ребенка, у которого вытаскивают из кулака конфету. Прямо на глазах отжимают один маленький пальчик за другим — и вот конфета уже у кого-то другого.

— Я смогу сделать так, чтобы тебе разрешили жить. Хотя прямо сейчас я могу тебя тут запереть и никому не будет дела, потому что тебя даже в системе официально нет. То есть, ты не существуешь. Но я не хочу так. У меня были задания и... И люди жили у меня тут на цепи или в карцере. Пока не умерли совсем. Кто-то, кто нарушил закон. Я не хочу так с тобой, — Стив судорожно вздохнул, глаза у него были уже, как у больной собаки. Закричал: — Я сейчас не влияю на тебя!

Сергей прислушался к себе. А черт его знает, влияет или не влияет. И как он должен это почувствовать? Он никогда не был в такой ситуации, перед таким выбором. На самом деле, выбора не было. Но это странное существо предлагало ему, возможно, способ получить свободу. Потом. И вызывало жалость. Нет, не так, чтобы прямо пожалеть хотелось, сиротинку убогую, но эти пустые безликие комнаты, поименование вещью... Это всё было как-то неправильно. И мальчик, вроде, старается. Если не дурит его глюками.

— Хорошо. Попробуем. Ты обещаешь отпустить меня совсем? И больше не вмешиваться в наши жизни? Ни в мою жизнь, ни в жизнь моей сестры Елены?

— Обещаю! Я не хочу тебе плохого. Но объясни, — Стив сполз на пол и зашипел на грани слышимости. — Объясни мне, почему ты был готов простить меня вчера, когда я отрастил себе сиськи и оказался девкой? Даже это твое изнасилование не казалось тебе таким страшным. А сегодня ты снова меня ненавидишь и продумываешь варианты мести? Я все та же личность. Я это я! Сиськи у меня или член! Но тебе важны сиськи?! Тебе плевать на меня! И я не лезу к тебе в башку, ты сам фонишь на километр! — мальчишка уже кричал.

— Ты больной. Псих ненормальный. Ты что, не понимаешь?! — Сергей тоже заорал. — Нормальные люди не трахаются с захватчиками и убийцами, и пол не меняют! Это же противоестественно. За это стрелять надо! Да я сам бы застрелился, только чем?!

— Ладно, — Стив встал и дверь открылась. — Пошли. И не ори.

* * *

Они летали уже часа три. Степь была залита солнцем, воздух упоительно прозрачен, и по небу разбросаны легкие росчерки облаков. Казалось, весь мир состоит из степи и бездонного неба. Стив обожал летать в такую погоду или, что было еще лучше, просто отлететь куда подальше в степь, где нет даже следов разумной жизни. Лечь навзничь,

раскинувшись на холмике, утонуть в небе и развеяться в сознании каких-нибудь зверюшек, в их незатейливых желаниях и простых ощущениях.

Погода была просто чудесная, но настроение во флаере еле дышало у точки замерзания. Стив чувствовал себя карабкающимся на скользкую, разъезжающуюся под ногами лысую гору, где даже рукой схватиться не за что. Сергей молчал и пялился сквозь прозрачный купол флаера в бескрайние дали и совершенно не помогал создать легкую прогулочную атмосферу. Прямо каторжанин на галере. А, нет. Если быть честным, то Сергей тоже пытался общаться, но корявые технические вопросы, задаваемые убитым голосом, были ничуть не лучше. «Как летает флаер и где у него мотор?» И примерно через полчаса: «Как это им можно управлять без руля и кнопок, только положив руку на экран?»

Стив не умел вразумительно отвечать на такое — еще одна неприятно царапающая душу пакость. Хотя он был рад, что Сергей пытается с ним общаться, но не все ли равно, почему эта хрень летает, когда можно в нее залезть и полететь? Нет, он помнил неопределенные куски из своего куцега образования, что мотор флаера или, что там у него, экранирует притяжение планеты и флаер в результате как бы скользит над ее поверхностью в бесконечном падении. Или флаер сам генерирует поле, отталкивающее его от планеты? Стив честно не помнил и помнить не хотел. Он выкинул всю эту техническую галиматью из головы сразу же после того, как она в его голову попала. Превращаться во флаер ему не грозило, так зачем ему знать, как он устроен? А управляет он им так же, как и своим телом. Кладет руку на экран, проникает своим сознанием в ту часть системы, что заключена во флаере, и так делает каждый сноваживущий. А потом уже просто взлетает, летает и поворачивает, как будто флаер — это часть его самого. Для него это было подобно управлению людьми или движению его собственного тела. Стив задумался. Он бы мог нарисовать схемы и рассказать, как сигналы бегают по нервам, как душа пронизывает тело, объединяя и оживляя его, но как эти сигналы возникают? Что заставляет возникнуть самый первый импульс? А ведь он тоже давным давно учил все это во время зубрёжки основ биологии! Только теория спокойно покинула его мозг, вытесненная практикой. А теперь он не мог ответить на детские вопросы, загонял сам себя в тупик и злился.

— Я не знаю, как тебе это рассказать. Стяну в инкубатор, если хочешь. Я летаю на флаере так же, как хожу, я просто становлюсь частью флаера. Спросить тебя, как ты разговариваешь, ты, наверное, тоже объяснить не сможешь. Вот вернемся домой, я положу тебя в инкубатор, а интересные тебе знания вложу в тебя. Обо всем, что ты хочешь узнать.

— Как убить императора, ты же мне не скажешь! — бросил Сергей.

— Ну вот что тебя заело? Да, можно убить императора. Но зачем? Ты только себя уничтожишь. Император оживет, система будет существовать. В этом нет смысла ни для тебя, ни для Земли.

Сергей бросил на него мрачный взгляд.

— И как здесь живут люди? Каждого за руку водит такой, как ты?

Стив вытаращил глаза и даже онемел ненадолго.

— Ты что?! Все живут нормально. Обычно, как везде. Сами. Это я, — Стив постарался примиряюще улыбнуться. — Я один такой ненормальный, и мне разрешили немного закон нарушить. И спасти своего убийцу.

— То есть тебе закон нарушать можно?

— Прощу тебя! Мне тоже нарушать нельзя, но я стараюсь вести себя хорошо, а ты мой подарок. Это вряд ли еще когда повторится, поэтому я с тобой очень осторожен. И перестань

придираться, все будет хорошо. Мне всякой гадости на работе хватает.

Сергей напряженно смотрел. Стиву очень хотелось проникнуть в него и успокоить. Или дать ему по голове! Что же он так нехорошо смотрит? Но обещал же не лезть в голову? Обещал. И не полезет. По крайней мере пока.

— А чтобы флаером управлять, надо стать ажлисс? — сменил тему Сергей.

— Нет конечно, — обрадовался продолжению разговора Стив. — Люди могут управлять всем, только флаер должен быть оборудован для людей. У нас на базе таких нет, но наша техника скорее исключение. У нас и людей на базе почти нет. Есть, но немного. А если хочешь, я потом найду для тебя флаер и ты полетаешь. Хорошо?

— И куда я полечу?

— Да куда хочешь!

Сергей смерил его тусклым взглядом и снова отвернулся. И снова как погас.

Стив вздохнул. Кажется, он сегодня поставит рекорд по вздохам. Как сложно-то! И без этих дурацких вопросов чувствовал себя безногой клячей, которая по собственной инициативе решила танцевать на тонкой проволоке приручения человека. Конь не приспособлен к подобным вывертам, а тут еще и ноги явно перебиты. Конечно, надо набраться терпения, хотя это совершенно не его добродетель. И как с ним общаться, если нельзя его сканировать? Стив недоумевал: ему никогда не нужно было ни с кем говорить или поддерживать бесцельную светскую беседу. Насколько удобнее послать фантом, овладеть мыслями и чувствами, но потом он покинет чужое сознание, и человек вернется к прежнему состоянию. И все вспомнит. Но это всегда было неважно. Стива это уже никаким боком не касалось. А тут надо вести себя так, чтобы ничего не испортить.

Стив оборвал метания и протянул руку в сторону бокового сидения:

— Сергей? Могу я тебя попросить? Дай мне руку, пожалуйста.

— Зачем? — отвлекшись от разглядывания горизонтов и неосознанно сжимая кулаки, насторожился человек.

Ну вот, пожалуйста! Даже простому прикосновению, и то сопротивляется!

— Просто так, я подержу и отпущу сразу. Я ничего не буду делать, честно! Я же обещал.

Сергей сунул ему руку, и Стив медленно, как будто пытаясь поймать хрупкую снежинку, слегка приподнял его кисть на своей ладони. Прогладил по тыльной стороне большим пальцем и медленно выпустил, пропуская пальцы Сергея между своими, прикрыв глаза и сосредотачиваясь только на осязании, на тепле и форме рук человека, которого хотел сделать родным. И выпустил.

— Спасибо.

Сергей на этот раз задержал на нём взгляд дольше, но снова отвернулся.

А Стив размышлял. Джи говорил, что он никогда не сможет ни с кем сблизится. Но как люди находят себе пару? Как люди соприкасаются душами, если не умеют чувствовать один другого? Как им может быть достаточно разговоров и такого соприкосновения только поверхностью тела? Как можно объяснить свои чувства и намерения? Как можно сказать так, чтобы другой поверил, и при этом не открываться сознанием, прятать душу?

— Ну хорошо, — мирно, отгоняя желание схватить Сергея за горло и встряхнуть, сказал Стив. — Давай я тебе кварга покажу? А? Я жил одно время как кварг. Сейчас я найду какого-нибудь, подожди...

Сергей не отвечал. И не шевелился. Стив тихонечко послушал: тот излучал апатию и тоску. Нет, ну что же это такое?

— Сергей?

— Делай что хочешь, — мертвым голосом ответил упертый друг.

Ну вот. Насколько он знал, люди любят ходить в зоопарки. Сергей же сидел весь психически перекошенный. Может быть, красивое животное его отвлечет? Развлечёт? Кварги были аборигенами Геарджойи и больше нигде не водились.

Общение с животными успокаивало Стива. Ни тебе политики, ни тебе безумных идей или непонятных обид. Простые и ясные желания: жрать, спать, размножаться. И никаких подводных камней. Все чисто и прозрачно. Стив, ведя флаер на юг, начал сканировать степи — и вот он! Дикий сытый кварг спал в зарослях. Стив перелился в него и на мгновение забыл о себе, о том, что они во флаере. Дикая мощь хищного зверя захватила его. Автоматически посадив флаер, Стив вышел, махнув рукой Сергею. Тот мрачно побрел следом, держась в стороне. Стив почти не дышал: его захватило единство с кваргом. Подобное чувство, возможно, испытывают некоторые люди, возвращаясь в места своего детства. Он не был уже ребенком, когда год жил кваргом. Но опять пришло ощущение свободы, силы и осознание абсолютной безопасности, вот он — единственный хищник широко-далеко, и это его мир. И самая большая проблема — это поиск восхитительно вкусной добычи или редкие ритуальные драки по границам своего ареала. Он только махнул рукой, поторапливая Сергея, и отошёл от флаера подальше, чтобы не слишком нервировать кварга техникой. Все-таки два человека не напугают дикое животное так, как совершенно чужеродный тут флаер. Нет, он все равно мог с ним справиться. Что ему какой-то дикий зверь, когда он может крутить армиями... Но ему не хотелось пугать свободное животное, не хотелось чувствовать и подавлять еще один чужой страх.

Стив осторожно разбудил зверя. И сильный рыжий кварг прибежал к нему, летя широкой стелющейся рысью и задрав полосатые перья хвоста. Кварг больше всего был похож на коренастую лошадку с тяжелым клювом, но бегал с грацией кошки. Стив обнял его за шею, проведя руками по крупным жестким перьям груди и запуская пальцы в мягкую и теплую шерсть у самой гривы. Кварг замер, положив голову ему на плечо и без интереса разглядывая второго человека. Стив баюкал кварга, но и без его влияния кварг не сильно боялся. Человек для него не добыча и не конкурент. Кварг был сыт и довольно жмурился, купаясь в волнах удовольствия и щенячьей радости, растекающихся от пальцев ласкающего его человека.

— Сергей, иди сюда! Не бойся, он ничего не сделает!

Стив оглянулся. Сергей стоял ссутулившись и засунув руки в карманы. От его фигуры так и тянуло тоской и молчаливым протестом. Опять что-то не нравится? Как может кварг не нравится?

— Сергей, ну смотри, красивый, правда? — Стив придержал одной рукой кварга под клюв, а другой провел по морде, ласково потянул за ухо. Кварг вздернул голову, фыркнул и встряхнулся всем телом. Перья на груди и шее с змеиным шорохом вздыбились и опали.

— Отпусти его, — тихо сказал Сергей.

— Не хочешь его погладить? Он не опасный совсем. И ему понравится!

— Лучше отпусти его. Пожалуйста.

Стив с радостью бы сейчас на этом кварге поездил. Ход у всех кваргов очень мягкий и приятный, недаром кочевники их приручают. Но Сергей мрачнел все больше. И Стив, картинно поставив кварга на дыбки, прогнал животное в степь, с сожалением теряя связь.

— Я просто хотел показать тебе красивого зверя, — идя к флаеру оправдывался Стив.

Ну почему он должен постоянно оправдываться и опять чувствовать себя глупо? И что в этом такого нехорошего — безопасно показать дикого зверя во всей его красе и на воле?

— Люди для тебя тоже как игрушки?

— Нет. Я же ничего плохого ему не сделал. Он был рад и сыт, пошел досыпать в кусты. Пойдем, нам уже пора к Ньесу.

Глава 15. Геарджойя. Ньюс

Сергей давил аурой мрачной кислятины.

И вот что с ним делать? Стив кинул флаер до далекого Лакстора крутым прыжком. Ведь полет — это же сплошной восторг и радость! То ли Сергей все еще не желал ничего воспринимать, то ли амортизационные системы флаера так сильно замаскировали стремительность взлета по высокой дуге над редкими облаками и молниеносное падение с резким торможением прямо над парковкой. Но курируемый остался сидеть застывшей куклой. Даже когда Стив неожиданно сдернул флаер перед посадкой и облетел город. Да, на поверхности Лакстор ничем не отличался от великого множества человеческих поселений: невысокие здания с прямыми и полукруглыми крышами, неторопливые улицы, парки... Все очень привычно.

Стив держался за человека тончайшей ниточкой скана: как иначе он почувствует его настроение? Сергей немного оживился, когда переход со станции монорельса, вместо ожидаемых мрачных подземелий, вывел к нарядному бульвару. Педальные коляски и бесшумные автомобильчики ехали в обе стороны, разделенные рядом цветущих деревьев. Широкие тротуары из узорной плитки. Чистый воздух с запахом моря. Вместо мрачных пещер — четырехэтажные здания нежных тонов с нишами магазинов, закусочных, кабинетами специалистов и рукодельников. Сергей задрал голову: на голубом своде сияли солнышки и создавали полную иллюзию чистого неба с множеством солнц.

— Световоды, — заулыбался Стив. — Они передают солнечный свет в полном его спектре. Поройся в памяти, ты же знаешь, они так и называются — солнышки. Можно даже загорать.

Но Сергей уже снова скис, увидев человека в ошейнике. Пожилой мужчина шел по своим делам, отражаясь в витринах, и никто не обращал на него внимания, только тонкий обруч торчал над низким воротником куртки.

Стив взглянул глазами Сергея: он никогда не обращал внимания, как много людей носят ошейники. Мимо пронёсся увлеченно крутивший педалями мальчишка лет пятнадцати на байке. Байк был гружен под самый верх упаковками с готовыми обедами, а мальчишка как назло тоже был в ошейнике.

— Вы делаете рабами даже детей? — зарычал вполголоса Сергей, заступив Стиву дорогу.

— У нас нет рабов, — обиделся Стив. — Ошейник просто страхует и контролирует своего носителя. И не дает делать то, что нельзя. У них есть кураторы, но они не хозяева своему подопечному. У этого мальчишки куратором, скорее всего, его же собственная мать или другой человек, поверенный дознавателем. Как только куратор решит, что человек исправился, а дознаватель подтвердит, то ошейник сразу снимут. Есть люди, которые сами просят дать им ошейник, потому что он помогает! Пойдем, нам сюда.

В пешеходном переулке дома, до верхнего этажа заросшие вьюнком, стояли сплошной стеной. Редкие окна: то круглые, а то и треугольные, в кажущемся беспорядке нарушали монолит листвы. Стив, поймав немой вопрос, ответил вслух:

— Люди могут жить под землей, но не хотят оставаться без окон, хотя тут они скорее дань привычке, чем источник света. Есть дома с резьбой или скульптурами, или еще как, но тут, видимо, решили ограничиться ползучей зеленью и нестандартными окнами.

Стив открыл нежно-фиолетовую дверь с синей надписью: «Ньёс — дознаватель 184 дозна» и, приглашая Сергея в заставленный цветочными горшками просторный холл, добавил:

— На зелени под землей все повернуты.

На полукруглом диванчике под толстолистым карликовым дубом сидела разновозрастная пестрая компания. У блондинистой вертлявой девицы к ошейнику был привязан радужный бант.

Вспомнив правило дозна, Стив коротко кивнул, здороваясь сразу со всеми и проходя вглубь.

«Люди, собранные под началом одного дознавателя, даже живущие в большом городе, все равно пытаются жить по законам деревни, — Стив затараторил мысленно. Вслух объяснить было бы совсем дико. — Многие даже в транспорте здороваются. А все вошедшие на их территорию, особенно в официальных местах, воспринимаются, как возможные члены сообщества. Ну, кроме эскутера в форме. А я не в форме и не собираюсь представляться».

Сергей, сжав губы и зыркнув на Стива, застыл у единственного куска стены, где не ветвились растения.

Ничего, подождать надо совсем немножко — они успели с запасом.

Трехчленная семья с подростком, неодобрительно косясь на веселую компанию, забралась в дальний угол.

Девица с бантиком теперь восседала на коленях у толстого парня и целовалась взадос. Друзья вполголоса хором отсчитывали время.

— Приветствую, — в открывшемся проеме бесшумно возник дознаватель Ньёс. — Сергей, прошу. Стив, ты подождёшь.

Стив кивнул и ушел на диванчик для ожидающих. Сканировать кабинет дознавателя не станет. Ньёс еще решит, что он пытается влиять.

* * *

Сергей про себя улыбнулся: высокий и худой дознаватель больше походил на героя аниме, а не на официальное лицо. Руки сцеплены на животе и спрятаны в слишком длинных и просторных рукавах синего балахона, как у монаха. Белесые волосёнки стянуты в тощий хвостик. Никакой серьёзности.

Вместо кабинета за дверью была открытая терраса и буйный сад, тесно утыканный всяко-разными тростниками, кустами и невысокими деревьями. В террасу вклинивался низкий аквариум, скорее бассейн, с рыбками и кораллами. Сойдя вслед за дознавателем на песчаный дворик, Сергей увидел, что из аквариума вытекают два ручейка и, сделав петлю вокруг группы из больших камней, исчезают в саду. Напряжение и злость куда-то исчезли.

— На самом деле тут не очень просторно, но имитация хорошая, — Ньёс показал глазами на три этажа с балконами над террасой. — Моё жильё, — плавно перешел, как проплыл по миниатюрному мостику и сел в углубление на верхушке валуна.

— Я посмотрел твои материалы, — Ньёс повел бледной рукой, указывая на соседний камень.

Сергей поймал себя на мысли, что ожидал увидеть когтистую лапу или хотя бы длинные кровавые ногти. Бросил взгляд: нет, дознаватель не улыбается. Не умеет читать мысли?

— Сергей, я хочу принести тебе мои сожаления. Смерти не планировались. Мы стараемся обходиться без жертв: каждая жизнь ценна.

— Экзекутор внушил мне основы законов Империи Джи. Я понял, что дознаватели убивают людей, неподходящих для Империи.

— Ты понял слишком прямолинейно. Каждая душа приносит свой вклад. Мы стараемся обеспечить каждому такое место, где он принесет максимальную пользу для общества. К сожалению, в любом обществе бывают отщепенцы, чья жизнь может принести страдания многим. А экзекутор Стив оказался недостаточно опытен и проявил своеволие. Он безусловно будет наказан, хотя я понимаю, что твоей беде это не поможет.

— Вы же умеете читать мысли? — Сергей пожал плечом, а как еще он должен реагировать?!

— Да, конечно. И на «ты», пожалуйста. Любой ажлисс умеет, но только при телесном контакте. Прошу тебя дать мне руку, этого будет вполне достаточно. Я задам тебе несколько наводящих вопросов, потому что мне надо решить, опасен ли ты для общества или нет. Нет, это не касается твоих профессиональных навыков, это касается склада твоей личности и способов реакции. И еще, экзекутор объяснял тебе правила кураторства?

— Он сказал, что я его подарок.

— Это не совсем так. По закону жертва может взять опеку над преступником. Ты стрелял в экзекутора. Но с другой стороны, ты был спровоцирован, иначе ты бы вряд ли пошел на такой экстремальный шаг. Ты же понимаешь, что люди на этой планете...

Сергей слушал вполуха. Одно он понял твердо: этот Глашатай, будь он пацан или девица, не имел никаких прав к нему лезть! Кураторство — чисто официальный контроль, не имеющий ничего общего с извращенными желаниями экзекутора.

— То есть экзекутор не имеет права лезть... — Сергей замялся, пытаясь сформулировать главный вопрос.

— Конечно нет. Особенно теперь, когда ты будешь членом моего дозена. До конца полугодия экзекутор обязан подтверждать любое твое перемещение и решение, такое как смена деятельности и местожительства. Но ничего, чтобы было бы против твоих внутренних правил и желаний он не имеет права требовать.

— То есть я не обязан жить с ним?

— Куратор решает единолично все вопросы своего курируемого по ситуации, но я поговорю с экзекутором.

— Я хотел спросить, раз ты... Что случилось с моей сестрой? Вы её увезли.

— А разве экзекутор тебе не сказал? Елена Калинина живет на Утренней Звезде, в дозене Кина. Ты мог бы сразу с ней встретиться, если бы еще на Земле обратился к любому дознавателю. С ней все хорошо, она про тебя знает. Я спрашивал Кина. Ты можешь с ней поговорить, но пока Утренняя звезда не полностью подготовлена для постоянного контакта. Необходимо достроить сеть энергостанций. Если экзекутор, как твой куратор, внесёт тебя в список, то Кин в определенное время приведёт Елену в порталный зал и вы сможете увидеться.

— Я могу к ней уехать?

— Конечно. Но ты все-таки совершил покушение на экзекутора и у тебя полугодовой, скажем так, карантин. По сравнению с возможными наказаниями, бывшими на Земле, это даже наказанием нельзя считать, не правда ли?

Сергей появился из приемной Ньёса странно довольный, что было удивительно: ведь дознаватель сканировал его мысли! Но сразу скривился, стоило Стиву встать навстречу.

— Сергей может идти, ты его потом догонишь, — Ньес кивнул, приглашая Стива вовнутрь.

— А мы уже ждем и ждем, — пропела девица с бантиком.

— Этерс, вы пришли гораздо раньше назначенного часа. Перед тобой у меня еще Дария и Шанриар с сыном.

Стив проскользнул внутрь и остановился на террасе, повернувшись спиной к журчащей воде, живой зелени и птичкам. Ему все эти психоделические трюки ни к чему.

— Подарком я тебя видеть тоже не хочу, ажлисс экзекутор, — улыбнулся Ньес, закрывая дверь. — Ты зря играл с человеком без его согласия. К тому же, раз ты взял его в курируемые, так надо придерживаться правил. А теперь тебе сложно будет получить от него истинное прощение.

— Не твое дело, ажлисс Ньес, — огрызнулся Стив. Он выбрал дозен сто восемьдесят четыре потому, что он был далеко от дозена, где Ронах умер, и от дозена, где Ронах жил. История дружбы экзекутора и бывшего кочевника была бы сейчас совершенно некстати. А ещё Ньес любил путешествовать и часто бывал в разъездах. Стив решил, что постоянно разъезжающий вне места работы дознаватель не будет особенно копаться и вникать. И на тебе! — Мне не нужно от него прощение. Ты подтвердил, что он не опасен обществу, раз ты отпустил моего человека без ошейника. Он может получить коммуникатор?

— Мне больше трехсот лет, — Ньес выпрямился и откинул голову, глядя свысока на мелкого экзекутора. — Если совет дознавателей позволил Императору играть в экспериментальную психологию, это не значит, что мы будем также лояльны к выкрутасам его личного эксперимента. Сергей Калинин официально внесен в мой дозен, а мне важно состояние всех моих людей. Он может получить коммуникатор, и ошейник ему не нужен. Ему пошла бы на пользу изоляция от тебя, потому что ты ассоциируешься у него со всеми случившимися неприятностями. К тому же ты убил его мать. Почему ты не проинформировал Сергея, что его сестра жива?

— Я не принадлежу твоему дозену, — Стив старался говорить медленно, тихо и внятно. Как он был глуп и неосторожен! Этому Ньесу больше лет, чем правлению Джи. Может, Ньес вообще был против Джи? В смысле, сейчас правящего Джи, который убил предыдущего Джи, в бездну всех ажлисс и их склоки! — Я отчитываюсь только Императору или ажлисс, поверенному Императором. Благодарю тебя за работу и помощь. Скажи мне последнее: к какой профессии у Сергея Калинина склонности?

— Что угодно, связанное с механикой и индивидуальным передвижением, — Ньес отступил к двери и погладил замок. — Гаражи, обслуживающие гоночную трассу, вполне бы подошли.

Дверь уехала в стенку. Стив удалился, даже не кивнув.

Надо же. Индивидуальное передвижение! Чего тогда Сергей сидел чернее тучи вс флаере? Потому что поуправлять самому нельзя было? И надо же было так вляпаться к старому ажлисс. Когда же он научится думать? Старых ажлисс, которые помнят еще того Джи, осталось всего ничего, а он прямо в такого и влетел. И какое кому дело, почему не

сказал, зачем не сказал! Потому что хотел организовать неожиданную встречу. Он хотел сделать подарок и радость. А теперь получается, что этот более чем трехсотлетний гад ему нагадил! Или он сам нечаянно подгадил Джи?

Стив отошел в сторону от людского потока к витрине рукодела-гончара. Кажется, где-то тут Генри покупает кофейные кружки — по ободку были нарисованы знакомые толстенные птички с желтой грудкой и белыми щечками... Бросил скан — надо же, как далеко умчался Сергей! Но хоть идет в правильном направлении.

— Тебе все-таки надо получить коммуникатор. Терминал вон там, — Стив догнал стрелка на станции монорельса.

— Тут написано «мушиная фабрика», — Сергей разглядывал макет подземного Лакстора. — Вам мух не хватает?

— Город большой, отходов много. Делают удобрения и выращивают мясных мух. Личинки размером с ладонь, сплошной протеин и легкоусвояемые жиры...

— Дрянь какая. А на завтрак были чьи-то маленькие задницы — крысы?

— Нет! Это же четвертинки турапу. Ножки. Видно же, что птицы. Хотя крыс тоже можно найти, но их больше едят на островах. Положи руку, — Стив коснулся экрана терминала. — Система считает твое биополе, привяжет кодировки. Выбери комм, какой хочешь.

Но Сергей уже выбрал. Отщелкнул понравившееся изображение большим пальцем и спрятал в карман тонкий кирпичик модели, которая не делалась ни браслетом, ни палочкой. Но сразу достал снова и завертел, разглядывая.

— Пойдем поедим? — Стив воодушевился: Сергей выглядел вполне дружеским.

— Мух? Нет уж. Ньёс мне подтвердил специализацию. Я хочу разобраться в вашей летающей технике. Поэтому лучше прямо в инкубатор. Ты говорил, что он накормит-напоит и на горшок сводит. Подожди, — Сергей вытянул из торцевой части комма контактный язычок и воткнул комм в терминал. — Интересно цифры пляшут! У меня на счету было пятьсот этих ваших импов, а теперь только пятьдесят?! Как это понимать?

— Откуда ты знаешь, сколько у тебя было, раз у тебя комма не было?

— У меня карта банковская была, и банкомат показал счет, но карту съел, — Сергей сгрёб высыпавшиеся десять желтых ленточек с колечками и вспомнил, что карта-то была на имя Исы.

— Пятьдесят импов — стандартная сумма на месяц для курируемого. Ты же на моей ответственности. Или купить что хочешь? Да зачем ты снимаешь деньги, я куплю...

— Я привык, что у меня есть деньги. Кстати, что-то не заметил, чтобы у вас цены были где написаны. Как можно что-то выбрать, при такой секретности.

— Цены в системе всегда можно посмотреть. А потом, они всем известны. Зачем их везде писать?

— Как зачем? А вдруг кто-то сделал дешевле или лучше?

— Ну и дадут ему по-мозгам за нарушение цен. Человек должен получать радость от труда, а не от того, что за него получает деньги. Ты же не можешь съесть больше, чем тебе надо. Лучше делать можешь сколько угодно, но не опережать и не нарушать напланированный прогресс...

— То есть цены устанавливаете вы?

— Да ничего я не устанавливаю. Цены давным давно установлены, но все равно кто-то делает лучше, кто-то хочет что-то иное. Фонтанируешь идеями — иди работай в патентное

бюро, разрабатывай игрушки для будущего. Есть ограничение на выпуск одинаковых моделей, но так же на новое, которое различается только цветом или там формой. Все продумано тысячи лет назад.

— Как мне найти сестру по этой хрени? — Сергей играл с коммом, стоя в закутке вагона у запасных дверей. — Тут какие то бешеные списки.

— Задай адрес: Утренняя Звезда, материк Тарпао, город Моска, дознаватель Кин — я номер дозена не помню. Потом имя «Елена Калинина». Но связи все равно не будет, пока я не пропихну ваш разговор вне очереди, а это не так просто. Плюс на междупланетные контакты у тебя блок, как у нарушителя, но нормальной связи с колонистами всё равно нет и еще полгода не будет.

— То есть шесть месяцев я не смогу даже переписываться с сестрой? — вскинулся Сергей.

— Полгода — это пять стандартных месяцев, а не шесть. В месяце сорок дней. Найди в комме стандартное время в энциклопедии и сравни. А писать ты можешь. Напиши и отоши. Письмо уйдет в комплекте с остальной информацией во время сеанса связи.

Стив несколько раз чуть было не начал извиняться за неудачно задержанную информацию о Лене, открыл даже рот, чтобы извинится за нечаянно убитую мать, но только разозлился на себя, на Ньеса и решил подождать более удачного момента. Но добавил:

— Они тоже ни с кем связаться не могут по своему желанию. Прошу прощения. Я подарок хотел сделать. Но вот вышло глупо.

— То есть случится что на планете, а ваша Империя и не узнает? — Сергей непонятно шевельнул плечами.

— Нет, официальная связь есть, порталы работают по изветному расписанию. Но не хватает мощности для одновременной связи удобной всем. Поэтому упростили, что никому нельзя — и всё.

— Значит, если ты постараться, то я смогу с сестрой и увидеться, — Сергей поднял голову от комма и посмотрел прямо.

— Сможешь наверное, — смутился Стив. — Я постараюсь.

Сканировать Стив не решился. Кажется, все потихоньку налаживается — это здорово. На базу долетели в молчании.

Пока Сергей спал и наполнял мозги знаниями, Стив для большего авторитета лично заявился в гаражи при полигоне. Техобеспечение полигона и игровой арены было самостоятельным государством в государстве и подчинялось напрямую только коменданту базы и Императору. Поэтому ажлисс Читр вовсе не прыгал от счастья, когда экзекутор пресек именем Императора все возражения. Стив, конечно, понимал, что новичок в мастерских, отвечающих за безопасность гвардии и игроков арены — это еще один элемент риска. Но люди-игроки и солдаты сами выбрали себе занятие, а ему удобней иметь подопечного недалеко от себя. А Джи вернется где-то через месяц, и тогда уже можно будет перевести Сергея в город. У экзекутора бывают разные и очень нехорошие занятия, и человек под боком — не всегда удобно. Хорошо еще, что дознавателей на базе не было, и причину заботы экзекутора о человеке с экспансированной планеты Стив смог прикрыть императорским экспериментом. Что было практически чистой правдой.

Глава 16. Геарджойя. Полигон

Сергей не переставал удивляться безалаберности имперской системы безопасности. Он — военный преступник на испытательном сроке, а что делает главный телохранитель Императора? Сначала омолаживает его, потом накачивает знаниями и оставляет спать всю ночь в уникальном оборудовании, так называемом «инкубаторе», который простым людям доступен только за большие заслуги, а потом? Пра-авильно, потом пристраивает практикантом в армейские гаражи, облуживающие личную гвардию Императора. Ладно, сам телохранитель и по совместительству главный палач больше похож на подростка, по которому психбольница плачет. Но и начальник мастерской, с кислой мордой встретивший их на парковке, не задал ни единого вопроса, только кивнул и молча посмотрел вслед усвиставшему на летучем мотоцикле экзекутору. Потом махнул рукой, призывая идти за собой и в одном из громадных ангаров передал его мужику с непроизносимым именем:

— Вот тебе новенький, свежевлитый Сергей. Чем быстрее его натренируешь, тем быстрее он отсюда уберется. Приказ Императора.

И ушел.

— Э... — замялся Сергей. Как тут что делать? В голове было удивительно пусто, никаких следов «влитых» знаний. — Можете повторить, как вас зовут?

— Ихпотарлап Касопалбор, — засмеялся новый начальник. — Но не надрывайся, просто Лап. И на ты. Смотрю, ты пришел с пустыми руками? Ни инструментов, ни одежды?

— Ничего у меня нет. Я вообще полчаса назад не знал, где работать буду.

— Какой ты шустрый! Обычно у нас учеников и не бывает. Но ладно, ходи за мной. Привыкнешь, сориентируешься. Пойдем на склад, возьмешь тряпки и закодируешь на себя ящик с инструментами.

И всё. Никаких вопросов.

Ящик с инструментами оказался чуть ли не передвижной лабораторией размером с хороший железнодорожный контейнер, полный коробок, анализаторов и выдвижных подъемных кранов. В бесчисленных емкостях была рассована прорва инструментария, часть из которого выглядела вполне привычно. То есть отвертки, пассатижи, ключи, гайки, прокладки, проволока, трубочки, шланги всех размеров и вороха подобной мелочи. Тут Сергей понял, как работает «влив». Таращась на особо заковыристую железяку, выловленную наугад, он обнаружил, что действительно вспоминает, для чего эта железяка хороша, и куда её совать. Беда, что эти воспоминания все равно были ни к чему: картинка, всплывающая в памяти, сама требовала расшифровки, так как место, куда совать ту железяку, Сергей никогда на самом деле не видел. Да, он, оказывается, мог бы назвать все эти зажимы, рычаги и разобрать в дырках разных конфигураций, но...

— Эй, Сергей, без паники. Еще наиграешься, — позвал его Лап. — Воткни комм и авторизуйся. А я тебе дам пограть с деталюшками — наши боевые бычары умудрились обойти навигатор и сцепились в лобовую. Два скутера в кашу. Рассортируешь разбитое от целого, попробуешь поправить то, что сможешь, и начнешь соображать. Ты впервые вливался?

— Да уж, никогда раньше не доводилось, — Сергей нашел, как послать команду контейнеру и слегка напрягся, когда могучая хрень, подобрав манипуляторы и закрыв шкафики, приподнялась, скользнула к нему и замерла на вежливой дистанции.

— Ага, впервые это пугает, — хохотнул Лап. — Пошли на воздух. Вдруг столько всего знаешь, чего пока еще толком ничего не знаешь. У нас интересно. Вся техника на двойном управлении: для людей и ажлисс. Не знаю, к чему тебе ажлисское, свободных мест в мастерских с ажлисской техникой нет нигде, да и людей туда берут без энтузиазма — мы ведь напрямую с ней работать не умеем. Если только будут зазывать на Счастье и Звезду, но пока там еще дичь природная. Скорее всего, и техника у них человеческая. Не смотри на меня с подозрением, я-то человек и не рвусь ни в ажлиссы, ни на новые земли.

— Не хочешь жить вечно?

— Ничем не заслужил. Вот тебя выучу, заработаю бонусы, тогда начну копить на бессмертие, — продолжал веселиться Лап. Они вышли со склада на широченный прогон между цехами. — Давай, найди схему полигона в коммутаторе. Найди в списке сотрудников меня. Да вот! Будешь если что, сообщать мне: куда идешь, когда придешь, и что делаешь или не делаешь. Я тебе буду давать задания, в переписке найдешь. Сейчас открой письмо: пока ты в любви набору объяснялся, я тебе задание сбросил. Топай, куда там написано. Нет, стой, ты, влитый! Набор же тебя отвезти может. Хоть внутри, хоть спереди — вон сидялка выдвигается.

Приехал в другой громадный ангар, следуя за сигналом комма. Нашел лежащие рядком оба разбитых супер драндулета. Запарковал свой летающий ящик с инструментами так, чтобы не стоял на дороге, и приступил к «разбирать и разбираться». Мимо ходили люди, некоторые, возможно, были ажлисс. Ездили похожие «наборы инструментов» вхолостую или тащили за собой платформы со скутерами, одноместными сигарообразными флаерами, какой-то еще техникой. К вечеру из глубин мастерской самостоятельно выплыла полусфера, похожая на те, что сопровождали транспортники, воровавшие людей. Так близко Сергей от неё ещё никогда не находился. Длинная, как вагон, она угрожающе блестела серой сталью непрозрачной кабины, бесшумно плыла на выход. Купол над второй половиной отсутствовал. Или был стянут? Вот тут никаких знаний не появилось, но он понял, что из задней части сферы топырились тёмно-серые силовые и вакуумные — с синими полосами — пушки.

Пушки! Он понял, что это, к чертям, пушки! И даже успел увидеть, на что давить и что переключать! Нет, этот куратор точно идиот! Вливать ему такое!

Сергей еще старательней склонился над потрохами скутеров. Надо не особо оглядываться по сторонам на виду у остальных рабочих. Вдруг тут все-таки есть еще экстрасенсы, читающие мысли не в контакте, а на расстоянии?!

Но не выдерживал, несколько раз отвлекался от работы, лазал в комм. Проверял, может, пришло письмо от Лены, хотя настроил коммутатор специально для этого на вибрацию — оказывается космический мобильник тоже умел ползать по полке и жужжать. Поразвлекался, когда нашёл информацию про себя. Место рождения — Сэмла. Ага, название Земли на общем языке. Ничего не говорящая дата рождения. В личной характеристике отмечена специализация — «транспортный механик». В графе нарушений записано всего-то сопротивление экспансии, за что и получил ограничение самостоятельности на пять месяцев стандартного времени. Дозен регистрации — сто восемьдесят четыре, дознаватель Ньёс. Куратор — Стив Марк. Энциклопедия политкорректно писала, что ограничения курируемых устанавливаются куратором. И это всё? Даже обидно. Мысленно добавил себе в план: разобраться с пересчетом времени и выяснить у полудурка-куратора какие ещё могут быть ограничения самостоятельности, кроме запрета переселения к сестре, пятидесяти импов в

карман на месяц и необходимости жития с куратором?

Периодически осматривался, но не заметил, чтобы за ним хоть кто следил.

До обеда и после Сергей учил детали так, чтобы знать самому, а не замирать в испуге: выплывет или не выплывет информация. Проверял состояние, пытался чинить и кое-что починить смог к собственной детской радости — в ящике оказались запасные детали. Присоединив сложносоставной переходник к манипулятору ящика, получил данные по средним величинам. Отослал показатели Лапу, тот подтвердил, что Сергей все сделал правильно и да, место этой фигнятины в куче с работающими частями.

Ничего похожего на оружие не нашел. В голове понемногу упорядочивался вихрь знаний. Хотелось еще поковыряться с коммутатором. Походить по полигону: оттуда высоко в небо торчали четыре тонких гриба — башни наблюдения. Было бы интересно осмотреться с высоты и заодно проверить, куда он сможет пройти. От башен доносился грохот и стрельба, визг разрываемого металла, иногда даже взрывы. А там же недалеко есть ещё игровая арена с оружием! Но хотя бы первое время необходимо вести себя образцово: будет глупо вляпаться в какое-нибудь нарушение режима, ничего толком не узнав и не научившись ничему полезному.

В голове крутилась слабоуловимая мысль, связанная с использованием комм, ажласским управлением и биополем вообще. Но эту мысль в обвале информации некогда было толком додумать. Неудивительно: совсем недавно Сергей считал, что биополе — это бредни экстрасенсов и подобных шарлатанов. Однако уже вырисовывался план, намечалась цель со списком вопросов и новых знаний, которые, судя по всему, надо будет вливать, пока ненормальный куратор с абсолютным допуском горит желанием подлизаться к курируемому. Главное, не разрешать до себя дотрагиваться. Хотя он заметил, что люди и так избегают друг друга трогать — никаких рукопожатий или объятий. Максимально — мимолетный тычок в плечо, когда сотрудники того же ангара позвали его на обед и представили в столовой. Никаких шуточек или подколов не последовало. Никому вроде бы загадочный новичок не казался загадочным или даже интересным. Сергей успел слегка понервничать, когда оказалось, что за еду надо платить коммуникатором. Чуть было не достал горсть цветных ленточек, все еще валявшуюся в кармане. Но оказалось, что экзекутор все платежи перевел на себя. Кликнул «заплатить» на своем комме, а деньги ушли из кошелька экзекутора.

Совсем ночью, предварительно получив разрешение от Лапа на задержку и успев еще и поужинать — столовая работала допоздна — Сергей вылетел со стоянки последним. Маленький «человеческий скутер», полученный от экзекутора утром, управлялся как детская игрушка: балансом тела и рычажками на руле, переключаемыми большим пальцем.

Коллеги по мастерским группами и поодиночке, на похожих скутерах, колесных автобусах и автомобилях исчезали в туннеле. Сергей посмотрел план на комме: под землей поток расходился по внутренним магистралям базы. Кто-то оставлял машины на парковке у станции монорельса и отправлялся в город. Сергей сделал круг по казарменному гаражу. Заглянул в белый коридор, где его, скорее всего, давно ждал этот самый экзекутор-куратор, и отправился погулять по поверхности.

Здания, больше напоминающие макушки закопанных гигантских яиц, высывались из-за густых деревьев. Подсветка шла снизу, от неярких фонариков, тянувшихся по бордюрам дорог. Ни одна дверь не открывалась. Редкие, но, как правило, во всю стену окна, были темны. Попытался что-то разглядеть сквозь стекло, и в башке появилась информация, что

пластикло выдерживает прямое попадание фляера, врезавшегося в него на полной скорости.

Еще раз сверился по комму. Он взял слишком широко и минул зоопарк. Где-то за спиной должно было быть силовое поле, но до него еще прилично через лесопосадку, в которой бродили люди, выглядящие весьма странно в призрачном освещении, идущем снизу. Похоже, люди просто прогуливались. Или это ажлисс? Между деревьями ближе к строениям проехала группа всадников.

Вернулся. Нашел зеленое здание вивария — двери не реагировали ни на его комм, ни на прямое прикосновение. Увидел открытый вход в зоопарк. Оттуда несильно тянуло гнилой соломой и навозом. На животных смотреть не стал.

Объехал озеро и остановился на лужке у песчаного пляжа напротив казармы, которая в ночи напоминала вставший поезд со своим рядом одинаковых ярких окон.

В крайнем слева окне появилась фигура мальчишки, а в голове — его голос: «Тебе окно открыть, или объедешь с нужной стороны и скутер в гараже оставишь?»

Сергей молча стартовал вдоль казармы.

А гаденыш следил. Интересно, весь день или только сейчас?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Есть хочешь? — экзекутор встретил его перед открытой комнатой.

— Нет, — Сергей выставил плечо и двинулся обойти мальчишку, но тот заступил дорогу, указывая на соседнюю дверь, и сказал: — Я попросил Генри устроить тебе спальню в складской комнате. Поэтому и из инкубатора забрал только утром. Инкубатор работает и как консервация. Дверь я закодировал на тебя.

— Ты меня законсервировал?! — Сергей затормозил и уставился на экзекутора.

— Да ничего страшного, просто уложил в сон. Там можно хоть сто лет проспать. А я не хотел с тобой ругаться опять... Раз ты не хочешь спать со мной.

— Ещё чего! — Сергей прикоснулся к пластинке сенсора, и дверь в его личную комнату убралась в стену. Прямо — кровать, всунутая в короткий глухой тупичок. «Как в товарном вагоне», — хмыкнул Сергей. И уже застеленная. Окна нет, на стене лампа трубкой. У изголовья маленький откидной столик и одноногая табуретка. Налево длинный тупик — точно как в поезде! — в конце светилась приоткрытая ширма туалета.

— Этот угол выпирающий посередине... — мальчишка остался в коридоре, но разойтись тут и одному было негде, — Там все вещи, что тут были. Чтобы не мешали. Давай, я Генри вызову, он тебя на склад отведет, соберешь себе одежду, обувь какую, и мало ли что тебе еще понадобится. Полки, может, какие... А то у тебя даже сумки нет.

— Это правильная мысль, — Сергей сел на кровать. Точно, и жесткость матраса соответствующая, прямо для преступника. — Но вот ты мне скажи. Вы такие суперзавоеватели. Не боишься врага пускать на полигон, где бывает Император? А если я там сделаю диверсию?

— Ты разве идиот? Мы не завоеватели, а ты не враг. Ты запутался и не успел понять, что все люди — один мир. Твоего государства не существует. Бывшие правители стран и начальники армий теперь строят общие города и работают наравне со всеми. Тот, кто хочет иметь всё или пытается отомстить, тот нейтрализован ошейником или уничтожен. Ну, сделаешь взрыв или аварию, развеселишь гвардейцев. А то они мало техники ломают. К тому же Император Джи не просто неубиваемый ажлисс, а такой же экзекутор, как я. Только никакой жалости к тебе у него не будет. Может сделать так, что ты сам будешь снимать с

себя кожу по кусочкам и есть. Но он прикажет мне убивать тебя двадцатью разными способами. Тебя ради такого веселья сделают ажлисс, а я буду убивать тебя. Ты хочешь, чтобы Лена это увидела? Казни у нас публичные. А если ты будешь злиться и просто строить планы мести, которые запросто вижу я на любом расстоянии или увидит Джи... Или любой ажлисс, дотронувшись до тебя, тогда Ньёс выразит тебе сожаление, а ты пойдешь на корм мухам. Тебе это надо?

— Нет, на корм мухам мне не надо. Но вот ты устроил меня в мастерскую. «На приказ Императора», но приказа же не было. Или твои капризы приравниваются к Императорским приказам?

— А тебе не нравятся мои капризы? Ты не доволен? — мальчишка привалился плечом к косяку. — Тебе хотелось бы тюрьму или расстрел?

— Расстрел был бы логичнее... Нет, я доволен. Даже поблагодарить тебя могу. Спасибо, что не расстреляли. Но что с приказом, чтобы меня взяли в мастерские? Был или не был? Или придет Император и надает тебе по заднице, а меня все-таки расстреляют?

— Можно подумать, тебя волнует моя задница, — мальчишка хихикнул и пожал плечами. — Никто тебя убивать не собирается, если не натворишь еще что-нибудь. Джи приказал мне заняться твоей адаптацией, я и занимаюсь. В пределах его приказа и моих возможностей. Император вернется через месяц, тебя уже тут не будет.

— А где я буду?

— В Лаксторе. Всё. Генри пришёл. Бери там на складе, что хочешь...

* * *

Тогда Сергей не спросил, следил ли экзекутор за ним мысленно. Экипировался на складе под завязку. Словно в долгий поход. Тонкий и легкий супер-спальник, изолирующую подстилку, палатку, ветровку из какой-то необыкновенной и необмерзающей теплой ткани. Одежду, бельё... Миниатюрную печку кубиком размером пятнадцать на пятнадцать сантиметров, неясно почему легкую, но по словам андроида способную работать месяц без перебоя, а батарейки к ней будто бы есть везде. Глаза разбегались и хотелось утащить всё. Но решил ограничиться только тем, что сможет упереть на себе. Отлететь со склада на флаере ему же не дадут... Даже набрал сублимированного мяса, рыбы и фруктов с герметично упакованными галетами. Андроид равнодушно водил, куда просили и только отмечал на маленьких калькуляторах, вделанных в боковые стойки стеллажей, что они где взяли.

Сергей на всякий случай попросил и получил две бухты тонкой веревки, которая на разрыв выдержит и танк, и даже охотничий нож. Нож! Ему! Обнаглев, попросил ружье.

— Стрелковое оружие, а также всё, что может быть использовано для охоты или убийства людей на большом расстоянии, запрещено, — невозмутимо продекларировал андроид.

— А оно тут есть?

— На складе всё есть, но тебе не позволено брать.

— А нож? — не выдержал Сергей. — Убить на расстоянии можно и ножом.

— Это правило, — флегматично ответил андроид.

— А что еще не позволено?

— Проходить куда-либо вне мест общего отдыха и твоей работы, а также переходов

между ними. То есть одному на складе тоже быть запрещено, но это посещение на приказ эскуатора и в сопровождении меня.

— Думаешь, эскуатор может мне подарить ружье?

— Спроси его.

Мальчишка четыре дня скрывался. Потом был выходной. Вместе с сигналом будильника пришло сообщение от эскуатора, что он доверяет своему подопечному съездить в Лакстор самостоятельно. Сергей использовал прогулку, чтобы найти терминал и получить новый коммуникатор. Но как только он взял в руки новый аппарат, старый сразу же издох. Выключился.

По дороге домой так же провалилась попытка просочиться в порталный зал с группой туристов. На первый взгляд никаких билетов не проверяли, никаких паспортов никто никому не показывал. Но после узкого коридорчика, где каждый прошел самостоятельно, а Сергей подозревал просветку рентгеном, его выловили. Здоровенный андроид нежно взял его под руку и, ласково улыбаясь, назвал по имени и направил в обратную сторону. При этом сердечно извинялся и просил обратиться к куратору. К куратору Сергей обращаться не стал. Мальчишка никак не проявлялся, а Сергей еще несколько дней понемногу разбирал свой первый коммуникатор. Нашел массу интересного. Список новых знаний, ради которых он точно обратится к куратору и попросит о вливании, заметно пополнился.

А потом вдруг, посреди рабочей смены, куратор прискакал сам. Сияющий, как именинник, и потащил к себе в комнату.

— Сейчас привезут твою сестру!

Глава 17. Утренняя звезда. Лена

Стасик помог перенести вещи из больницы, да так и остался.

Днем он «вкалывал» на стройке: втыкал узкий наконечник-«иглу» в пазы между стенами и заполнял их расширяющимся и мгновенно застывающим клеем из баллона, который целый день таскал за спиной. Бездумная и однообразная работа его полностью устраивала. Команда молчаливых андроидов срезала лишнее, заглаживала дырки и ямки, наводила лоск и закрепляла бытовую технику.

Городок рос с фантастической быстротой. Начала работать мебельная фабрика — туда взяли директором отца Стасика. В Москве у него была большая фирма, и он с радостью ухватился за возможность организовать новое дело. Фабрика набирала резчиков и собиралась выпускать детские деревянные игрушки.

Однажды пришел как всегда заботливый и внимательный Кин, сел рядом с Леной на диван и обнял. И как всегда Лену охватила уверенность, что всё страшное осталось снаружи и не сможет к ней прорваться сквозь мягкие, но надежные объятия ажлисс. Кин тихо говорил, что Сережа — военный и поэтому не смог сразу приехать или зайти к дознавателю, а просто воевал. Если бы он сделал что-либо ужасное, то его бы убили. Но в Империи убивают только неисправимых рецидивистов, а Сережа не рецидивист. Отработает свой проступок и потом приедет. А если его куратор разрешит, то и позвонит гораздо раньше. Кин сразу же, как только нашел Сережу, послал письмо его куратору. Печально, что мама умерла, но Сережа её сразу и уже давным-давно похоронил. Но, насколько Кин понимает, у Лениной матери был поврежден мозг, мозг же чинить очень сложно. Надо, чтобы личность была здорова, изолирована в крилод, и тогда с помощью инкубатора можно обновить мозги в теле под постоянным воздействием изолированной личности. Но это значит делать из человека ажлисс, а для перехода в ажлисс надо сначала пройти комиссию дознавателей и иметь заслуги перед цивилизацией... Лена поняла, что маму бы все равно не вылечили, и заплакала. Кин побыл с ней и всё-таки ушел, а Лена осталась одна в пустом доме. И снова плакала. Она убежала, бросила маму, и мама умерла. Одна. Но, может, Сережа все-таки успел к ней приехать?..

Вечером пришел Стасик и потащил ее по друзьям: праздновать нашедшегося брата. Лена не решилась рассказать, что Сережа арестован. Придумала, что брат случайно попал на другую планету и у него рабочий контракт на полгода. Все равно прямой связи нет, а искать и перепроверять Стасик не будет. Веселый и шептун, он изо всех сил заталкивал смерть Лениной матери в прошлое, упирая на то, что всегда есть причина для радости. И всегда есть будущее. Лена была ему благодарна, что он не грустит с ней, как сыч. Иначе было бы совсем плохо.

Комната, которую Лена продолжала про себя называть маминой, превратилась в портняжную. Рис, порыкивая и побрякивая, двигал мебель, хотя Стасик был сильно против: зачем тащить домой работу? Будут ежедневно таскаться какие-то тётки, трясти телесами, да ещё, не дай боже, бегать с визгами в неглиже, когда он доползет в родную хату весь уставший после целого дня на ногах? Это всё Стасик говорил, когда Рис уже ушел. Ругаться рядом со здоровенным йети он побаивался.

Лена пообещала встречаться с клиентками по утрам, и, посмеиваясь, играла сама с собой в бойцов подполья, шьющих транспаранты и лозунги для свержения власти

«стасиков». Но шить было вообще забавно. Отсканировать специальным приспособлением фигуру, а потом рисовать в программе разные красоты. Вытягивать стилусом юбки и рукава, воротники-воланчики... Одним щелчком менять ткани, вставлять кружева и вышивку. Швейная машинка сама конструировала выкройки и печатала шаблон на тонких и упругих пластиковых листах. Оставалось только сбегать в магазин, купить ткань, застежки и отделку — все стоило недорого и почти одинаково — вырезать по шаблону и сшить. Хотя машинка умела не только шить, а хитрым способом соединять ткани в торец, склеивая их так, что потом невозможно было найти стык. Словно сращивала. Это было не шитье, а игра-конструктор, только как бы наоборот: сначала на экране создавалось целое, а потом складывалось из частей в натуральную величину. И наконец-то свершилась мечта детства — широченная и цветастая юбка-солнце из восхитительного шелка! Как у цыганки! Только она, оказывается, тут слегка растолстела. «На зиму жирами обросла», — похихикала Лена. На всякий случай подвернула пояс, чтобы было куда распускать, если еще больше выкормится от такой благодатной жизни, и убрала юбку в шкаф — до весны.

Долго собиралась, но решила и зашла к Катеньке: навязалась сшить что-нибудь для её дочек. И для самой Кати. И для знакомой той знакомой, что живёт в голубом доме на соседней улице. А потом пришлось составлять очередь. А потом Лена с удивлением узнала, что Кин наставил ей бонусы за каждое сшитое платье.

— Кин, зачем? Я не собираюсь идти на косметические операции, меня вполне устраивает моя физиономия. Да и ездить пока всё равно некуда. Я шью для удовольствия, ты сам говорил: работа нужна не для заработка, а для счастья!

— Ты не всегда будешь молодая и здоровая, бонусы пригодятся не только для путешествий и наведения красоты. Но и исправления возможных генетических дефектов. — Кин на экране коммa был строг и отдален. Кажется, обижается, что она давно у него не была. Или нет, просто устал? Могут ли уставать бессмертные? — Ты с Рисом по лесам гуляешь, мало ли, провалишься в какую яму и покалечишься слишком сильно для стандартного лечения. А тут у тебя как раз будут бонусы, доказывающие твою пользу обществу.

— А ты меня не будешь спасать просто так, по знакомству?

— Я не могу нарушать закон.

— Ой, ладно! У Риса капсула первой помощи с собой! Если что, он меня всегда законсервировать может.

— Это не шутки! Мне еще законсервированных в дозене не хватало лечить. Приходи через час. Я зарядил инкубатор. Будет готова биособачка для Натальи Ивановны, как ты просила.

В больнице было очередное пополнение. В бывшей Лениной комнатке жил резкий и громогласный медбрат Саша. Кин его хвалил и язвительно добавлял, что дорога на склад и обратно не занимает у него столько времени, сколько у его предшественницы.

Собачка Дезинька, чей внешний вид Кин подсмотрел в Лениной памяти, получилась как живая. Да она и была живая: теплая, с бьющимся сердечком, лижущаяся горячим язычком и лопающая что дают. Лена вместе с Кином дастала зверюшку из инкубатора — и в общую палату, где в уголке на своей кровати сидела Наталья. Она сильно сдала, как-то уменьшилась, ссохлась. Нейроожерелье с неё давно сняли, но старушка словно сломалась. Целыми днями бормотала себе под нос и даже не ходила гулять.

Кин посадил собачку ей на колени и сказал:

— Примите новую Дезиньку. Она знает, что вы ее хозяйка.

Старушка дернула руками, словно хотела скинуть животное, но тут вмешалась Лена:

— Натальванна, милая! Мы со Стасиком решили взять вас к себе. Мне тоже одиноко, и мама уже не приедет... Как раз гостевая комната внизу есть, но когда они еще будут, эти гости! Может и не будут никогда. А вам не надо будет по лестницам лазать — у нас и ступенька в дом всего одна: на террасу. Я Риса попрошу, он заборчик сделает, чтобы Дезинька с участка не убегала.

— Собачка никуда не убежит, — сказал Кин. — Она очень послушная и понимает некоторые слова. Лена, выйди со мной ненадолго.

Лена отложила пластиковый мешок для мусора, куда собралась было складывать вещи Натальванны и вышла в коридор.

Кин отвел Лену ближе к выходу и сказал:

— Бабка противная, склочная, никого не любит. Зачем тебе это надо? Мы скоро достроим пансион около школы. С фермой, огородами и оранжереей. Дети продолжают шефство над одинокими бабушками и дедушками, будут заниматься с ними чаще.

— Не знаю зачем, но у меня ей будет лучше. Жить с человеком — это не шефство в пансионе. А потом, мама у меня тоже была не в себе, я умею обращаться с такими потерянными стариками.

— Подумай серьезно.

— Да подумала я давно, — Лена решительно вернулась. Как только она вошла в палату, Натальванна скинула собачонку с колен. Если бы это была обычная собака, то могла бы подскользнуться или расшибиться. Но биоживотное изогнулось как кошка и мягко встало на все четыре лапки. И, радостно виляя хвостом, снова подбежало к хозяйке.

— Пойдемте, всё ваше я взяла, — Лена улыбнулась, наклонилась к бабке и взяла ее под руку.

— Подстилка для оккупантов! — прошипела Натальванна Лене прямо в ухо, но встала, поджав губы и всем своим видом показывая, что подчиняется грубому давлению.

Лене было смешно. Какие оккупанты? Это ученые, помощники и учителя! Но спорить с бабкой не нужно, достаточно соглашаться и гнуть своё. Помощник Саша подбросил их домой и уехал, делая за спиной Натальванны страшные глаза и кланяясь по-восточному, чем снова рассмешил Лену.

Потом Саша с Кином перенесли добро Натальванны из её квартирного контейнера на первый этаж и в «гостевую» комнату. Бабка оказалась среди своих вещей и немного оттаяла. Даже помогла сделать перестановку и навела новый порядок на кухне.

Стасик при виде новой соседки взвыл, удрал и не участвовал. Поздно ночью хлопнул дверью и разбудил всех, когда вернулся. Но Лена быстро затащила его наверх.

А Натальванна всю ночь грохотала на кухне, выставляя Ленину посуду на террасу.

Утром Лена чуть не упала, налетев на мамину сковородку прямо перед лестницей. Да, сковородки и кастрюли стали не нужными: для духовки и мультиварки комплектом к дому все получили легкие и небьющиеся контейнеры. Но выбросить мамино! К тому же, возможно, летом можно будет развести костер на заднем дворике. Поставить эту здоровенную чугуятину на камни и жарить мясо.

Стасик проснулся и снова быстро убежал.

А посудные путешествия превратились в регулярное развлечение. Бабка с нечеловеческим упорством выстраивала эскадроны Лениных чашек и тарелок на самом ходу,

а мамину сковородку приспособила для кормления Дезиньки. Хотя бы так, вздыхала Лена. Лена не хотела пользоваться бабкиными ложками и чашками, и в очередной раз делила шкафчики: чье где будет стоять. Но у бабки оказался воистину закалённый характер. Днём она пыталась испортить жизнь Лене, а вечерами цеплялась и к Лене, и к Стасику. Стасик, не заходя домой, начал зависать у друзей и вызывал Лену из дому по комму. До поздней ночи большой компанией они ходили по друзьям из дома в дом или пробовали меню во вновь открывающихся ресторанчиках и маленьких домашних закусочных. Катались на больших катерах по реке — хотелось успеть нагуляться до прихода зимы и холодов.

Но и днём Лене было куда скрыться и с кем отдохнуть. Иногда, раз или два в декаду, чтобы не быть очень назойливой, она звонила Рису, и арн, словно добрый сказочный мишка, прилетал и увозил её далеко-далеко, за высокие Полнолунные горы — там кончалась область ответственности Кина.

На противоположном склоне, где густели Загорские леса, Вроаррист строил поселок. Нашел и сманил в эти дебри команду альпинистов-природолюб-охотников. Во время переселения они отмечали десятую годовщину своей дружбы, да оказались на Звезде. Тут они освоились, вызвали семьи и ушли жить к йети. Суровые мужики играли как малые дети: прокладывали маршруты, строили избушки для себя и будущих туристов. Тут будет курорт и центр отдыха, где люди будут лазать по горам и охотиться. Рис не мог на них нахвалиться и обещал, что со временем наладит здесь плетение уникальной одежды, для чего привезет специальных генно-модифицированных пауков. Звал её переехать жить к нему. Лена со смехом отказывалась. Нет, Рис, конечно, милый, но Стасик не пошел бы жить в деревню. Да и она чувствовала себя чужой на этой незнакомой природе и было страшно: а что если случится что-нибудь? Например, аппендицит? А они в диких местах? Можно же не успеть в город.

Рис мотал головой и тыкал пальцем в спасательскую капсулу в багажнике. Такие капсулы будут в каждом катере спасателей. В поселке есть врач. Он учится работать с инкубатором. Уже установили конвертор, энергогенератор, и следующим транспортом из Империи привезут три инкубатора специально для Дома Здоровья в его деревне.

А в Москве, все чаще именуемая в народе «Мозгом» или, как произносил Кин, «Моска», уже построили кино с голограммным интерактивным показом — передавались даже ощущения и запахи.

— Ощущения в кино! — Рис то ли хрюкнул, то ли рыкнул. — Сейчас я тебе сделаю настоящие ощущения. Включи на браслете охрану от насекомых, я иду на посадку.

Лена приготовилась визжать — арн любил закладывать крутые виражи, но посадка была как в пуховую подушку. Лена даже не заметила, как они сели на голую верхушку холма.

— Возьми корзинку, — Рис вытянул из багажника пук рогатин.

— Мы будем ловить медведей?

Арн как-то обещал сводить Лену на охоту, но все было недосуг.

— Ага, и складывать их в котомки, — Рис перекинул через плечо два мешка. — Пошли.

Вокруг рос самый странный лес: как будто они зашли в стадо длинношерстных мамонтов. Густые гибкие ветви, покрытые волосяными листьями, свисали до земли. Рис поднял ближайшую и подпер ее рогатиной. С внутренней стороны висели маленькие серые яблочки.

— Это что, плесень? — брезгливо потрогала Лена мохнатый плод.

— Нет, это шерстяные орешки. Тебе как раз будет полезно. Они на вкус как мед.

— Мне все полезно, я страшно толстею. Надо с тобой больше гулять.

— Будешь больше гулять, но толстеть не перестанешь, — Рис понатыкал колья под ветви и присоединился к сбору, наполняя мешки в получившемся гроте.

— Ты издеваешься? Я не так много ем!

— А тебе бы надо есть много. За себя и ребеночка.

— Какого ребеночка? С чего ты взял?

— Я арн, я чую.

— Да брось!

— Еще чего, я тебя никуда не брошу. Хватит того, что твои мужчины тебя бросили.

— Да конечно! С чего бы это бросили? Сережа не может, Стасик работает. Ты еще скажи, что чуешь на каком я месяце!

— Месяц не скажу, но что ты беременная от праздника вселения — это точно.

— Да не мог ты ничего почуять на празднике. Во-первых, я к тебе близко не подходила, а во-вторых... Во-вторых я ни с кем не была, кроме Стасика и Кина. Кин — ажлисс и бесплодный, а со Стасиком я живу от праздника!

— Да, ажлисс не могут иметь детей, — Вроаррист помолчал. — Но лучше сходи к Кину, он должен об этом знать.

— Да ты... Столько знал и молчал?!

— Ну это же не я беременный, чтобы всем сообщать.

— А мальчик или девочка? — совсем слабым голосом проговорила Лена и села на землю. — Ты знаешь, я не могу орехи собирать. Я сейчас умру просто!

Рис, высаживая Лену у больницы и передавая корзинку с орехами, сказал:

— Знаешь, я арн и не очень понимаю ваши человеческие правила. У арнов не принято, чтобы арнека, ждущая ребенка, ходила одна и далеко от дома, Рядом с ней всегда кто-нибудь есть. Если не кто-нибудь из семьи, так тетушка-волчица. Ребенок — это большая радость и большая забота, поэтому нехорошо растить его в одиночку. Лучше, чтобы отец ребенка был с тобой почаще и побольше.

— Стасик днём работает. А так он же живет со мной!

— Зайди к Кину, — Рис вздохнул. — И всегда сообщай мне, если захочешь погулять или поговорить — я сразу приеду. Считай, что я — твоя тетушка-волчица.

— Привет, — Лена, вся сияя, нашла Кина. Он был у себя в комнатке и заполнял бланки на экране. — Ты можешь меня проверить? Мне кажется, у меня будет ребенок...

— Да? Пойдем ко мне в спальню, ты ляжешь. Я посмотрю, — Кин взял из ящика стола малый диагност, небольшой сканнер, похожий на пластмассовый грибок. Если водить ножкой по телу, то на шляпке появлялась картинка.

Лене показалось, что Кин вовсе и не удивился. И даже не обрадовался. Она легла на кровать и приоткрыла живот. Действительно, неужели она такая дурица? Но она почему-то решила, что на новом месте у нее просто немного приостановилась физиология. Ведь бывает же такое от стресса?

— Да, рыбка, у тебя будет девочка.

— Можешь поздравить Стасика — он будет отцом!

А дома разразился скандал.

Натальванна, оставшись без слушателей, нагрелась до вулканической температуры.

— Это не Дезинька! — отпихивала ногой собачку. — Ты мне специально подсунула шпионку. Она все записывает и передает оккупантам! Я даже в туалет не могу сходить, так

она под дверью караулит!

— Конечно это не старая Дези. Это новая. Кин для вас нашел похожую.

— Это не собака!

— Это собака, но как настоящая. Чтобы вы не одна жили, а со мной и с Дезинькой.

— А твоя обезьяна с тобой жить не хочет. Поэтому ты меня и заманила, чтобы тебе дом остался. Брат-то твой не приехал, загулял.

— Ой, да работает он, скоро приедет.

— Брат приедет, а ты с гориллой гуляешь, да мужиков в дом натащила. Твой-то небось жениться и не собирается. Что живете как неродные?

— Да бросьте, Натальванна, какая разница: женились или нет? Я даже не знаю, как сейчас женятся...

— А твоя мать-то где? Небось выбросили, как дохлую собаку.

Этого Лена уже не выдержала и в слезах убежала наверх. Такую, зарёванную и несчастную, её и нашел Стасик:

— Ну здрасьти! Там бабка буйнит, тут ты рыдаешь! Мне что, нафиг уйти вообще?

— Ста-асик, у нас дочка будет, — пискнула Лена, пряча лицо в подушку.

— Еще раз, здрасьти! Ты ж говорила, что у тебя все закончилось и никаких критических дней нет?

— А вот есть... То есть опять нет.

— Ты дура, что ли? То есть в этот психушник еще и младенца? Тоже орать будет. Ты чем думала? Меня спросила вообще?

— Да не думала я! — закричала Лена. — Я сама не знала! Что тебя спрашивать: ажлисс не присуждают платить алименты.

— Точно дура. Знаешь что? Пойду-ка я. Вы тут две ненормальные бабы как-нибудь сами разбирайтесь. Я к тебе переселился, думал отдохнуть от детей, ора, криков. А тут опять снова-здоровая. Сплошной ор и глупости. Счастливо оставаться. В общаге только рады будут.

И ушел.

А внизу грохотала посудой Натальванна и во весь голос ругалась на ажлисс, дурака Стасика, глупую Лену и сломанную жизнь.

* * *

Но Лена приспособилась и к бабкиным выкрутасам. Чтобы меньше с ней встречаться, выскальзывала еще до рассвета завтракать в булочную. На обед и ужин покупала саморазогревающиеся упаковки с блюдами разных народов и культур — через два квартала открылась фабрика-кухня, и там каждую неделю делали новое меню. Только успевай пробовать! Днем приходили клиентки и скучать было некогда.

Нижний этаж заполонила Натальванна. Иногда у бабки случалось общительное настроение. Она звала Лену на чай и выспрашивала о здоровье. Удивлялась, что Лену не тошнит ни утром, ни вечером. Лена смеялась, что девочка растет воспитанная и тихая и никому не мешает. А сама решила, что назовет дочку Надеждой, в честь мамы, да и так. Потому что вся жизнь превратилась в сплошную надежду. Когда убежала из дома в ожидании счастья, а потом долго-долго надеялась, что найдутся мама с Сережей. А надо совсем чуть-чуть, два стандартных месяца, и родится дочурка. Потом пройдет еще маленькая

капелюшка времени, освободят Сережу, и всё образуется. Просто надо немного подождать... Лена шила длинные «беременные» платья и ждала.

И наконец позвонил Кин. Посреди ночи!

— Я сейчас отвезу тебя к порталу — сможешь поговорить с братом. Там самая хорошая связь и большой экран.

Лена была готова мигом. На выходе из дома Кину пришлось ее поддержать: на террасе замерзло. Но это не страшно, днем все равно всё растает.

Флаер стоял там, где три месяца назад стоял контейнер с вещами.

Город светился в ночи и казалось, что маленькие домики расползлись от горизонта до горизонта. Лена знала, что она прилетела через портал внутри Полнолунных гор, но ничего не помнила, кроме самого пролета — на экранчике перед носом было показано, что корабль пролетел сквозь облако.

— Сережа тоже придет к порталу? А может его отпустят, и он придет ненадолго? Это же всего один шаг — и он тут! А можно я к нему пройду?

— Нет, — Кин потянулся с места пилота и прижал к себе Лену одной рукой. — Нет, никого никуда пускать не будут. Сережа на испытательном сроке. Но через стандартный месяц все наши энергостанции начнут работать в нормальном режиме, связь уже будет постоянной, и ты сможешь разговаривать с братом сколько угодно и по своему комму. А у нас будет большой праздник — Император придет с Благословением.

Но Лене не сиделось. Хотелось подхлестнуть катер и уже быть на месте. Хотя лететь тут всего ничего — на полдороге к деревне Риса. Даже менее стандартного часа.

Она опять не успела увидеть, где и как они влетели внутрь горы, как флаер уже пристал в громадной светлой пещере, в ряду таких же флаеров. Ажлисс снова обнял ее и повел по грубо высеченным в камне коридорам. Перед входом в туннель Лена оглянулась и сразу потерялась — на котором из этих одинаковых флаеров они прилетели?

— Я бы не нашла наш флаер...

— Это не наш, это флаер нашей области, а я просто им пользуюсь. И он отзывается на сигнал. Сюда.

Пустая яркоосвещенная комната с креслом и экраном.

— Я тут жил, когда мы тут все строили. Сядь и жди. Экран сам включится.

— Сколько я могу поговорить?

— Полчаса тебе хватит?

— Это пятьдесят минут? Да меня Сережа раньше прогонит! От столько никогда не говорит.

— Дверь оставлю приоткрытой, но тут никого нет. Вызови меня через комм, я буду недалеко, чтобы тебе не мешать.

Лена сидела и ждала. Экран осветился и там появился Глашатай. Улыбнулся и исчез вбок. А напротив стоял, опершись обеими руками на стол, молодой недовольный парень...

— Сережик?! — воскликнула Лена. — Ой, какой ты молоденький совсем! Тебя омолодили, да? А зачем? Тебе же и сорока не было! Такой был суровый дядька, а теперь младше меня!

— Здравствуй, Лена, — Сергей сел и цепко её разглядывал.

— Серкусь, перестань злобствовать. Что ты, как в гестапо прям... Сереженька, как я рада. Спасибо Кину, он тебя нашёл!

— Какое спасибо! Они маму убили, планету захватили, — Сергей потер лоб и сел,

продолжая хмуриться.

— Ну что ты такое опять говоришь... Они нас спасли! Войн не будет, голода, болезней. А маме было плохо, она вон все время к папе хотела и плакала... Это я виновата, я её бросила. Но я не виновата, меня Глашатай увел. Давай не будем про тяжелое? У меня ребеночек будет! У меня дочка будет через два, нет через... представляешь? Через месяц! Я путаюсь в этих датах ещё.

— Ленка, я даже не знаю, поздравлять тебя или как. Тебя гипнотизировали? Ты отца-то знаешь?

— И не вздумай на меня наезжать! Я через месяц рожу и всё. Никто меня не гипнотизировал. И не вздумай брякнуть про «нагуляла»! Домостроевец вооруженный. Разоруженный. Тебе там оружие, небось, не дают, да? Все было по взаимному желанию. И тут всем все равно, муж или не муж, материнство — это святое! Сама рожу, сама выращу. А потом ты приедешь. У меня все твои вещи тут. И мамины. Всё-всё здесь.

— Ленка, помолчи немного. Что ты так тараторишь... Дай я просто на тебя посмотрю. Я думал, тебя нет уже. Я даже сейчас не верю. Может, ты андроид какой. И со временем ничего не понимаю, когда ты успела-то ребенка завести?

— Все просто, привыкнешь. Просто в стандартном часе сто минут, у нас тут шестнадцатичасовые сутки, а в месяце сорок дней. Стандартный месяц это почти два земных. Все и получается.

— Тебя там где держат?

— Ой, да ну тебя совсем! — Лена всплеснула руками, вскочила, покружилась перед экраном и снова села. — Дикий ты, как был, так и есть. Хоть и молоденький. Нигде не держат, где хочу, там и хожу. Я шить научилась. Видел? Это платье сама сшила.

— Ага, как матрешка на чайник...

Лена в полный голос засмеялась:

— Ага, Сережка! Дом у меня свой. Все вещи наши у меня сохранились, только вот зайца потеряла...

— Вот твой заяц, — Сергей вынул из кармана и посадил перед экраном ядовито-розовую игрушку. — Тоже новенький.

Глава 18. Геарджойя. Лабиринт

Ристел был счастлив. Всё бежало, как забавные механические часики отца, которые он еще в детстве научился разбирать, собирать и настраивать. Колесики крутились, рычажки щёлкали, каждый зубчик падал в заранее заготовленную ямку. Двигался сложный механизм, который создал он сам! Его собственные часы, механизм его личной победы. Он докажет, что он — личность, а не арн из стаи! Не безмозглое колесико.

Конечно, олень в экзоскелет не войдет — строение не то. И физиология у животного слабовата. Вот если бы еще в начале стаи Вроа, еще до создания стаи, до всего того, из-за чего родился он и сестра... Если бы двадцать лет назад среди пойманных Империей арнов нашёлся хотя бы один, столь же умный и самоотверженный... Если влез бы в экзоскелет, то всего этого безобразия с изоляцией арнов не случилось бы. Арн в экзоскелете прокопал бы ход под силовым полем, все были бы свободны и жили бы как надо. Правильно. Это будет здорово — закольцевать историю. Довести ее до логического конца. У него есть все данные, все материалы, и он готов.

Он съездил в родную деревню: навестил сестру. Но не сказал, зачем на самом деле приезжал, даже сестре. Тем более сестре не нужно знать, что он гордится тем, что ушёл из семьи. Из стаи... Он взял в гаражах пять литров лимфы — четыре биомеха стаи Вроа выпивают столько смазки за декаду. А запасов там в цистерне на полгода... Никто никогда не обнаружит столь мизерную пропажу. Экзоскелету должно хватить лимфы на месяц напряженной работы, а потом он сможет принести еще. Если понадобится. Сестра будет рада видеть его почаще.

Ристел нацепил на лоб фонарик, достал из сложенного багажника термос с лимфой и отнес в пещеру. Поставил к стене, где отблёскивал полностью готовый, начищенный и даже снова отполированный Бо-бо. Вряд ли кто сможет оценить красоту сложной биомеханики в темноте да в глубине — свет он в туннель проводить не собирался, но самому полюбоваться было приятно.

— Рис-рис сделал Бо-бо, чтобы кой-кому стало о-очень бо-бо! — пропел и засмеялся: властелину подземных тайн самому с собой только и можно поиграть, иначе рассекретят раньше времени, и не будет никакого удовольствия. Ушёл и закрыл вход термоцитом, отражающим любое сканирование. Тоже была еще та операция — притаранить через половину Территорий эту здоровенную пластину. Но вдруг ажлисс все-таки придумают, как заставить работать свою кристаллическую технику, и понаедут? А так никаким сканированием ничего не увидят.

Он тщательно замаскировал входную нишу камнями и растительным хламом. Никто, кроме него, тут никогда не ходит. Чего бы кому понадобилось лезть в пустой короткий овраг? Далее там ущелье, потом нагромождение скал и непроходимый Фарнойский хребет. А с внешней стороны всё заперто силовым полем. Но кто хочет остаться нераскрытым, тот должен побережться сам!

И вообще он молодец — столько всего успел! Даже собрал трехколесную самоходную коляску. Электрические батареи заряжались от ветряка, но если бы не эта таратайка, то было бы сложнее найти удобное укрытие. А так под предлогом охоты можно ездить аж к границам. Никого не интересует, где он столько времени пропадает, если он возвращается с полным багажником кустарниковых фазанов. И дело только за поваром, как еще

пооригинальной приготовить дичь и порадовать народ.

Осталось проверить самую малость.

Ристел выехал окольным путем к наезженной дороге и выключил мотор. Тут уж не надо скрываться и петлять. Немного далековато, но если он все сделал правильно, то добыча сюда дотопаёт сама.

Еще час подкрадывался к месту прикормки оленей. Выжидал, пока они успокоятся, убедятся, что никого рядом нет. Опустят иголки, начнут поднимать головы, играть и толкаться носами. Медленно зарядил арбалет специальным толстым и мягким болтом. Вынул из торбы футляр с биомеханическим пауком. Осторожно выровнял по болту чувствительные лапки паука. Да, дальность и меткость стрельбы серьёзно упала, но тут главное не убить добычу, а вообще попасть в затылок. Туда, где череп прикрепляется к шее, где находится большая дырка для соединения со спинным мозгом, через которую так просто попасть в мозг головной...

Еще полчаса мучился, выбирая и прицеливаясь.

Выстрелил.

Олень получил шлепок по затылку, подпрыгнул. Но паук не подвел: олень замер, неуверенно расставил ноги и свесил голову... И рухнул на бок.

Стадо умчалось прочь, с треском ломая подлесок.

Ристел подбежал, держа наготове пульт управления. Боясь, что перестарался, сделал направляющие острые трубочки для электродов чересчур толстыми и повреждения мозга будут неисправимы... Олень лежал, слабо перебирая ногами и закинув башку прямо на спинной гребень. Паук-механоид держался четырьмя ногами за олений лоб между ушами. Пятая и шестая нога с выдвижными электродами видны не были, зажатые между затылком животного и телом.

— От дурашка, чуть глаза себе своими же иглами не выткнул... Хорошо, сейчас проверим, где у нас паучьи ножки.

Ристел осторожно перевел рычажок, и олень поднял голову на неестественно прямой шее, рывком сел. По обеим сторонам шеи из дыр под затылком тонкими струйками текла кровь: пятая и шестая паучьи ноги полностью ушли под череп в мозг животного.

— Ага... Ножки у нас там, где надо... А если вот так? — Ристел снова тронул рычажки.

Олень упал вперед, стукнувшись носом.

— Ай, не хотел, прости! — воскликнул Ристел. Подвигал рычажками, и олень, покачиваясь и оступаясь, дошел к дороге и оставленной там коляске.

— Вот и молодец, — Ристел снова усадил оленя и, положив пульт управления, достал из-за голенища сапога узкий, стилетом, нож. Зашел к животному сзади. Одной рукой приподнял паука, другой коротким ударом вогнал оленю нож в затылок. Туда, откуда вытягивались ножки-электроды. Придавил бьющего ногами оленя своим весом к земле, провернул клинок, разрушая мозг.

— Мало ли чего, чтобы никому не пришло в голову проверять, что там за следы, — пробормотал и отошел, ожидая, пока животное окончательно затихнет.

Разложил багажник в платформу. Втащил на неё тушу и закрепил веревками. Совершенно удовлетворенный результатами проверки, повез добычу в столовую.

Стив сидел в углу за инкубатором, чтобы не отсвечивать в фехтовальной зоне, и подслушивал. Искал и не находил ответа. Сергей дрался с муляжом, и сейчас его голова была пуста. Как раз это понять легко. Сам сколько раз загонял себя до изнеможения на тренажёрах, чтобы избавиться от дурных мыслей. Но вот ведь незадача! Он вполне резонно ожидал, что после разговора с сестрой Сергей смягчится. Будет благодарен. Хотя бы внешне отбросит ненависть и отвращение. Не говоря о бесконечных мечтах об уничтожении Империи, ажлисс, Императора и мести лично ему — мутанту и палачу. Нет, не проникнется любовью, но хотя бы не будет строить между собой и им ледяную стену. Хотя бы чуть-чуть будет радоваться при виде Стива...

Новые добрые дела должны были перекрыть неудачное знакомство. Сергей должен был понять, что экзекутор просто делал свою работу. Ну да, сорвался и убил нескольких стариков и больных. Но они же умерли быстро и безболезненно! Сами и не заметили. Они бы все равно умерли! Никакого смысла в их жизнях уже не было. Он не виноват, что среди этих неспособных оказалась мать Сергея! Хотелось вскочить, оттолкнуть муляж и наорать в лицо, что надо было Сергею быть дома с матерью и сестрой, а не заниматься самому убийствами на другой стороне планеты.

Было страшно, что Сергей не поймет и еще больше разозлиться.

Но почему Сергей поговорил с Леной и помрачнел, как-будто еще больше обиделся? Постоянно думал о каких-то невообразимых орудиях всеобщего уничтожения, гигантских роботах, составленных из использованных коммуникаторов, флаеров и пушек. Причём, явно не всерьёз думал, потому что как раз всё человечество уничтожить не жаждал. Только императора, несколько ажлисс и Стива, но жаждал это сделать с диким всекосмическим размахом. Полное сумасшествие.

Стив водил своего курируемого через день в тренажерный зал. Для разрядки. Выложишься до бесчувствия, и любая обида бледнеет, уходит в прошлое. Вырастил для него муляжа, подходящего по комплекции и реакциям... Но Сергей не успокаивался, а, наоборот, набирался ярости.

— Сергей, почему ты меня не воспринимаешь как человека? — не выдержал и сразу испугался. Сейчас огребет. Но всё равно пора уже заканчивать. — Нет, я понимаю, что сначала я был олицетворением смерти твоей матери и захватчиком. Потом ты мной брезговал, как оборотнем и извращенцем, а сейчас смотришь на меня, как на досадную помеху для встречи с сестрой. Но есть же закон и правила! Немного подождать, хорошо себя вести, и всё у тебя будет. А почему ты не хочешь видеть меня? Я, наоборот, стараюсь сделать тебе хорошо.

— А что? Тебе хочется любви и ласки? А не шел бы ты в... — Сергей показал муляжу ладони, выключая его, и с выдохом оперся о колени. — Подождешь своего императора, будет тебе любовь.

— Я не понимаю. Я стараюсь, но ты не воспринимаешь. Почему?

— Ты точно идиот. Нельзя бросаться на людей и говорить: у меня приказ, давай дружить! Люди не твои игрушки.

— Я не играю с тобой...

— Слушай, хватит, — Сергей выпрямился. В мыслях у него промелькнул второй смысл слова «играть» и он еще больше помрачнел. — Надоело, к чертям собачьим. Отведи меня в мою камеру и отстань. Не хочу я с тобой тут... Что ты меня разглядываешь, как насекомое?

— Ты же не хочешь со мной тренироваться, — Стив убрал муляж и соврал: — Я должен

быть рядом, иначе без меня ничего работать не будет.

— Иди ты... Гетверан, — Сергей запнулся, представляя разные варианты смерти для экзекутора, который в его мыслях превратился в жуткую бабизну с половыми органами по всему телу.

— Я сейчас не женщина! — возмутился Стив.

— А я тебе не игрушка, — Сергей, повернувшись спиной, застыл у выхода.

Стив загнал муляж и ударил по сенсору замка, словно это поможет двери открыться быстрее. Сергей решительно пошёл напрямиком к лифту. Благо, дорогу несложно запомнить: прямо и налево.

Глуша обиду, Стив вызвал лифт.

Поднялись, разошлись.

Точнее, Стив посмотрел вслед удалившейся без единого слова прощания спине своего неудавшегося друга. И снова поехал вниз.

Надо было ему лучше выбирать. Но как и когда? Что может быть надежнее дружбы, начавшейся как благодарность за спасение?

Ну и пускай...

Пора меняться к Лабиринту. А в виде Кайлы он вообще не сможет ни на что влиять: станет просто телом для ощущений, которые будут передаваться человеку или ажлисс, не желающему лично лезть в игру. Желающему почувствовать азарт, бой и боль самым безопасным образом — через игрового посредника. Андроиды для этого слишком тупы. Многие ажлисс играют сами. Где еще можно всерьез сражаться с агрессивными животными, вооруженными противниками или механоидами? Недаром преступникам давали право стать игровыми телами. Очень полезно для поднятия ценности жизни.

Закрылся в зале. Послал приказ Генри принести утром всё необходимое. Подписал мастеру на полигон свободный день для Сергея. Попробует он последний раз, и всё. Пора человека отпускать в город. Мастер говорит, что ученик уже вполне освоился со знаниями, работал и сам, и в команде. А Ньёс уже подобрал неплохое место на гонках. К тому же, Джи скоро вернется. Император еще может выдумать какую мерзость с наказанием за своевольные убийства, а тут вот — Сергей прямо под рукой. Лучше стрелка убрать куда подальше, чтобы не провоцировать.

Настроил инкубатор на модификацию и сон, выставил время, разделся и лег. Однажды он украдет инкубатор или спасательную капсулу и заляжет в спячку лет на триста или насовсем.

* * *

Стив очнулся. Успел заблокировать рефлекторное движение и, не шевельнувшись, осмотрелся вокруг сканом. Всё в порядке, Генри уже стоит и ждёт с одеждой.

Проснувшись в инкубаторе, сложно выполнять привычный ритуал пробуждения, потому что никакого пробуждения нет. Нет расслабленных сном мышц. Нет никакой полудрёмы, а перед глазами не висит мгла остаточных сновидений. Управляемый механизмом сон обновляет и освежает тело, но нет ощущения сна: просто выключился и включился.

Прислушался к себе, сравнивая внутреннюю личность с внешней оболочкой. Снаружи крупная женщина с модифицированным телом: могучие плечи, широкие когтистые кисти,

сильные звериные ноги. Но кто там внутри? Игровая Кайла или всё ещё Стив? Или, может, вообще проснулась Хакисс? Однако внутреннее «я» не видело никакой разницы в самоощущении. Может, ее и не было никогда? Но раз на неизменную личность надето тело Кайлы, значит личность будет называть себя Кайлой.

Кайла встала и переступила огромными ножищами, разминаясь и вспоминая баланс. Она теперь выше Генри. А если выпрямится в дверном проёме, то треснется макушкой о притолоку...

Взяла у стюарда свой крилод и воткнула в считывающую ячейку инкубатора — если убьют в Лабиринте, то сразу оживет здесь.

— Разбудил Сергея? — Осторожно надела зелёную короткую тунику, пряча когти в кулак, чтобы не порвать нежную ткань. Достаточно, что эта имитация одежды разлетится в клочья при первой же драке.

— И завтрак ему принес, — отчитался андроид.

Покачивая в руке ошейник и обруч — эту гадость она нацепит перед самой игрой — Кайла прошла по тихим, неярко освещенным ночным коридорам к лифту и наверх в казарму.

Стюард удалился вперед к флаеру, а Кайла постучалась в соседнюю с экзекуторской комнатой дверь и позвала мысленно: «Пора ехать, выходи!»

Сергей открыл с курткой в руках. Но, увидев монстра, не признал в нём Стива. Вот совсем никак и ни за что. Подобрался, как охотничий ягуар, и чуть было не схватился за несуществующий пистолет. Но понять его было несложно и без телепатии. Игровая Кайла — девица два метра ростом, с тончайшей талией, крутыми бедрами и здоровенными ногами как у ящера: чтобы высоко прыгать и быстро бегать. С сильными руками, чьим кистям обзавидуется любой крокодил: когтями можно железо рвать. Маленькие тугие груди торчат сосками сквозь полупрозрачную тунику. Сплошной конфликт соблазна и смертельной угрозы.

— Не вздрагивай, — Кайла хихикнула и отступила от дверей. Какое счастье, что зубы у нее человеческие. — Я — Стив, и я не хочу твоей смерти. Генри же предупредил, что едем играть. Называй меня «Кайла». Я использую имена, прикрепленные к внешности, чтобы совсем не рехнуться. На твоей работе я предупредила, что сегодня ты со мной. Пойдем, нам лететь два часа, как раз рассветет. Куртку брать необязательно.

— Я играть ни с кем не буду, — Сергей чуть помедлил, но вышел, затворив за собой дверь. И куртку взял. Еще раз смерил Кайлу неверящим взглядом и пошел следом, держась на расстоянии вытянутой руки.

— Тебя никто играть и не пустит, — Кайла сократила темп: один шаг ее длинных звериных ног равнялся полутора человеческим, и ей не хотелось, чтобы Сергей почувствовал еще большую неловкость. Достаточно и того, что его голова была на уровне ее гипертрофированных плечевых мышц.

— Штучки свои брось, — Сергей заметил ее взгляд и рефлекторно отодвинулся.

— Зачем мне? — Они вышли в гараж и Кайла направилась к лестнице на стоянку малых флаеров.

— Сама вон куртку не взяла. Даже нижнее бельё не захватила, — вполголоса проговорил Сергей.

— А зачем? Одежду надо на старт, чтобы выглядеть по-человечески. Это платице в первой же драке раздерётся. Это не те игры, что ты думаешь, — и добавила: — Нет, иногда всё-таки те. Задания бывают разные.

Сергей посмотрел еще раз и фыркнул.

— Чего? — не поняла Кайла. — На фьордах всегда ветрище жуткий, но мы-то будем внутри Лабиринта, там тепло. Одежда и не нужна в принципе.

Они поднялись на крышу. Точечные лампочки, реагируя на движение, едва загорались и тут же гасли, размечая проход между флаерами. Из степи веяло травяной влажностью и цветами. Внизу, сквозь кусты и деревья парка призрачно светились дорожки и нижние части зданий. Крыши же сливались с темнотой ночи.

Кайла повернула к открытому флаеру. В его кабине ждал Генри.

— Сядь вперед на кресло, — сказала Сергею и подумала, не послать ли стрелка назад, чтобы он взял нож, который остался под его кроватью. Бывший солдат все еще побаивался и был настороже. Оружие придало бы ему уверенности. Но решила, что нечего: пускай адаптируется. Еще сдуру нападёт на кого. Вон, поглядывает на неё и радуется, что наконец-то чудовище стало чудовищем!

— Р-р-ра-ав! Или мря-у! Я страшная и беспощадная, — завывала и пошкрябала когтями одной руки о другую, вытянув их к Сергею. — Приласкать могу только тыльной стороной кисти. Эти ноготки разрежут в лапшу и тонкий металл.

— Расскажи лучше про игру, — Сергей бросил косой взгляд.

— Да обычная игра: победи соперников, найди ключ и вернись, — Кайла отодвинула переборку и села у стенки, вытянув ноги чуть ли не поперек всего багажника. — Игроки собрались там еще позавчера. Лазают везде, знакомятся с полем боя. Думают, что им поможет, если они ощупают все ручками и рассмотрят глазками. А там звери закрыты, ловушки деактивированы и всё неинтересно. К тому же, не у каждого получается за стартовых пятнадцать минут научиться управлять чужим телом. А мне вообще наплевать: чем быстрее убьют, тем быстрее освобожусь. Только меня еще ни разу не смогли убить, я шустрая.

Флаер взлетел и Кайла сказала:

— Туда полтора часа лёту, можешь пока доспать.

Сергей развернулся к ней лицом вместе с креслом и спросил:

— Зачем тебе два ошейника? Ты там будешь пленных брать?

— Нет, какие пленные? Игра идёт на выбивание и выбывание. Чёрный — это да, мой, чтобы я не влияла на расстояния и не могла ориентироваться сканом. Всё равно из игроков никто толком сканом пользоваться не умеет, но влияние сканом запрещено на Арене и тут. Надо же всем выровнять шансы. Что ты смеешься-то? А этот желтый вообще не ошейник, а обруч на голову. В нём электроды и передатчик, чтобы игрок управлял мной, как собой, и чувствовал то, что чувствую я. Это гораздо интереснее, чем механические игрушки, и безопаснее, чем драться лично. Хотя некоторые ажлисс играют сами. Ну еще иногда каким-нибудь закоренелым преступникам разрешают пройти Лабиринт игровой фигурой, без Игрока. Вместо прямой утилизации. Один ненормальный прожил там сорок сезонов. Егс даже хотели оставить жить при игровом виварии, но он отказался. Так и помер в Игре.

— Ну хорошо. Ты едешь туда играть, а я зачем?

— А тебе неинтересно посмотреть бывшую резиденцию императора?

— То есть вы будете громить брошенный дворец, а я смотреть должен? — в мыслях Сергея появились образы горящих домов и взрывы, похожие на записи с гвардейских тренировок.

— Нет, всё не так, — расстроилась Кайла. — Ладно, сам увидишь. Никакие дома никто

жечь не будет. Нет там домов.

Через полтора часа флаер, словно спасаясь от первых лучей солнца, упал в темный провал ущелья. Сергей рефлекторно сжал подлокотники.

— Без идентификации в закрытую зону не пройдешь, — Кайла потянулась между креслами и приложила ладонь к экранчику на торпеде.

Поворот, и они уже в пещере. Флаер сел в ряд, как патрон в пулеметную ленту.

— Давно спросить хотел, — Сергей вышел первым, оглянулся на сероватые округлости летательных машин — как яйца в коробке! И пошел в единственное жерло туннеля в глубине стоянки. — У вас что, у всех одинаковые модели? И на полигоне всего ничего разнообразия.

— Разные — неудобно, — Кайла догнала и двигалась рядом длинными, слишком плавно-неестественными шагами.

Верхняя часть тела, если не обращать внимания на руки, смотрелась как приклеенная к визуализации нижних конечностей велоцераптора.

— Вон на Земле, — продолжила Кайла. — Мэт постоянно ругался: то рычаги не такие, то руль у одних машин справа, у других слева. И детали у каждой машины свои. Как поломаешь, так замучаешься искать подходящие.

— А нечего было производство уничтожать! — мстительно заметил Сергей. — Но всё одинаковое — это же тоска зелёная. Вот откуда ты знаешь, какой флаер можно брать? Вдруг вернёшься, а на твоём яйце уже кто-то улетел.

— На моём не улетит. Дома мой тот, что стоит на двадцать седьмой зарядке. Он реагирует на моё биополе, ну и на сигнал Генри. Его никто взять не сможет, кроме меня или Императора. А здесь есть только те машины, на которых прилетели игроки. Поэтому каждый возьмёт свою, и всё. А техника для рабочих либиринта находится в другом месте.

Среди вычурной резьбы стен, залезающей аж на потолок, не было видно ни дверей, ни надписей. Коридоры вообще были странно пустынными. Никаких указателей, ни ориентиров... Даже сесть негде. Встречные андроиды или, возможно, люди, прошли мимо не здороваясь и не реагируя на страшную девицу Кайлу.

— Схема есть в комме, никакой новичок не заблудится, — опять Кайла ответила вслух на мысли Сергея. — К чему на проходах сиденья? Это же как дорога. Если захотел отдохнуть, зайдёшь в любую комнату.

— Опять шпионишь! — бросил Сергей.

— Больше не буду, мне пора на старт, — Кайла дотронулась до стены и посторонилась, пропуская Сергея со стюардом в открывшийся проем. — Надеюсь, что скоро вернусь.

Посреди слепящего белизной помещения растопырилась крестовидная фигня, такой схематический человечек, ручки-ножки из матово-серого металлического бруса. С потолка, на самостоятельном раскладном кронштейне свисал шлем.

Голограмма заросшего сада с искусственными солнышками в потолке маскировала отсутствие окна и занимала всю стену напротив конструкции со шлемом.

Генри как вошел, так метнулся в угол и захлопнул ширму туалета, кем-то оставленную нараспашку.

Сергей покачал головой: опять все бело-серое и унифицированное. Если снести шкаф, разделяющий жильё экзекутора на две комнаты, то получится точно такое же помещение. Только гигиеническая каморка тут отзеркалена в другую сторону. И вместо кровати кинг-сайз стоит столик же необъятный диван. Ну еще журнальный столик и кресло рядом...

— Адапционная камера, — Генри развернул крестовину и указал на плоские

«ступни» человечка. — Встанешь на вот эти педали, и камера активируется. Наденешь шлем и увидишь меню и список игроков. Можешь присоединиться к любому. Если захочешь выйти, дотронься языком до сенсора — он в шлеме напротив рта. Но если хочешь, можешь просто смотреть, — стюард подошел к голограмме оранжереи, ковырнул в стене и из неё разложилась легкая и прозрачная конструкция типа «парта школьная». На наклонной поверхности парты появилась схема лабиринта.

— Вот, — стюард поездил пальцами по схеме на столе, и голограмма на стене послушно изменилась. — Просто двигай, и увидишь, что хочешь. Вот центральная комната с бассейном, там на дне ключ. Его достать — это цель игры. Сейчас начнут. Или пойдешь в камеру?

Сергей шевельнул плечом при слове «камера», но раз есть такая возможность, почему бы и нет? Встал на подножки, откинулся спиной на конструкцию и вздрогнул — «металл» ожил. Выползшими щупальцами оплел всё тело, формируя нечто вроде скафандра. Вся конструкция приподнялась над полом, а шлем охватил голову. Сергей, даже не стал разглядывать картинку на внутренней поверхности шлема. Немного раздражаясь сам на себя, высунул язык, и лизнул забрало изнутри. Тут же шлем убрался, скафандр съежился и пропал. Крестовина дернулась вниз, а он сам автоматически спрыгнул на пол.

— Не будешь? — материализовался рядом стюард.

— Нет, я просто проверял, как работает, — Сергей притянул к себе игровую конструкцию и снова встал на педали.

«Камера» наползла на него, как осьминог. Голову накрыло шлемом. И Сергей завис. Подвигал руками, ногами... Ощущение невесомости? Нет, он понимает где низ, где верх. Но словно не стоит, приотанный к крестовине, а плавает в необыкновенно легкой воде. Перед глазами включилась картинка: стена с надписью «вход» и сбоку, как игрушки на этажерке, фигурки игроков. Нашел фигурку Кайлы, пятую сверху. На ее полочке надпись: «ажлисс». Еще там оказалось три женщины-андроиды, горилла почему-то с витым рогом на лбу, четверо мужчин-ажлисс, очень крупный леопард, здоровенный удав, то ли с недоразвитыми крыльями на спине, то ли со скрюченными лапами, и двуногий ящер с вполне развитыми когтистыми руками и длинным хвостом. Вот от кого Кайле ноги скопировали, хмыкнул Сергей.

Вытянул руку — увидел свою виртуальную руку, протянутую к меню. Ткнул пальцем в фигурку ящера. На мгновение ослеп и... стал этим ящером. Стоял, нацелившись на пока закрытые двери, уравновешенный тяжелым длинным хвостом и слегка пружинил на мощных задних ножищах. Загорелся оранжевый свет, ящер заволновался, открыл и закрыл пасть, клацнув зубами. Стена провалилась в пол и ящер прыгнул, пригибаясь и сразу разворачиваясь, сшибая хвостом растущие прямо на входе деревца, сметая какие-то веревки, вылетевшие из крон. Вскочил на стену и миновал высунувшиеся наискось острые колья. Развалистой рысью припустил вперед, лавируя между деревцами. «Плюс три бонуса» проскочила в голове чужой голос. Справа на месте меню появились три желтые звездочки. Но думать было некогда. Ящер уже, напрягая спину, рвал передними лапами деревце. Выдрал, оперся о хвост и обломал корень и ветки. Разгреб у стены метровую полосу земли до плиток и начал обстукивать. Нашёл! Отбросил ставшую ненужной палку и с отвратным скрежетом царапая когтями, подцепил край найденного люка и дернул так, что отдалось в шее. Но все-таки отвалил его в сторону. Краем глаза уловил движение и отмахнулся хвостом. Боль пронзила хвост. Ящер развернулся, изогнулся и сорвал с хвоста двухголовую змею.

Оторвал ей головы. Рыча рванул когтями место укуса. Тяжело дыша сел.

«Минус пять бонусов» сообщил в голове механический голос. Справа на виртуальном меню исчезли три желтые, зато загорелось две красные звезды.

Подождал, пока рана не перестала кровоточить. Сунул переднюю лапу в открытый тайник и повесил на шею красный кулон на черном шнурке. «Плюс десять бонусов». Желтых звезд стало восемь.

Заросший этаж пробежал в полуприседе, склонившись к земле и прижав передние лапы под челюсть — защищая горло. Иногда прыгал рыбкой через кусты и лежащие деревья. Растительность у земли была реже, сплетаясь выше у потолка ветвями и лианами. Растоптал стаю агрессивных тушканчиков, выскочившую из какой-то ниши. Заработал еще пятнадцать бонусов. Чуть не покалечился, обвалившись на нижний этаж. Пробрался через полосу препятствий со стенками, лестницами и сетчатыми качающимися мостиками. Встретился с человеком. С ажлисс, который вдруг воткнул в землю копьё, а ящер понял новое задание: с человеком не нужно драться, а вовсе наоборот! Ящер оказался самкой! Сергей немедленно вышел из игры, стряхнул с себя экипировку и аж весь передернулся от отвращения. Ну вот что за мразь?!

Еще раз фыркнул: что ж это игры у них всё об одном? Сел за парту и приблизил Кайлу, которая лезла по стене на другой этаж. Покрутил картинку — другие игроки были далеко.

— Генри, а шлем только в камере работает?

— Нет конечно, — Генри отсоединил от кронштейна шлем и протянул его Сергею.

Кайла подтянулась и вылезла в заброшенный зал. На полу кое-где возвышались горы мусора и непонятно как оказавшиеся здесь большие округлые валуны. Между колонн висели выцветшие бледные занавески с неясными разводами.

Сергей надел шлем, присоединился к Кайле.

Скользящими шагами, внимательно оглядываясь, Кайла кралась по центральной галерее. Взошла на валун... А тот вдруг выставил суставчатые коленки и приподнялся. Кайла шлепнулась на попу и, обдирая кожу, скользнула по боку гигантского паука. Приземлилась на корточки и нырнула твари под брюхо, падая на спину. Подтянула коленки и лягнула, отбрасывая чудовище и вспарывая когтями его брюхо. Паук заверещал, застучал острыми как пики ногами, пытаясь достать врага. Но отвалился, переворачиваясь на горбатую спину и истекая белесой жидкостью.

Кайла встала. Провела ладонью по ссадинам на ляжках и заднице — кожа перестала гореть.

Паук явно подышал, поджимая мелко дрожащие ноги.

Кайла подошла к нему сзади, зачерпнула горстью слизь из паучиного тела и размазала по ранам. Потом намазалась целиком. Поднесла сложенную лодочкой ладонь к рту, высосала сладковато-липкую дрянь!

— Тьфу! — Сергей снял шлем. — Чего это она? Зачем это глотать?

— Кайла энергию тратит, а еды там нет. И кожей она может питательные вещества и воду впитывать. Она же ажлисс.

— Ты можешь принести выпить чего-нибудь? — Ощущения сладости на языке не желало исчезать.

— Сейчас, — стюард вышел.

Сергей подождал и подошёл к двери, потыркался в замок руками и коммом — безрезультатно. Не открывается. Ну и ладно. Смисла гулять по лабиринту все равно

никакого. Еще ненароком в игру попадешь.

На голограмме Кайла занималась любовью с тварью, похожей на обваренную кипятком панцирную птицу. Птица, видимо, осталась довольной, так как в спине открылся ящичек. Кайла повесила на шею очередной медальон и побежала дальше.

Остальное Сергей досматривал уже вполглаза, иногда надевая шлем и присоединяясь то к одному, то к другому игроку.

Генри привез столик, полный еды, и Сергей одной рукой вращал многоуровневый лабиринт, а другой таскал в рот закуски, удобно расфасованные на один укус. На Кайлу старался больше не смотреть, поэтому не заметил, когда она встретилась с ящером. В это время он наблюдал, как леопард удирает от обезьяны-единорога. Леопард, панически мотая хвостом и оскальзываясь по камням, перебирался через бурный поток, уворачиваясь от неожиданных гейзеров со стен и потолка.

Генри тронул Сергея за локоть и указал в другой сектор лабиринта:

— Кайлу надо забрать. Пойдем.

Ящер мотнул головой, отбросил. Бледная фигурка на фоне темно-серой стены слабо взмахнула руками и упала. Осталась лежать. Неподвижно.

Сергей перевел взгляд в угол, где шел подсчет баллов. Змея и трое человекообразных игроков были мертвы, а остальные фигурки не добрались и до половины пути. Датчик жизни Кайлы мигал на двадцати единицах из ста возможных и дополнительный значок показывал смерть. Увеличил картинку: грудь Кайлы залита кровью и рассечена так, что кажется даже торчало ребро.

— Так умерла или двадцать процентов? — переспросил Сергей.

— Она в малой смерти. Залечит раны и очнется. Но это долго, поэтому для игры она умерла.

Ящер развернулся к неподвижному телу задницей, приподнял хвост и нагадил Кайле прямо на грудь! Белая слизь закрыла кровь.

— Он — что это? Он же её обосрал!

— Нет. Это регенерационная масса. Такая же, как из паука. Биоживотные так помогают ажлисс. Все по правилам. Пойдем, заберем её. С тобой мне будет проще уложить ее на планер, — Генри потянул Сергея. Под мышкой стюард держал белый непривычно толстый поднос. На плече висела небольшая сумка на длинном ремешке.

Где-то в глубине общих проходов они свернули в узкие коридорчики, явно дублирующие игровые туннели.

Потом Генри открыл дверь.

В этой части лабиринта всюду валялась сухая трава и обломки веток, смешанные с каменной крошкой. Сергей оглянулся: нет, щебенку и траву привезли специально. Здесь оно не росло и ниоткуда не могло осыпаться.

— Не волнуйся, игроки нас не тронут и сюда не пойдут, пока мы здесь, — в руках стюарда поднос разложился в длинную, слегка овальную доску, как для серфинга.

Сергей хмыкнул.

Кайла лежала в той же позе на захламленном полу. Вблизи стало видно, что левая грудь почти оторвана, а из кровяной массы на самом деле торчал обломок ребра. От регенерационной массы остались небольшие подтеки на животе.

Стюард положил доску рядом с Кайлой и взглянул на Сергея:

— Я возьму её за плечи, а ты за ноги.

— Она жива ещё? — спросил Сергей. Кайла даже не дышала. Тело оказалась весьма тяжелым, а ноги — ледяными.

Генри достал из сумки ворсистую ткань, укрыл Кайлу, как одеялом и выпрямился, держась за край доски. Доска поднялась следом, бесшумно левитируя.

— Бывает еще большая смерть? — съехидничал Сергей. — Ажлисс же бессмертные.

— Любое живое тело можно разрушить так, что оно не сможет удерживать душу. На этот случай крилод Крошки заряжен в инкубатор. Если она умрёт, то через три часа проснётся в новом теле на базе.

— Отнесёшь её к инкубатору?

— Нет, Крошка не любит восстанавливаться в инкубаторе, — Генри вынул из сумки плоскую пластиковую емкость и вылил из неё всю воду на Кайлу. Ткань набухла как подушка. — Мы вернёмся на базу и уложим её в ванну.

Оказалось, что у доски есть не только встроенные бортики, которые стюард поднял по бокам тела, но и дополнительный крепёж. Генри вытянул из бортиков широкие ленты и они жестко застыли над телом, страхуя его от падения.

Закрепив планер с телом в багажнике флаера, Генри попросил Сергея:

— Пожалуйста, сядь рядом с ней и возьми её за руку. Ей будет легче. А если она попросит, то позволь ей взять у тебя немного крови.

— А почему бы не взять кровь у тебя? Ты же её стюард. Это ты должен ей помогать.

— Кровь ей на самом деле не нужна. Ей нужна жизненная энергия, которую она может получить от реально живых через кровь. А я биоандроид, у меня нет биополя.

Глава 19. Геарджойя. Политика

На базе стюард вывел планер с недоумершей Кайлой из флаера и пошёл впереди, придерживая и направляя левитирующую доску. Сергей ожидал, что стюард воспользуется лифтом, но они спустились по лестнице. Планер сохранял горизонтальное положение, неторопливо левитируя над ступеньками, а Сергей брёл следом и злился, что вся первая половина дня псу под хвост. На днях он как раз нашел способ, как не только оживить старый коммуникатор, но и синхронизировать его со своим вторым коммом так, чтобы старый не светился в системе, а «общался» только с легально работающим. Даже необходимые деталюшки подобрал, а тут влезли игры этого мутанта...

Сергей хотел было скрыться в свою комнату, позвонить в мастерские. Может еще не поздно явиться на работу. Но стюард уговорил помочь с Кайлой, добив сообщением, что экзекутор всё равно забронировал увольнительную для курируемого на целый день.

Не понимая, чем он может помочь бесчувственному телу, Сергей всё же последовал за Генри. Вдвоём переложили заметно уменьшившуюся и облепленную подсохшей тряпкой девицу в ванну.

В воде ткань снова разбухла, и из ее толщи стали просвечивать буро-зеленые пятна. Кайла ещё в дороге, не приходя в сознание, выкашливала комки переработанной крови. «Отходы регенерации», — тогда же пояснил стюард. Мелькнуло воспоминание о матери, о похоронах и исчезло, сменившись, словно кадры в кинофильме, сценами лета, купания в озере с Ленкой. Сергей даже закрыл глаза, казалось, даже запахло водяными линиями, обильно цветущими вдоль всего берега...

Пока Генри усаживал Кайлу повыше и прилаживал подголовник, чёрный обруч ошейника мотался под руками и вставал колом.

— Чего ж ты ошейник-то не снял? — Сергей видел, как еще в лабиринте по дороге к флаеру Генри снял и сунул в какую-то нишу заработанные Кайлой медальоны и золотой обруч.

— Ошейник закодирован на биополе того, кто его надел. Она сама его надела, сама и снимет. К тому же её ошейник должен быть на базе, а не в Лабиринте.

— Еще тепла прибавить и можно суп сварить, — заметил Сергей, наблюдая, как Генри включает обогрев ванны.

— Суп? — Генри выпрямился и секунду подумал. — Нет, это не опасно: максимальная температура тридцать девять градусов. Пожалуйста, сядь сюда и возьми Крошку за руку. А потом выключи воду. Я пойду вычищу флаер, но сначала принесу обед: Крошке понадобится еда для компенсации истраченных на восстановление сил. И тебе тоже пора поесть — время послеобеденное.

Сергей присел на широкий бортик. Преодолевая отвращение, опустил руку и потрогал странные нашлепки на внутренней поверхности ванны. Нажал, и одна из нашлепок открылась двумя полукольцами. Сергей приподнял половинку наручника и защёлкнул его. Интересно, кого надо приковывать в ванне? Или именно тут экзекуторша убивает? Множественно... Вдавил наручник на место и достал из-под тряпки вполне человеческую руку. Резкие черты «игровой Кайлы» изменились, превратившись из грубо-женских в нежно-девчачьи.

Крошка еще на пол-дороге пришла в себя — полурефлекторный процесс не требовал

вмешательства разума, тело само возвращалось в запрограммированную генетикой форму — и сбежала в мысли Сергея. Тот как обычно злился. Но всё-таки меньше, чем если бы она была в сознании. Сразу же заблокировала восприятие запаха разложения: регенерация сродни гниению и отходы пахнут соответственно, у Сергея это вызвало картинки с мёртвой матерью и похоронами. Притягивало за собой мысли о войне и мести... Это удивительно, как можно столько времени лелеять бессмысленную идею мести! Крошка не удержалась и направила размышления Сергея на родных, на детство, на знакомых женщин... С грустью убедилась, что Сергей умышленно не заводил подружку. Избегал серьезных отношений и не хотел детей. Боялся, что погибнет, а дети останутся сиротами. Боялся за сестру. Глупый, надо будет подтолкнуть к нему какую-нибудь озабоченную размножением девицу, и он поймет, что в Империи нет никаких опасностей, а дети — это хорошо...

Крошка возвращалась в облик молоденькой и смазливенькой девчущечки — такие нравятся всем. А ей всегда нравились мужчины. И все равно какие у них лица. Руки гораздо выразительнее и говорят о человеке больше, чем лицо. За лицом человек следит, а про руки забывает. Но не Сергей, который в негодовании от исчезнувших мозолей и шрамов озаботил Генри, а стюард приволок и повесил в уголке перед туалетом тренажёр — «боксерскую грушу». И теперь человек каждую свободную минуту яростно «набивал костяшки». Крошка спустилась сканом по руке, сдерживаясь, чтобы не погладить выпуклые вены. Вот уже пальцы обзавелись царапинками и ссадинками. У коротко остриженных ногтей заусенцы... Суставы припухли. Насколько эти руки не похожи на эстетично длинные пальцы Джи или на вовсе лишённые возраста руки ажлисс!

Крошка потянулась поцеловать сплетение вен, провести языком...

Сергей вздрогнул и вскочил, выдернув руку.

— Прекращай! Что за рабские привычки!

— Почему рабские? В Империи нет рабов, тут все свободны. И это же приятно. Я могу сделать и тебе приятно.

— Тьфу же, — Сергей опять думал о врагах, уничтожении и о мальчиках в постели. — Опять врешь.

— У нас никто не врет. Ажлисс не врут, потому что умеют читать мысли. А люди не врут, потому что дознаватели всё равно найдут правду, — Крошка села, придерживая тряпку на груди: Сергею не нравится, когда она голая. — Я с Земли. Ты с Земли. Ты мог бы быть моим братом.

— Нет уж. У меня есть родная сестра.

— Спасибо, что остался со мной. Мне проще регенерировать, если я могу спрятаться в чьих-нибудь мыслях.

— И подслушивать.

— Нет. Я не слушаю, что ты думаешь, я просто впитываю... Пропускаю через себя твои эмоции. Это помогает мне не слышать раны. Я же никому потом не рассказываю.

— Шла бы в инкубатор, раз-два — и здоровая.

— Не хочу. Ты не понимаешь. Пока я восстанавливаюсь, меня никто никуда не пошлёт. Это время только моё. Это здорово, иметь своё время.

— Будешь высасывать кровь?

— Нет, мне не нужно. Тело Кайлы большое, мне хватило энергии.

— Опять будешь Стивом?

— Нет, — Крошка отвела взгляд. — Называй меня Елиз... Буду Элиз. Елиза-вета...

Меня так звали. Давно. Смешно! Вторая часть имени звучит как запрет: «вето». Я и не помнила. А ты в меня выстрелил на озере, и оно пришло. Всё равно дурацкое имя.

— Кайла нравится больше?

— Нет, она мне вообще не нравится. В ней неудобно, а сегодня еще и игрок попался: то по пустому проходу еле ползет, то на ящера грудью. Неопытный, ну я и поддалась немного.

— Елизавета, — Сергей желал уйти.

— Мы все люди, даже ажлисс, — заторопилась Крошка. — А ты всё размышляешь, как построить военную машину. Перестань!

— Да уже! — Сергей вылетел из гигиенического угла, кинув через плечо: — Я не робот, в отличие от вас.

— Там еда на столе, — Элиз крикнула вслед. — Подожди немного, я хочу тебе расска...

Элиз вытерлась. Так и хочется взять этого Сергея и треснуть об стенку! И что всё время не так? Всё равно он никуда не уйдет, пока она его не отпустит. И дверь не откроется.

Посмотрела на себя: она уже почти нормальная девушка. Конечности еще великоваты и суставы слишком толстые, но еще полчаса — а торопиться ей некуда — и будет вылитая Хакисс. Хотя она не Хакисс. И больше она не будет меняться. Всё, она это она. Не будет больше притворяться и прятаться. Только если для работы. Только если захочет Джи.

Нашла в шкафчике платье в пол и поверх него надела свободную рубашу Стива. Платье было без рукавов, а маячить голыми частями тела перед Сергеем не хотелось.

— Ненавижу длинные волосы! — вышла, завязывая волосы в хвост. — Могла бы, ходила бы вообще лысая. Да сиди!

— Ну и ходи лысая, раз ты свободный человек, — при виде Крошки, Сергей сделал попытку встать. На столе были нетронуты оба подноса с едой.

— Спасибо, что подождал, — Элиз взяла ближайший обед и села спиной к двери. — Я люблю сидеть на полу. Но экзекутор должен иметь такую длину волос, чтобы можно было заплести уставную косичку...

— Подождал! — Сергей усмехнулся. — Ты меня тут закрыла. А волосы тебе отрастить — пять минут. Но ноешь, вместо того, чтобы делать.

— Я тебя сейчас отпущу... Но сначала быстро объясню, почему не надо мстить.

Сергей пожал плечами и открыл поднос.

Будет неприятно вспоминать... Вряд ли Сергей встретится с регентом Территорий Крисом, но нехорошо рассказывать то, что может знать только дознаватель и экзекутор. Поэтому имя она изменит.

Элиз начала рассказ.

...На планете Жилайсу есть дозен, один из многих. Горсточка островов в стороне от морских и воздушных путей. За порядком смотрел дознаватель Линбаон, но его имя сейчас стерто из архивов. Люди на архипелаге традиционно придерживались культа бога-смерти Аода и его жены и отражения богини плодородия Дао.

Дочери и матери работали на полях в разбросанных по островам женских посёлках, а сыновья, достигнув годовалого возраста, отправлялись в крепость: мужскую коммуну и охотничий городок.

Мать Кирста смогла родить только его и не захотела расставаться с единственным ребёнком. Одевала, как девочку и прятала сына десять лет. Конечно, все раскрылось, Кирста

забрали, а его мать сделали тренировочной добычей для охотников. Пока ее убивали, Линбаон, у которого были зачатки экзекюторских способностей, внушал маленькому Кирсту основы истинной мужской любви.

Мальчик вырос, но не захотел жить традиционным укладом. А так как люди в Империи свободны, то попросился на корабль, который привёз необходимые вещи островитянам и собирался отплыть, забрав местные товары. На материке Кирст стал работать спасателем и, не жалея себя, бросался в самые опасные места. При наводнении в окрестностях Араока очень разумно организовал население и никто не погиб. Да и вообще, много делал хорошего. Но не смог организовать семью, потому что время от времени его накрывало приступами ненависти, и тогда он становился невменяемым. Ему нужно было что-нибудь или кого-нибудь ломать. Но в основном он справлялся с этим сам. Он не хотел никому рассказывать.

— Ну да. А дознавателей на вашем материке не было, — поморщился Сергей.

— Дознаватели не ловят людей по улицам. Они следят за своим дозеном и за проблемными. А взрослого человека, хорошего работника просто так ни один дознаватель допрашивать не будет. Да и не имеет права.

Пришло время для Благословения Жилайсу. Кирста, как одного из лучших спасателей, выбрали в почетный караул Императора. Кирст там стоял и мучался, неумело пытаюсь закрыться от Лучей Добра и Любви. Люди, как правило, счастливы получать радость, но вот он вроде тебя — противился изо всех сил. Потому что искусственное счастье слишком уж напоминало ему дознавателя Линбаона.

Император заметил человека, который противился Благословию, и поговорил с ним. Императору не нужен телесный контакт для сканирования, поэтому он все понял и послал комиссию дознавателей на архипелаг. Комиссия проверила Линбаона и приговорила его за нарушение общечеловеческого блага к смерти. И теперь все ажлисс время от времени проходят исповедь у комиссии случайно подобранных дознавателей, чтобы не случилось подобного самоуправства...

Но у Кирста остались порченные мозги. Даже став ажлисс, не любит ни мысленное общение, ни Благословение. А для сохранения психического равновесия ему надо время от времени «выбивать злость», для чего у него есть андроид.

— Какое мне дело до ваших буржуйских игр? — Сергей опять был раздражен.

— Подожди. Один раз вместо андроида Кирсту дали меня. Подарком. И я чуть было не сошла с ума, — голос у Крошки дрогнул: Генри привез ее от Криса изуродованную и почти мертвую, как после Гайдеры. У нее даже не осталось сил на регенерацию. А после инкубатора ей еще долго было плохо. Ужасно плохо. — Но это моя работа, и я не держу на него зла.

— Ублюдская система. Почему ты не убила его, раз ты палач?

— Он хороший работник, а быть подарком — моя работа.

— Ты безмозглая трусливая тряпка...

— Нет, — перебила Элиз. — Я не трусливая. Я спасла тебя.

— И думаешь, я буду тебе руки лизать? Вы высасываете людей, как скот.

— Нет же! Не нужно никому лизать руки. Каждый должен делать то, для чего он лучше всего годится. Не надо рвать все только для себя, потому что так и получаются войны и краткоживущие людские государства. Те, кто хотели власти, сделали революцию, всех активных убили, дома и имущество посжигали, а потом и сами умерли. А выжившим все строить с начала и опять убивать? Ажлисс остановили это!

— Да конечно! Я посмотрел как вы живете: на всем готовом. Пошел на склад, взял что хочешь. Но вот какие-нибудь кочевники или еретики живут как пещерные люди.

— Избыточное имущество запрещено. Жизнь одного человека очень коротка, и если он направит свои силы на то, чтобы у него было пятьдесят кроватей, он все равно не сможет на них спать. Имущество будет неразумно простаивать. Никто не может спать на пятидесяти кроватях одновременно. А кочевники выбрали такую жизнь сами! Каждый ребенок должен познакомиться с естественной жизнью в природе и каждый ребенок уезжает дети на год к рыбакам, кочевникам, лесорубам. Год жизни в простых, естественных условиях. И многим это нравится. Это нужно, иначе общество перестанет развиваться.

— Кому нужно? Они же там дровами печки топят! А я вон взял энергокуб, он месяц может целый дом обогревать. У тебя я что-то печки с дровами не вижу. А люди вручную урожай собирают. Я видел.

— Если люди не будут работать, то вымрут!

— Да сдохни сама! — Сергей вдруг схватил кресло и грохнул им в окно. С треском отломился подлокотник, кресло бухнулось на пол. — Мне похрен, девка ты или лысый парень. Что ты ко мне-то приклеилась? И тебя, и твоего Кирста в нормальной стране давно бы упекли в психушку.

— Все ажлисс дали присягу и работают на благо людей! За этим следит совет дознавателей! И Император, — Элиз тоже встала.

— Да на хрен кто следит! Ты убила мою мать. Твой Император уничтожил мою родину, вы уничтожили мою жизнь.

— Я спасла тебя, и ты будешь жить, — прошептала Элиз, отступая в спальню. — Родина у тебя осталась там же, где и была. На Земле достроят систему, и потом сможешь туда съездить. Даже сможешь обратно переселиться. И вместе с сестрой, — открыла дверь, но торопилась сказать важное: — Мастер сказал, что ты уже разобрался со всем, чем надо. Можешь идти к себе. Вечером я волью тебе знания, которые ты просил, а завтра с утра отпущу в Лакстор. Ньёс договорился о работе. Адрес жилья и работы будет в твоём комме. Но тебе не надо привлекать к себе внимание, не надо провоцировать ажлисс мыслями о мести. Объясни мне, чем я тебя обидела сейчас.

— Тем, что ты меня присвоила, как вещь!

Сергей вышел, стукнув кулаком в косяк, и поехал в мастерские: забрать из ремонтного ящика отложенные детали. Заодно попытался свистнуть кое-что из инструментария. И безнадежно завис у контейнера. Мастер сказал отписать контейнер от коммуникатора, но излишне умная коробка не желала расставаться с бывшим хозяином, пищала и упорно высывала опустевшие ячейки. Сергей распихал неудавшийся грабеж по местам и ещё раз безнадежно потыкался в сеть. Однако так и не нашел соответствующий магазин, где бы смог приобрести хоть какие инструменты.

— Что, не получается? — увидев, что бывший работник всё еще топчется на складе, поинтересовался мастер.

— Лап, где вы инструменты покупаете? — рискнул Сергей.

— Мы не покупаем, заказываем в гаражи. Пойдешь на работу, там всё будет.

— Да я не привык так, что у меня ничего нет с собой. Как голый...

— А что своё не привёз?

— У нас же техника совсем другая!

— Уговорил, — хмыкнул Лап. — Собери себе дорожный набор. Будет тебе подарок на

память, — мастер влез в нутро контейнера и отключил сигнализацию.

Утром экзекуторша выпустила его из инкубатора и молча ушла к себе, но оказалась в коридоре, когда он вышел с одним рюкзаком за спиной, другим в руке.

— Хочешь, я тебя отвезу флаером, — подпирая косяк и упорно глядя в пол спросила Элиз.

— Нет. Я без проблем и твоего гипноза доеду поездом.

— Хорошо. Скутер оставь на стоянке у станции, Генри заберет.

И закрылась в комнате.

Чувствуя себя как перед отпуском, Сергей поехал в город. Сел к окну в почти пустой вагон. Внутри поезд почти ничем не отличался от обычной электрички, только гораздо свободней. Двухместные диванчики стояли настолько широко, что оба рюкзака, прислоненные к стенке под окном, оставляли еще массу места для пассажиров.

По навигатору комма нашел адрес своего будущего жилья в дозене Ньёса и сильно удивился, что получил трехкомнатную квартиру в общежитии для бездетных молодых пар и одиночек.

Люди говорили о работе, отпуске, магазинах... Всё как везде.

На следующей остановке напротив сели две девушки. Брюнетка в меняющей цвет куртке приземлила левитирующий вертикальный чемодан к рюкзакам. А другая, беременная, с большими желтыми сережками-дисками и колье, жевала булку с начинкой. Запахло колбасой и острым соусом. Судя по всему, брюнетка встречала беременную подругу, приехавшую порталом.

— Вот у вас около Лакстора таких проблем нет. Император под боком, сразу все делают, небось, — капризным голосом вещала беременная. — А у нас вода же везде. Новенькие радуются: в море хоть из окон прыгай. Вот дождевой резервуар починили вроде, а как текло, так и течет. Стена поехала, покрытие отвалилось. Льюк пришел, ногтем поковырял и говорит: ваш лимит исчерпан, надо было вам аккуратнее резервуаром пользоваться. Сказал, что отберет бонусы у ремонтников. А мне теперь что? Их бонусами стену затыкать? Вот пока могу, у тебя поживу. А рожать вернусь к себе, мне там программа идет.

— Попросись в другой дозен, — ответила брюнетка, выставляя из чемодана на столик бутылку, стаканчики и бутерброды в прозрачных коробках. — Будешь гуяпу или воду? Ты же беременная, тебе нельзя в сырости.

— Сок налей, но половинку. У нас там везде вода, и новеньких подселили, всё занято, — раздраженно скинув крошки с колен, беременная схватила стакан. — Это если только в другой дозен проситься. А тогда у меня бонусы за постоянку пропадут. И вообще, не хочу снова переезжать, вещи таскать... Не хочу. Я после родов в доме ребенка поживу, а там посмотрим...

— Опять отдашь? Не хочешь хоть одного мимишечку себе оставить? — подруга распаковала бутерброд и на раз затолкала чуть ли не половину в рот. — И бонусов больше, — добавила невнятно.

— Ой, да ну их. Это же никакой жизни! — беременная сделала гримаску и высунула язык под сморщенный носик. — Они же орут, гадят. Кормить надо по часам. Для мими уже семья есть, а мне бонусы нужны без такой головной боли. Меньше, конечно, чем самой выращивать. Но я уже набрала на коррекцию здоровья после климакса, и вообще, у меня все по плану.

— А папка что?

— А папке плевать, он пока в нормы по генетической частоте вписывается. И бонусики ему тоже капают, прямо как из моего резервуара! — засмеялась беременная. — Когда не только у меня течет, но и к соседям просачивается.

Сергею стало тошно: неужели бараноголовые заполонили всю Вселенную?! Подхватил рюкзаки и перешёл ближе к дверям. Надо будет спросить Ньёса, где и когда он будет с Ленкой разговаривать. Возвращаться к эзекутору сильно не хотелось. Она... Тогда еще он. Тьфу ж ты, кикимора эдакая! В общем, он или она, но все равно неприятно, что это существо может подслушивать. Чем дальше от такой твари уедешь, тем здоровее будешь.

На своей станции перешел на другую сторону, взял по подсказке навигатора педальную коляску. Прокатился, и даже с удовольствием, по зеленым улицам, свернул в нужный переулок. Нашёл между домами парковку для педальной таратайки, где её и оставил, подумав, что должна быть служба, как на Земле у супермаркетов, которая ищет и развозит коляски по местам постоянной приписки.

С некоторым недоверием поднес комм к замку подъезда. Основательная, деревянная, с вырезанными птичками и зверюшками и прозрачными ассиметричными вставками, дверь доброжелательно отозвалась женским голосом:

— Сергей Калинин, добро пожаловать домой!

Сергей замер, подождал, но потом сообразил и нажал на ручку — двери оказались говорящие, но не автоматические. Теплая и тоже деревянная ручка поддалась, а дверь легко и больше не говоря ни слова открылась внутрь.

Из просторного и светлого подъезда, скорее холла, с лавочками и цветочными горшками, поднялся по широкой лестнице на второй этаж. В обе стороны — широкий коридор. Пахло варёными овощами.

У дверей его квартиры почетным караулом маячил Ньёс. Опять как волшебник в синем балахоне. Соединённые перед собой руки спрятаны в широких рукавах.

Сергей поздоровался.

— Могу зайти к тебе? — кивнул в ответ Ньёс.

— Конечно, — Сергей обнаружил замок на стене на уровне пояса. Приложил комм. На базе достаточно было коснуться рукой.

Входная дверь открывалась на кухню. У оранжевых шкафов с прозрачными дверцами и каким-то минимумом посуды стоял квадратный зеленый столик. На нём топорщились сложенные ножками вверх четыре зеленые же табуретки. Прямо, налево и направо комнаты веером. Сразу у входа бородавка шкафа, с другой стороны санузел.

— Это стандартная квартира в моём дозене. Пока ты здесь, она будет твоя. Три смены постельного белья и полотенца новые. В стазисе небольшой набор продуктов и готовых блюд.

— Спасибо. — Сергей поставил рюкзаки и заглянул в нежилые комнаты: кровать, стенные шкафы на голых полах, кресла между пустых стен. Светильники уже привычными трубками в стыках стен с потолком. Единственное окно было в средней комнате, той, которая находилась сразу за кухней. Также без цветов или занавесок, но из него был виден внутренний дворик: деревца, кустики, какие-то яркие, явно для детишек, конструкции. Если бы не арочная крыша вместо неба, то полностью реальный вид обычной улицы.

— А куда делись предыдущие жильцы?

— Родили ребенка и получили более просторную квартиру в семейном доме с яслями.

— Когда мне на работу?

— Хоть завтра. Но я предлагаю тебе взять колёсную машину и проехаться, например, на юг до Ахая. Там море, зоны отдыха. Можно взять яхту и проплыть вдоль берега. Посмотришь на Империю изнутри. Я думаю, тебе было бы интересно.

— Я же под надзором. Меня даже андройды вылавливают.

— Надзор пока никуда не денется. Конечно, через порталы тебя не пропустят, — Ньёс улыбнулся и удовлетворённо кивнул. — Ты помнишь. Я убрал информацию о твоём неудачном побеге из системы.

— Зачем?

— Для адаптационного периода твой побег логичен, но находится в противоречии с твоим характером, стремящимся к дисциплине и порядку. Но если потом ты захочешь поменять дозен, то зачем тебе дополнительные сложности в биографии? По планете ты можешь гулять где угодно, ты же не еретик, у которого даже комма нет. По комму всегда видно, где ты. А экзекутор может мгновенно тебя отыскать по биополю.

— А к еретикам я могу поехать?

— Можешь, куда захочешь. Но ты, мне кажется, всё-таки городской человек, а еретики не признают многое из технического прогресса и ведут очень простой образ жизни.

— Экзекутор ещё должен позволить...

— Экзекутор разрешит. Это я возьму на себя. Ты обязан его спрашивать и отчитываться, но можно это делать через меня.

— Мне должна звонить Лена, я не знаю когда, а возвращаться на базу мне бы не хотелось. А если я буду где-то в дороге?

— Это вообще не должно тебя волновать. Лена может с тобой связаться где угодно. У тебя же есть комм.

Глава 20. Лена и Сергей

Лене никак не удавалось привыкнуть, что поселение именуется Москвой. Про себя она говорила Стартрек, а Катенька подговаривала пойти к Кину и уговорить его переименовать городок в Мозг. Кин же областной начальник — местный голова. Но Кин откровенно смеялся, что мозг звучит грубо и неласково, пусть уж лучше «моска» — так звалась пушистая домашняя зверушка с его родной планеты.

А так всё было хорошо. Раз в декаду Рис прилетал за ней на флаере и возил на прогулки. Рассказывал, что зима в этом климатическом поясе быстрая и малоснежная — и правда, снег лежал только на горах.

Рис похвастался родительским клубком пауков-ткачей. Он привел Лену в приземистый сруб, изнутри отделанный гладким и крепким пластиком — деревянные стены ткачи прогрызали насквозь. По теплому и освещенному желтым светом сараю широкими рядами стояли рамы. Каждая в своем тазике с водой. По рамам ползали отвратительные пауки, похожие на больших и черных многосуставчатых крабов, и обсасывали намазанную на нити кашку. Из спинных желёз выделяли пушистые комки твердеющей оранжевой паутины, взбивали её задними ногами в пену и застилали раму тканью.

Туристическая станция арна очень разрослась и была почти готова. На следующий год дочурка Наденька сможет там кататься на санках: горнолыжники, переселившиеся к Рису и с бесконечным энтузиазмом выдумовавшие всё новые и новые способы отдыха в горах, построили безопасный детский ареал.

А потом пришла радость: Кин договорился и ещё раз свозил её к порталу, а брат отозвался не с базы, а прямо через свой коммуникатор!

— Ой, тебе уже разрешили путешествовать, — вместо приветствия воскликнула Лена, увидев за Сергеем широкое поле и небо.

— Смотри, — Сергей повернул комм и показал цветущий луг, смешные круглые домики на высоких фундаментах и мохнатых коров, пасущихся невдалеке. — Это степь. А это... — экран дрогнул и сфокусировался на улыбающемся лице смуглой девушки. — Жемайя-кочевница. Моя будущая жена.

— Здравствуй, Елена, — Жемайя оглянулась, и экран закрыло множество коротких косичек, завязанных разноцветными ленточками. — А вон мой сын Айарах, тот, в синей жилетке, — Жемайя протянула руку и показала на группку детишек. Один и правда был в синей жилеточке. Рядом, на лавке около классического ангара ажлисс сидела старуха в пестром платье и то ли вязала, то ли разбирала что-то на коленях. — Ты не против, если я войду в вашу семью?

— А отец Ай...раха? — спросила Лена и смутилась.

— Он умер полгода назад — упал с быка, а спасатели не успели. Но я выросла в большой семье, не бойся, я не уведу у тебя брата!

— Да что ты! — Лена всплеснула руками. — Я просто ждала Сережу, а теперь... Он останется у вас? Или ты приедешь с ним? У меня большой дом, пять комнат, но со мной живет старенькая Наталья Ивановна.

— Не волнуйся, я привыкла к маленьким домам. Во время перегонов мы все живем в одном фургоне. Только на стойбищах посвободнее. Если ты не против, то я приеду с Сережей. Тебе после родов будет нужна помощь не старушки, а молодухи!

— Конечно, я не против. Я очень рада.

А Жемайя хлопнула в ладоши и убежала.

— Хлопок — это они так прощаются и здороваются, — пояснил Сергей, поворачивая экран на себя. — Кочевники дотрагиваются только до родных и знакомых.

— То есть тебя она руками уже трогает? — захихикала Лена. — Ой, да не дуйся! Я так рада, так рада! Она индуска? Шаровары у нее смешные, с овечьими хвостиками.

— Ну откуда здесь индусы, сама подумай! Кочевница она. Они все смуглые, целыми днями на улице.

— А тот большой дом, там рядом старушка сидела с детьми, вы в нем живете?

— Это хозяйственное здание и склад. Там классы, туалеты, ванны, кухня, всякое оборудование. Они только выглядят дикими, а так современнее нас с тобой, связь постоянная с городом. Вон, смотри, их дома — юрты, только на фундаментах. Юрты они разбирают и возят с собой, а фундамента есть на всех становищах. И никто тут ничего не разрушает и не ворует. И ажлисс к ним не лезут.

— Это хорошо, что ты женишься. Значит, больше никого стрелять не будешь. Всё-всё, — заметив, что Сергей собрался возмущаться, Лена уточнила: — Как ты её нашел?

— Да как обычно, любопытная ты Варвара. Ехал, попросился переночевать, потому что палатку ставить нельзя. Сейчас овцы рожают, и можно ездить только по дорогам. Ты не представляешь, у них по степи дороги выложены брусчаткой и в отличном состоянии.

— Если Глашатай тебя отпустил, почему ты ко мне не приехал?

— Еще не отпустил. Срок кончается через месяц. Но, оказывается, он не имел права меня задерживать на базе, по планете я могу ездить. Вот и поехал.

Дома же шла затяжная война с Натальванной. Узнав, что брат приедет не один, а вместе с женой и даже с ребенком, бабка окончательно свихнулась. Бубнила и придиралась целыми днями.

— Ты с врагами да мутантами волохаешься, — Натальванна незаметно спрятала в кулачок кусок булки и, сделав вид, что поправляет накладку на карманах вчера сшитого пиджачка, кинула булку Дезиньке. Биособака жрала все, включая очистки и специи. — И собаку мне подсунула не живую. Небось за мной следит, записывает. Камеры у нее в глазах.

Лена не слушала. Лелеяла в памяти разговоры с Сережей. Скоро достроят энергостанцию, связь будет постоянной, потом кончится срок кураторства и Сережа приедет. Как раз маленькая родится. Всё очень удачно: она бы не хотела переезжать на планету к глашатаю. Хотя спасибо ему — взял кураторство над Сережей. Сережа всегда был совершенно несговорчивый и бескомпромиссный. А глашатай его простил. Спасибо ему. Но находиться рядом с этим «ангелочком», который может включить свой «голос» и ты потеряешь себя и будешь делать то, что он хочет?! Недаром Сережа боялся, что её тут заставляли... Лена сложила посуду в мойку.

— Проститутка, — продолжала выговариваться бабка. — Меня заманила, чтобы тебе дом дали. Как бы семья у тебя. Скажу Кину, что с этой гориллой гуляешь, он тебя из дома выгонит. Как только брюхо не мешает. Ты еще ту обезьяну в дом приведи, тогда свободных комнат и не останется.

— Дались вам, Натальванна, свободные комнаты! В двух комнатах сразу быть не можете.

— Ты меня запереть хочешь? Я должна сидеть в своей комнате и не выходить? А ты сюда народу наберешь?

— Это не народ. Сережа женится и приедет.

— А меня, значит, в мою комнату запрешь.

Лена махнула рукой и пошла наверх.

— Ты барахло своё старое выкинула бы, — усилила голос Натальванна. — Фабрика работает, можно новое взять. Кину скажи, он тебя без очереди пустит выбрать!

Лена закрыла за собой дверь. Фу-у-х! Выдохнула и села. Дочка была на удивление тихая, почти не шевелилась. Лежала себе и росла. А живот уже утомлял. И так не сядешь, и сяк не ляжешь. Стоять же — вообще всё тянет и болит. А бабкины нападки не трогали. Она бурчала постоянно, хотя брючные костюмы, на которых совсем свихнулась, носила с удовольствием. И это было главным: если бы бабка ее не любила, то и вещами пользоваться не стала бы.

Но только разложила новые выкройки, как заголосила бабка:

— Лена, поди сюда! Духовка опять не включается.

Опять намудрила и оставила внутри тряпки-хваталки. Вот сто раз говори...

Лена спустилась на кухню. Натальванна с победным видом сидела на стуле. Рядом стояла мамина сковородка. Лена вздохнула: эта сковородка как будто имела свои ноги — бегала по всему дому. Словно стая сковородок, хотя Лена выносила ее на заднюю веранду по пять раз на дню.

Осторожно опустилась на колени, заглянула в зев варного шкафа. И тут что-то тяжелое упало на голову. Лена еще успела удивиться: неужели шкаф оторвался от стены? И провалилась в темноту.

Натальванна положила сковородку в раковину. Вот теперь образумится.

А сковородка хорошая, надежная! Еще советских времен.

С натугой перевернула Лену на спину. Вот, теперь так и есть: подскользнулась и башкой треснулась. И прям об угол стола. Как в кино показывали. На полу растекалась кровавая лужа. Натальванна брезгливо, кончиком пальца мазнула по краешку лужи, вытерла палец о стол — вот и след удара. А что? Собачонка Кинова всё время под ногами вертится. Вот и зацепилась. Бах — и об стол. Затылком-то. Много ли беременной надо? Не будет дурища в дом всех зазывать! Жила бы с Кином, и дома бы все было, а старья бы не было. А то пошла в ухажерах копать, перебирать! Обезьян инопланетных ей подавай. Человека выгнала, а с гориллой якшается!

Затаила дыхание. Прислушалась, присмотрелась. Дышит. Хрипит как-то, но дышит. Ничего, откачают.

Вышла на улицу и закричала, заголосила:

— Ой, что же это делается! Леночка упала, голову разбила!

Зорко по сторонам глянула: вон и эта жердина Йирт бежит — опять не работала, а у Катьки языками чесала.

— Наталья Ивановна, что случилось? — Йирт взяла бабку за руку и тут же оттолкнула, да так грубо.

— Да эта балбеска упала, брюхо-то здоровое, сама неуклюжая, — Натальванна сбилась и пошла за ажлисской, которая уже скрылась в доме.

Кин посадил флаер. Думать только о том, что перед глазами! Выскочил из багажника, толкая перед собой спасательную капсулу. Надавил на крышку, останавливая капсулу у дверей и раскрывая. Выдохнул — голова холодная, бездна! Спокойно зашел на кухню и опустился на колени в кровь, рядом с Йирт. Рядом с едва живым телом носительницы. Обе руки сунул под кофточку, провел по животу: ребенок в порядке. Облегченно вздохнул,

пошевелил плечами, расслабляясь. Подвинулся немного ближе к голове носительницы. Нет, это Лена. Лена! Спокойнее, всё в порядке. Это бедная беременная женщина. Тщательно просканировал тело матери, проверил голову.

«Кин, я остановила кровотечение, но там очень много...» — Йирт коснулась пальцами запястья Кина.

«Вижу», — сбросил ее руку, но сразу же передумал и на время разговора сам дотронулся до Йирт.

«Может, достанем дитя? В капсуле дозреет...»

«Нет».

«Такие повреждения мозга без изоляции души нельзя поправить...»

«Как это случилось?»

«Натальванна её...» — Йирт передала воспоминание, увиденное глазами старой женщины.

«Забирай чёрную, и едем в больницу», — Кин поднял Лену на руки, вынес и уложил в капсулу. Забрался вместе с ней в багажник флаера.

— Натальванна, вы поедете с нами, как близкий Лене человек, — Йирт, крепко держа преступницу под руку, закрыла входную дверь. — Вся информация будет в системе, это несчастный случай! — крикнула столпившимся соседям.

Втащила полусонную спутницу в кабину и набрала на навигаторе конечную цель — больницу. В дороге продолжала держать старушку одной рукой: как хорошо, что Кин научил её успокаивать людей! Она успокаивает даже лучше Кина.

— Да, это случай, — сзади Кин связался с дежурным по больнице. — Заблокирую внутренний проход к конвертору. У нас тут беременная с кровоизлиянием на пол-мозга и чёрный. Да, вот и у нас случилось. Никого чтобы нигде не было. Комиссию я вызвал. Хватит двух, это ясный случай. Мы войдем прямо с улицы.

Флаер сел вплотную к техническому входу. Конверторный зал всё еще не отделили от инкубаторного и, конечно, никакие люди сюда пройти не могли. Лена была бы удивлена — эти двери никогда не открывались. Она так и не узнает, что это прямой путь к месту производства фиал, а не место присоединения будущего дома Кина. Свое жилище при больнице Кин собирался только немного расширить, а строить около временной работы дом он считал избыточным. Зато приглядел отличный мыс для основания самостоятельного поселения, которое он создаст, если ребенок родится без дополнительных случайностей.

Кин толкнул капсулу к инкубатору. Пока она тормозила и плавно опускалась на пол, Кин достал из стенного шкафа ошейник, надел на Натальванну и приказал:

— Отойди в тот угол, сядь на пол и молчи.

— Ну а может все-таки попробуем инкубатор? — Йирт присела у капсулы, разглядывая датчики на ее боку.

— Нет. Головной мозг — это не задница. Есть травмы, которые не восстановить без тесной коррекции биополем самой личности. Восстанавливая оболочку, мы можем повредить содержание. Нервная ткань должна расти под воздействием сознания, а не вне его. Буду приходить сюда и общаться с ребенком, чтобы он не был одинок в спящей матери, — Кин сел на пол и вытянул ноги, обокачиваясь о капсулу как раз над животом Лены. — Омр и Фия должны быть тут в любую минуту.

В зал вошла пара ажлисс — узколицый безбородый мужчина и полноватая невысокая женщина с соломенного цвета косой, уложенной вокруг головы. Оба в форменных

дознавательских балахонах, пряча руки в широких рукавах.

— Это ваш чёрный? — женщина указала на Натальванну и пошла к ней навстречу. — Ничего страшного, я просто поздороваюсь.

Мужчина остановился у первого инкубатора.

— Она была моей сотрудницей, — Кин встал, кивая на капсулу, — поэтому я исключаю себя из кольцевого допроса. Можете начинать, я сейчас сниму ошейник. Наталья Ивановна, подойдите к нам и дайте руки дознавателям.

— И тут человек прыгает и вцепляется мне в горло, — проговорил басом Омр и замкнул кольцо, взяв за руки Фию и старуху. — Шутка. Расскажи нам, что произошло...

Кин почти не слушал. Какой смысл? Сканом на расстоянии он не владеет, а старуха может вслух молотить всё, что угодно. Дознаватели же увидят то, что было на самом деле. И что старуха думала, и почему она пыталась убить Лену. Это всё тлен и мусор. Важно, что ему теперь отчитываться за фактическое убийство в вверенном районе, а это дополнительное внимание Императора. Да ещё особь была выбрана очень неудачно. Придётся принять меры, чтобы не показать никому ничего лишнего.

Дознаватели окончили процедуру, отпустили старуху, и та сразу же зарыдала. Но умница Йирт обняла ее, что-то забормотала той на ухо, и снова стало тихо.

— Подтвержаем чёрного, — склонив голову, официальным тоном произнесла Фия. — Умысел, исполнение и отсутствие раскаяния. Жизнь данной особи бессмысленна для общества и даже вредна. Подтверждаем помещение беременной в капсулу для сохранения естественного развития ребенка. Единогласно. Ждём завершения.

Кин поклонился комиссии, взял бабку за горло, заглушая её эмоции контактным воздействием скана, и отвел к конвертору. Открыл ковш. Положил руку убийце на лоб, вызвал обратной регенерацией обширный разрыв крупных сосудов мозга и тут же сбросил тело в ковш. Наклонился, закрыл приёмник конвертора. Машина тихо загудела, разбирая тело на первичные элементы.

Обернулся и поклонился комиссии. Йирт тихо продолжала сидеть на полу. Подумал: «Бедняжка. Надо бы её успокоить — это первый чёрный в её жизни».

— Я сделаю визуализацию для информации людей и внесу в систему, — сказал Омр.

Оба дознавателя синхронно поклонились и ушли.

Йирт тихо подошла к Кину, всё еще стоявшему между конвертором и инкубаторами.

— Прости меня. Я растерялась и всё испортила.

— Нет, — Кин вздохнул. — Ты сделала, что могла. С людьми всегда так, они быстро умирают.

— Мне жаль. Ты был к ней привязан. Я думала, сделаешь её своим партнёром.

— Нет, это было бы неразумно. Еще первичная проверка при перелёте отметила замедленное сворачивание крови и неудачное строение таза. И во время родов могли случиться всякие дополнительные неожиданности, ты знаешь как это бывает. Сохранять жизнь роженице, которая не может выжить самостоятельно из-за генотипа и исходного строения организма — запрещает закон естественного развития цивилизации. Ребенка она хотела сама, я же не мог предполагать, что она выгонит своего избранника. А делать избранником ажлисс человека, беременного чужим ребенком, тем более глупо. Пойдем, переложим ее в инкубатор.

Глава 21. Второй экзекутор

Последние три декады до возвращения Джи Крошка провела как во сне. Лежала закутавшись в одеяло и невесомо витала в голове Сергея, который знакомился с планетой и вёл себя приличнее некуда. Спал на природе в обозначенных для ночёвок местах. Охотился, где разрешено и на кого дозволено. Бродил по городам и посёлкам, разговаривал с людьми. Сошёлся с разбитной кочевницей. Очень близко сошёлся. Крошка обрадовалась, но не рискнула подглядывать за интимными играми, хотя было интересно, как Сергей чувствует сам, без внушения. Главное, что он ни на кого не злился.

Убедилась, что за Сергеем следит Ньёс. Подглядывание в дневник дознавателя не вызвало никаких моральных терзаний. Крошка даже успокоилась: Ньёс всего-навсего дознаватель. Просто отслеживал сигнал комма Сергея и изредка с ним разговаривал. Никаких антиимперских мыслей не имел, ничего не скрывал. Один из многих. Да и с прежним императором ничем не был связан — мелочь дозенская.

Съездила на два плановых задания-подарка и тут же выбросила их из головы и из памяти.

Где-то посередине между подарками пришло сообщение с Утренней Звезды для Сергея Калинина: его сестра Елена Калинина получила травму мозга и была помещена в консервационную капсулу для сохранения жизни ребенка. Крошка взъярилась и наложила на информацию вето. Убрала из дознавательской подсистемы и запретила Ньёсу что-либо сообщать Сергею.

— Ты не права, экзекутор, — тщательно выговаривая слова и упорно лова её взгляд, вещал с экрана мгновенно отозвавшийся Ньёс. — Люди должны знать о своих родных. Любая ложь приводит к еще большим проблемам. Сергей и так...

— Ажлисс дознаватель, — Крошка ответила твердым и уверенным взглядом. Она была рада, что связь не передает состояние биополя и мысли. Мысленно она жаждала оторвать Ньёсу голову. И еще она отомстит этому разгильдяю Кину: не смог уследить за сестрой Сергея! — Это мой курируемый и я сама решу, что ему лучше. Скоро Император едет на Благословение Утренней Звезды и я найду немного времени, чтобы зайти в больницу. Если она жива, то я её вылечу!

— Ажлисс экзекутор считает, что лечитель Кин недостаточно опытен?

— Я считаю, что я сильнее любого лечителя, — отрезала Крошка. — А моему курируемому не нужно переживать. Он недавно разговаривал с живой и здоровой сестрой, а ко времени следующего контакта я всё исправлю.

И отключилась.

Оставшееся время медитировала над докладом Сейо, официальным ответом Императора и хрониками с Благословения Сэмлы. Пыталась понять, что решит Джи: накажет или нет за самоуправство во время экспансии? Это хорошо или плохо, что она теперь Элиз? Дневник Джи недоступен даже для неё. Можно было бы подсмотреть настроение Императора через дневник Марка, но такой способ уж слишком походил на подглядывание. И казалось, что тогда она сама разорвёт интимную связь между собой и Джи, как бы признает, что второй экзекутор ближе Императору, чем она.

Вообще это всё так странно: она никогда не задумывалась о других экзекуторах. Нет, она давным давно узнала, что она совсем не единственная. Даже прозвище досталось по

наследству. Джи сказал, что это был какой-то гвардеец, первым попавший в отборочную матрицу... Который потом, ошалев от взорвавшихся в нем возможностей, забыл долг и присягу. Потребовал почестей и прав со-правителя. Джи убил его. Естественно, зачем оставлять проблему на долгие бессмертные времена? Раз предал в малом, предаст и в большом. Люди же рождаются постоянно, есть из кого выбрать...

Но Джи хранил у себя крилоды. Тех, кого не убил навсегда. Дура Хакисс думала, что она единственная, кто реально живет. И никогда не проверяла, не искала. Ей было достаточно однажды увиденной шкатулки с крилодами. Полный кристалл звучит пойманной душой, пустой же только легонько пахнет аурой своего хозяина. Но она не проверяла, кто там пустой, кто полный. Она никогда не проверяла. Пойти проверить?

Спустилась на Императорский уровень, прошла через рабочий коридор, которым Джи исчезает из своих покоев в обход приёмной и секретарской. Двери послушно открылись, значит Джи не изолировал её. Может, это ловушка? Провокация?

Джи все время проверяет ее. Столько лет. Нарочно провел перед ней второго...

Кивнула Эжу, знятому уборкой.

Открыла шкаф, где двадцать лет назад видела шкатулку с крилодами. Ничего нет. Закрывает глаза, просканировала всё вокруг. Услышала! В кабинете.

Вернулась, села за рабочий стол Джи. Протянула руку. Пальцы почувствовали знакомый сигнал. Открыла ящик. В картотеке докладов и чипов с лабораторными записями, в отдельной ячейке лежал её собственный одинокий крилод. Вот так просто и... Где остальные? Ещё раз просканировала — нет ничего. Спрятал.

Проверила кодировку замков — в отсутствие Императора разрешено приходить только ей. Даже Вику нельзя. Зачем прятать крилоды? Боялся, что она их украдёт? Кому вообще понадобились бы порченные экзекуторы?

Эж с пылесосом удалился в спальню, а ей стало неловко. Действительно, она тут как вор.

— Эж, подойди! — провела ладонями у тела андроида. Нет, и в нём крилодов нет. А было бы забавно! Но больше искать не будет.

Вернулась к себе и больше никуда не выходя дождалась возвращения Джи.

Смотрела в прямой записи как кортеж покинул Сэмлу и влетел в малый порталный зал. Через дневник Марка проследила, как экзекутор прямо с портала закрылся в инкубаторе тренировочного зала, изменился в свою теломорфу и ушел через Малый портал на Западный континент, пасти своих коров.

Ждала.

Темнело: собирался дождь. Включилось искусственное освещение.

А в покоях Джи солнышки естественные — настроены так, что просто передают внешний свет. Если снаружи пасмурно, то и у Джи полумрак. Сколько раз Крошка, вздрагивая от молний в грозу, говорила: «Благодарю тебя, Мой Император, что во благе нашем ты не провел к себе и ливни с электроразрядами». Джи даже улыбался...

Мигнул сигнал на экране:

— Экзекутору от Императора.

Отправляешься на декаду к Марку под его ответственность, для отработки дисциплинарного проступка, совершенного во время экапансии на Сэмле.

Подпись Джи и императорская печать.

Заныли руки. Джи не хочет наказать её сам? Что значит «под ответственность»? Почему

не «присягнёшь»? Как же надоела эта императорская манера говорить загадками! Но похоже, Джи серьезно недоволен. Даже не поздоровался. Не позвал. Не сказал, как «отправиться». В таком случае...

Подтвердила прочтение и, как была босиком и в синской пижаме Стива, побрела на крышу.

Декада считается с момента получения приказа, поэтому она будет долго и упорно лететь флаером. Трусливо отложит «отработку» на время перелета.

Может, надо было остаться Стивом? Хотя это тоже не спасение: лучше Марку не напоминать, что ему пришлось работать в чужой теломорфе.

Флаеру еще полдня лететь над океаном, а потом над бесконечными равнинами Западного континента. Элиз несколько раз успела пожалеть, что сорвалась как дурочка... Не взяла с собой Генри. Не взяла ничего поесть. И сейчас умирала от голода. Ничего, будет меньше сил, быстрее накроет малая смерть. Или большая. Что было бы еще лучше, так как крилод на базе — а она проверила и смогла услышать свою ловушку, оставшуюся у Джи — и тем самым наказание будет считаться завершённым. Хуже было бы, если бы Джи отдал и крилод.

В голову упорно лез гараж Криса.

Погружаясь в воспоминание, Элиз заплакала от жалости к самой себе. Но пережить это нужно. Снова и снова и тогда любая боль изотрется и побледнеет до прозрачности. И уже не будет болеть.

* * *

Тогда прямо с утра появился Генри и, вместо завтрака, принес сложенный плотный мешок.

Стив испугался. Вскочил и уставился на стюарда.

— Это еще что?

— Прости, но завтракать не нужно. Ты едешь подарком к регенту Кристоферу. Джи уверен, что ты справишься.

— Какой подарок Крису?! — Стив похолодел. — Он же меня терпеть не может! Ему дай волю и... — Стив шлепнулся обратно на кровать.

— По результатам последней исповеди регента Территорий арнов Кристофера, дознаватели прислали рекомендацию... — Генри вынул из мешка две пары наручников и кляп.

— Да мне плевать на его исповедь! — взъярился экзекутор. — Это еще зачем? Мне не десять лет. Я умею молчать когда надо, а обложить его смогу и мысленно! Если захочу, так он вообще в окно выкинется, буду я с кляпом или без.

Хорошо, что он заранее не знал своего расписания. Теперь работа с Юи выглядела как взятка.

— Регент захотел, чтобы ты был связан, с кляпом, и я тебя привез в мешке, — Генри поставил экзекутора на колени в мешок и сковал ему руки и ноги, захлестнув цепочку наручников через цепь между щиколоток. — Но ты же не будешь ему ничего делать?

Стив мотнул головой, мысленно отвечая: «Не буду. Чтоб он сдох».

Генри завязал мешок, поднял на руки и вышел через внутренний коридор к гаражам.

Там положил ношу в багажник маленького двухместного фляера и вылетел к дому регента.

* * *

Стив лежал и старался максимально успокоиться, чтоб дышать неглубоко и редко. Нет, удовольствие можно получать по-всякому и всё может в конце концов выйти расчудесно. Волнующая и нежная боль на грани страха, особенно когда твоя беспомощность и призрак легкого ужаса возбуждают твоего ведущего и тогда ты возбуждаешься сам, входя в знакомый и привычный ритм сексуальной игры и, найдя резонанс с ведущим, полностью слившись с ним биополем, стимулируя и усиливая его переживания сканом, входишь в пик эмоционального и физического наслаждения. Но для этого объект должен хотя бы нравиться заказчику. Ладно, экзекутору ничего не стоит внушить любовь кому угодно... Но с чего бы Крис, который считает экзекутора тряпкой и лживым ничтожеством, захотел именно его?.. Это плохо пахло. И, кстати, скоро в мешке будет нечем дышать.

Стив просканировал окрестности. Фляер сел на заднем дворе. Домик регента стоял слегка в стороне от наземной дороги в город-спутник Императорской базы Лакстор. С живописной возвышенности, окружённый с трех сторон лесом, открывался вид на город. Некоторые люди, заслужив бессмертие и перейдя в статус ажлисс, оставив в прежней жизни полное имя и всех родственников, переселялись на место работы. Так было проще гвардейцам, кроме нескольких командиров, и абсолютно всем ученым. Не то, чтобы они не имели права общаться со своими смертными родственниками, но это не было принято. Ажлисс — это часть движимого и недвижимого имущества Империи. Но некоторые все-таки собирали карманные средства в кулак и обзаводились индивидуальным жилищем. «Наш Крис из таких крыс,» — начиная паниковать, думал Стив. Генри выложил его и улетел. «Крис, ну где же ты, скотина?» — Стив ощупывал сканом дом и пытался выбраться из мешка. Воздуха уже не хватало.

Крис нашелся — неторопливо спустился по лестнице со второго этажа и направился к задней двери.

«Поздравляю!» — послал Стив.

Регент мысленным пинком выгнал экзекутора из своего сознания.

Тело хотело дышать, но не было чем и не было как. Стив задышался. Дрожа, обливаясь потом и отплывая в обморок, он вломился в сознание регента, заставил молнией пробежать последние несколько метров и развязать мешок. Выныривая из безвоздушной и липкой темноты, выскользнул из сознания Кристофа, вздохнул полной грудью. И сразу же упал, получив пощечину:

— Не смей!

Кристоф приподнял его за волосы, встряхнул и другая пощечина разбила губу.

— Не смей лезть в мою голову, слышишь, ты! Мелкая дрянь!

Стив зажмурился и закрылся в коконе тела. Невольно потекли слезы. Больно же! И совершенно не эротично! Он что, с ума сошел? Ладно. Он не будет раздражать этого идиота еще больше. Раз так испортил начало. Подождет команды от юбилянта...

Крис зашёл в дом и сразу же вернулся. В руке — нейроошейник.

Его, Стива, нейроошейник! Из его собственного карцера!

Стало совсем тошно. Пока он растекался благом на Желайсу, Джи, скотина, отдал

Крису его нейроошейник! Уникальный экзекуторский скан будет заперт ошейником в границах тела, словно у стандартного ажлисс, а он не сможет не только остановить Крису, если будет совсем плохо, но ошейник заставит его подчиняться любым приказам!

Кристоф защелкнул платиметовый шнурок, подцепил пальцами и потащил Стива на крыльцо. Пересчитав ступени вверх, а потом вниз в гараж... Зачем гараж? К чему гараж?! Разбив бедро и изворачиваясь, чтобы поймать немного воздуха, Стив окончательно поддался панике.

В гараже оказалась лебедка. Трос был перекинут через блок в потолке. Кристоф подцепил на него перекрещенные цепи наручников, поднял «подарок» на уровень своих глаз и отрезал ему уши. Стив глухо охнул и невольно дернулся. Наручники врезались в запястья и щиколотки. Кисти и стопы отекали и быстро перестали что-либо чувствовать, но тяжело пульсировали, рождая нездоровое созвучие с болью в голове. Стив одеревенел и замер, стараясь остановить раскачивание, но Крис ткнул его ножом в плечо.

Стив откачнулся и на обратном пути наделся на подставленный нож, мерзко царапнувший по ребрам. Крис молчал и раскачивал его методичными тычками ножа. Нож чавкал в теле и отвратительно задевал кости, окутывая Стива вязким омутом бритвенной боли.

Регенту не нужна любовь! Регент хотел уничтожить.

Стив честно старался выдержать, но быстро перегорел. Он всегда мог уйти в сознание другого человека, отключится от боли, но сначала его держал глупый долг, а потом... Потом он не успевал сосредоточиться, а ошейник не давал убежать.

Крис подвинул ванну и опустил потряввшего сознание экзекутора в воду.

Стив пришел в себя. Тело жадно впитывало воду, раны затягивались. Кристоф появился сзади и всадил острый крюк под ребра.

Стив закричал и, боясь утонуть, боясь очнуться, опять провалился в темноту малой смерти.

Потом регент снова подвесил его. Накачивал водой, пока не лопнул кишечник...

Продолжал и продолжал загонять во тьму, а Стив возвращался только для того, чтобы снова уйти... Но он все-таки смог поймать транс. Если нельзя наружу, то всегда можно внутрь... Он нырнул в густую патоку черной боли, стараясь не слышать, не видеть, не чувствовать, повторяя про себя мантры благодарности Джи, который научил проходить сквозь боль, оставляя её за границей себя.

Но Крису было мало страдания тела, он начал звать его, сдергивая на кол безумной игры. Требовал от ответов на бессмысленные вопросы, требовал реакции, криков и слез. Не можешь кричать? Так хотя бы стон, хотя бы хрип. Но только осознанный, идущий из сердца. Крису было мало рефлекторной дрожи и неосознанных криков, он хотел войти внутрь души и остаться там незарастающей раной.

Регент снял кляп и требовал признаний в несусветных дикостях, и Стив соглашался с ним. В конце концов, что такое слова? Лишь звук, сотрясение эфира, гаснущее ещё на губах. Сначала Стив даже обрадовался силе ненависти, с которой регент приступил к подарку. Если можно назвать радостью слабо трепещущую надежду жертвы, попавшей в капкан. Стив ждал с отчаянием, что Крис сорвется и захочет услышать что-то непозволительное о Джи, об Империи. Что-то, что можно будет использовать против него, за что можно будет зацепиться и отомстить. Вернуться, сграбастать регента в карающей ипостаси экзекутора и убить. Уничтожить тело.

Душа регента поймается в крилод, насытит прозрачный кристалл до молочной белости, и тогда разбить кристалл. Навсегда выпустить душу во вселенскую бездну...

Но Крис не имел ничего против Джи, он не думал о Империи. Он хотел замучить и разрушить только эзекутора, и Стив разбился о силу и упорство регентовой ненависти. Сломался и осыпался мелкой пылью. Душа Стива разломилась с тихим шорохом ветхого трухлявого пня, сожранного изнутри. Он не удержался в трансе отрешения, вернулся и упал в свое тело, на мокрый шершавый пол.

После того, как Крис заставил эзекутора съесть его же глаза, когда он распял его на стене и плеснул на него порченной водой из ванны, Стива замкнуло. Запах гнили и крови, боль и безнадежность этой боли, бессмысленность — за что? Невозможность избежать — это всё вернуло Стива в тот бассейн на Гайдере, где однажды умерла Хакисс. Когда он еще был Хакисс. Стив сдался и потерял все, чему его научил Джи. Согласился с разрушением и утонул в собственном страхе, в жалости и бесцельности своего существования. Умер в еще живом теле.

Генри увез все, что осталось от эзекутора, в том же мешке. Тело дышало и понемногу рефлекторно регенерировало, но не отзывалось даже на мысленный зов.

* * *

Инкубатор открылся, и Стив сполз на пол у подиума. Спасибо императору нашему — оставил инкубатор в личном тренировочном зале эзекутора. Насколько было бы хуже прийти в себя в лабораториях. Ученые крысы делали бы вид, что все хорошо и ничего не происходит. Но бросали бы косые и липкие взгляды, пытаюсь оценить, пытаюсь накормить свое нездоровое научное любопытство. А ему нужно просто отдохнуть. Нет, физически он в порядке. Но психически... Хотя, когда он был в порядке психически? Сейчас ему хотелось зарыться поглубже в землю и уснуть. Закрыться в гробу. Самое лучшее, если бы его из инкубатора вынул Джи. Он бы растворился в его руках, уплыл бы в море его души, и любовь вылечила бы разорванное сердце. Хотя вылечить его нельзя. Джи бы успокоил, привел бы к равновесию...

Стив обнял себя руками, спрятав ноющие кисти под мышки и пытаюсь уменьшить фантомную боль. Не получится. В голове вертелся голос Криса и бесконечная боль. Стив слышал, как рвется его тело, рвется душа, и собственная беспомощность болела бесконечно.

Генри пришел и принес одежду, но не смог одеть его. Стив упорно сворачивался в клубок, прижимая колени к груди, и не отзывался. Генри взял эзекутора на руки и отнес наверх в комнату. Бережно положил в постель и закутал одеялом. Погасил свет везде, оставил только призрачное свечение за ширмой гигиенического угла.

Стив успел отодвинуться к самой стене и теперь тихо раскачивался и молчал. Стюард сел к нему и взял на руки, прижал к себе и долго говорил.

Стив не отвечал и не реагировал. Он тут не был. Он умер и никто не может говорить с ним. Он не может никого слышать, видеть, он ничего не чувствует. Потом заметил, что стюарда уже нет. Медленно слез и забрел в карцер. Благо, манящая холодом металлическая дверь была тут же, за кроватью. Одеяло свалилось на полдороге, но ему не нужно было одеяло. Ему нужен холод. Он мертв, а мертвецы должны быть в земле, в холодной земле. Холод — это все, что можно сейчас чувствовать. Холод и тьма. Закрыл за собой дверь и

сжался у дальней стены. Ему тут хорошо, тут темно и холодный пол. Но почему так бесконечно болят руки? Пытался зажать их под телом, сжимать и мять, но стало только хуже. Кажется, чуть было не выломил себе палец...

И Стив затих, осыпавшись в углу в неподвижный холмик.

Генри опять пришел и снова отнес его на кровать и, навалившись всем телом и удерживая одной рукой, повернул ему голову на бок, сделал два укола в яремную жилу. Стив не сопротивлялся. Уколы — какая глупость. Его тело изолирует и нейтрализует любой яд. Но на удивление довольно быстро стало изумительно хорошо. Он уснул.

Когда проснулся, Генри уже был наготове:

— Дай мне руку!

Стив послушно протянул руку, и стюард, прижав пальцами вену немного выше локтя, опять сделал две инъекции: ввел совсем чуть-чуть бесцветной жидкости, и опять стало светло и спокойно. Тот ужас все еще давил, но как будто стал прозрачным и невесомым, отодвинулся в другую комнату и оттуда неслышно стучал в запертую дверь.

— Что это?

— Ученые, работая с основами тела ажлисс, нашли нейтрализатор, но его надо вводить только в вену и очень мало. Иначе он не только заблокирует иммунную систему и регенерацию ажлисс, но вызовет распад тканей.

— Так это же оружие!

— Нет, это надо вводить именно в вену, а естественнорожденный человек не сможет справиться со сноваживущим. Вдыхать или пить препарат не имеет смысла: при таком контакте вещество быстро изолируется и изгоняется защитными системами тела ажлисс.

— Хорошо, а второе что?

— Обычный наркотик, эйфор. Его можно в Лаксторе на любом углу найти.

— У меня шея болит, там синяк. Это от нейтрализатора или ты меня вчера душил?

— Если бы я тебя душил, синяка бы уже не было. На руку посмотри, там тоже следы от нейтрализатора. Джи сказал, тебе надо еще дня четыре пожить под наркотиком, а потом ты уже сам справишься.

Стив не ответил, а поглубже закопался в постель. Вставать не хотелось, ничего не хотелось, и есть он будет, не вылезая из постели. Ему было все равно грустно, но уже не хотелось сразу повеситься, что, наверное, было хорошо. Но жить тоже не хотелось, на что всем наплевать.

Потом пришел Джи.

Стив слетел с постели и упал на колени, приветствуя императора.

Джи улыбнулся, послал эзекутора снова в постель и сел к нему на кровать сам — больше в спальне все равно сидеть было не на чем:

— Спасибо стараниям Генри, ты уже почти поправился!

Стив, укладывая голову на колени Джи, вздохнул и прижался щекой к ладони Императора:

— Крис ненавидит меня. Почему?

— Тебя ненавидеть легко, — Джи внушал нежность. — И лучше, чтобы он ненавидел тебя, чем кого-то еще. Зато теперь Кристоф поиграл, и у нас на некоторое время нет проблемы. На нас с тобой лежит ответственность за всю цивилизацию, и твоя работа — это твой посильный вклад в благополучие всех. Ты живешь, чтобы ажлисс могли разрядиться и не накапливать сложности. И в конце концов это полезно и тебе. У тебя остался страх после

Гайдеры, ненависть к Крису. Но видишь, ты все пережил и все хорошо. Генри утешил тебя, но не привыкай к наркотикам, ты должен справляться сам. Ты начал работать экзекутором тридцать лет назад. На твоей родине прошло почти пятьдесят местных лет. У твоих ровесников давно были бы внуки, а ты всё никак не взрослеешь. Хотя у тебя, — усмехнулся Джи, — внуки уже есть.

— Это не считается, — пробурчал Стив. — Официально арны не мои дети.

— Это для примера. Я не предлагаю тебе нарушать закон и объявлять уже взрослых арнов твоими детьми.

— Если бы все было по закону, то ты должен был отдать мне Крису после Гайдеры.

— Нет. Совершивший преступление попадает под кураторство жертвы, но ты прекрасно знаешь, что на Гайдере Крис стимулировал тебя по моему приказу. Кажется, мы давно уже все выяснили, а ты должен быть благодарен Крису: он разбудил твои спящие возможности. Да, Кристофер не самый милый человек, но он прекрасно справляется с порученной работой. К тому же именно из-за него я добился периодической исповеди ажлисс и у нас стало меньше скрытых проблем.

...И тогда Джи положил ладонь Стиву на грудь, чтобы было проще слиться аурой, передал мелькающий калейдоскоп биографии регента и ушел.

Стив натянул одеяло на голову и, борясь с внутренним нежеланием, погрузился в обрывки чужой жизни.

Но Крис тоже не идеален. Даже став ажлисс, не полюбил ни мысленное общение, ни излучение всеобщего счастья, которым Император благословляет подданных. И для сохранения психического равновесия ему надо время от времени «выбивать злость».

Но у нас есть экзекутор и все хорошо...

У нас есть даже два экзекутора.

* * *

Наконец навигатор сообщил, что до посадки осталось двадцать минут. Элиз утерла слезы: интересно, какую злость надо выбивать вротому экзекутору? Взяла валяющийся на полу коммуникатор и послала Марку записку с временем прибытия. Потом перебралась из багажника на кресло, достала салфетки. Умыла лицо и руки как следует. Заставила себя успокоиться. Будь что будет. Она ничего изменить не может и нечего расстраиваться. Надо просто пережить.

Флаер приблизился к поселку. Небольшие домики — каждый на одну семью — были свободно рассыпаны по холму. На самой вершине светилась синим куполом церковка Джи. Промелькнула узкая речка, станция монорельса. Плавно сел на заднем дворе сдвоенного дома у точно такого же летательного аппарата, но обильно украшенного полосками металла с цветными камушками инкрустации вдоль антигравитационной платформы.

«И кто ему позволил?» — покосилась Крошка и обречённо остановилась.

— А кто мне запретит? — Марк спрыгнул с верхней ступеньки заднего крыльца.

— Это же избыточно и нефункционально, — Элиз, держа осанку, сцепила руки за спиной.

— Красиво же, — Марк хлопнул её по плечу. — Слушай, ну ты даешь! Ты действительно думала, что я буду тебя наказывать?

— А зачем... — Элиз непонимающе посмотрела в глаза Марка: нет, не врёт.

— Да Джи надо что-то внести в отчет! Могла бы со мной связаться, я бы все тебе сказал. Но ничего, что-нибудь подберем, — Марк схватил Элиз за руку и потащил в дом.

— Чего подберем? — замирая и еле-еле переставляя ноги, переспросила Элиз.

— Еду, например. Одежду и обувь. Ты же не поедешь босиком по колючкам. Подумай сама! Ты ж экзекутор, тебя может наказать только Джи. А потом, ну и что? Отправила каких-то дефектных в бездну чуть раньше, чем дознаватели. Зато они теперь все могут на тебя свалить, — засмеялся Марк. — Ты, собственно, сделала доброе дело.

— Но это же неправильно.

— Жизнь — это всегда смерть. Ты либо живёшь, либо не живёшь. А теперь им всё равно. Выбор был, пока они жили. Пойдём, будешь со мной коров перегонять. У меня надо стада комплектовать с молодняком. Отдохнёшь, проветришься, мозги в два раза лучше заработают. Джи просто устал тебе объяснять.

— Он мне ничего не объяснял...

— Так сама голову включай, — заржал Марк. — Не девочка уже!

Водить стада вместе с другим экзекутором было легко и забавно.

Марк оказался совсем не таким напыщенным занудой, каким остался в памяти после Гайдерских казней. И Элиз решила:

— А тебя инициировал Джи сам или как меня: кого попросил?

— С тобой вообще всё не так, — улыбнулся Марк и осторожно коснулся ее сканом.

Но Элиз закрылась: этими воспоминаниями делиться не хотелось.

— У меня было просто, — Марк пожал плечами. — Джи показал, как управлять биополем, слившись со мной сканом. Ты же — эксперимент. Первая, кого он взял ребенком. Первая женщина. Ты правильно сделала, что вернулась в свою естественную теломорфу. Хорошенькие девушки каждому нравятся. И твои капризы никому не мешают. Девушкам полагается капризничать. Поиграем потом?

— Про подарок Джи ничего не сказал, — буркнула Крошка.

— Как у тебя всё сло-ожно! Заходи слева, не дай бычкам уйти на камни.

— Погоди, — Крошка повернула маркову живую лошадь и остановилась перед Марком. — Я хотела еще спросить, почему ты не приехал помочь с экспансией на Сэмлу?

— А к чему? — второй экзекутор бросил поводья и развел руками. — Это веками отлаженная операция для дознавателей и армии. Джи тебя просто так послал, чтобы ты его не лоставала глупостями. Джи меня нашел, инициировал и когда ему надо, я помогаю. Но у меня тут ферма, поселок, работа. Люди на моей ответственности. Это ты как цветочек в оранжерее на всём готовом. Да что ты злишься? Каждому своё! Погнали, и давай без скана, — Марк тронул холку своей лошади, высылая её вперед, и коротким галопчиком направился к стаду.

Глава 22. Утренняя Звезда. Благословение

Работа... Нет, отдых и развлечение с коровами Марка отошли в прошлое. Но в ожидании визита на Утреннюю Звезду Элиз так и не смогла вернуться в рабочее настроение. Было бы что ждать и чему радоваться. Гордость от сопровождения императора на официальных визитах тоже растворилась в далёком прошлом. Да и какая это радость — ходить позади его Величества, держась на расстоянии двух шагов за левым боком, сканировать людей, переходы, коридоры, мебель... И эту самую мебель изображать. Шевелиться минимально, говорить только по сигналу Императора. По собственной воле экзекутору разрешено только дышать и отсвечивать. Протокол позволял еще сидеть у ног Джи или там, куда ткнет высочайший перст. Ни с кем по собственной инициативе не разговаривать. На прямое обращение отвечать после Императорского разрешения.

Можно подумать, все так жаждали обратиться к экзекутору! Что люди, что ажлисс, даже случайно встретившись с экзекутором взглядом, стремились, наоборот, куда подальше шарахнуться.

Марк считает, что игра в протокол не так уж тяжела. Конечно, остальное время он пасёт своих коров и не думает ни о чём. У неё же нет иной жизни. Она же эксперимент. Можно подумать, она могла выбрать.

Расслабиться и поесть можно будет только вечером, оставшись наедине с Джи... Будет неплохо, если Джи вспомнит, что Император — гарант благоденствия всех своих подданных и подарит экзекутора кому-нибудь на несколько часов или даже дней. Визит — это всегда шанс.

Элиз, заплетенная и зашнурованная, выскочила из комнаты и вызвал лифт. Генри присоединит экзекуторский однообразный гардероб к вещам Императора в малом порталном зале, где собирался кортеж, и останется на базе на своей основной работе — в лаборатории морфологии. Экзекутору на двоих с Императором вполне хватит императорского стюарда...

Да, она сама могла бы подождать у кареты, но хотелось побыстрее избавиться от напряжения. Джи её не звал, а она затихла и не напрашивалась. Но возможно Джи будет так добр, что использует на ней Благословение еще на базе?

Элиз явилась в апартаменты Императора, послала мысленное приветствие и замерла у дверей, сразу раздражаясь — опоздала.

Джи завтракал за столом для заседаний и слушал секретаря. Пошло официальное время.

Шла бы прямо к порталу и сидела бы себе в карете! Включилась бы в процесс вместе с остальными — и всё. Никто на территории базы не требует от экзекутора дословного соблюдения правил. Но раз уж пришла в форме и к докладу, так терпи. По собственной глупости добавила себе тупого ничегонеделания, играя в сопровождение раньше времени.

Хотя с другой стороны Крошка была рада, что Джи уже не настаивает на совместном приеме пищи с экзекутором. Столько лет прошло, а Крошка все еще не понимала, зачем Император соблюдает полный протокол даже у себя в комнатах, превращая еду в сложносоставную пытку.

Были времена, когда во время приемов и официальных обедов экзекутору стоило больших трудов сохранять спокойствие, наблюдая, как его Императорское величество элегантно подхватывает маленький кусочек чего-нибудь вкусного и несет в рот. Узкие губы

слегка раскрываются, и в них неторопливо вкладывается ложка. Губы смыкаются, ложка выскользывает, снова приближается ко рту, рот в ожидании приоткрывается... Хакисс бы изнемогала от всякоразных желаний, но она не Хакисс. Хотя... Можно изменить теломорфу в кого угодно, личность же изменить нельзя. Но Джи давно её не волнует. Каждый просто делает свою работу.

К тому же, можно разглядывать Вика. Секретарь императора, больше похожий на кондитера, зачем-то вырядившегося в парадную форму, зачитывал Джи протокол будущего визита. И зачем читать вслух, если Джи может вытянуть из головы Вика всё что угодно и когда угодно... Зато на Вика смотреть приятно. С удовольствием бы с ним поиграла. Но Вик любит сильных и решительных брюнеток. Достаточно посмотреть на его андроида. Ради отдыха можно было бы поменяться в чернокудрую девицу... Но Вик тоже остается на базе.

Элиз закрыла глаза и прошлась холодным ветром по своему телу, отгоняя кровь туда, где она не застаивается, собираясь в горячие пульсирующие узлы... Пускай течет свободно. Дышать ровно... Руки расслабить... Так... Рука императора лежит на столе, пальцы берут кусочек чего-то там с тарелки и несут ко рту. В детстве она могла смотреть на его руки часами... Эти пальцы прогладят её по краю уха, спустятся по шее, она обернется и поймает их губами... Боже, ей же не десять лет... Бездна! Протокол! Святой протокол, ну почему она не встала, как положено, за спиной Джи. Разглядывала бы сейчас резьбу на спинке стула.

Получила фантомный шлепок по заднице, вздрогнула и отвела глаза.

Император всё видит.

Просто великолепно, что никто больше так не видит и не умеет творить фантомы! Это счастье, что настолько развитый скан есть только у Джи да эскутера!

Наконец Джи закончил завтрак и встал. Стюард Эж помог Императору облачиться в классический насыщенно-синий мундир с золотым шитьем. Джи пошел вместе с Виком к выходу, захватив темно-синий обруч короны. Хищно блеснули золотые искры по ободку.

Элиз приготовилась пристроиться на свое обычное место, но Джи внезапно притянул эскутера к себе и поцеловал.

— Соберись!

Сердце забило рыбкой, выброшенной на берег. Элиз против воли ответила собачьим взглядом в спину Императора и поспешила вдогонку, держась по протоколу.

Император играет, это хорошо! Значит, не держит зла.

В огромном ослепительно-белом пространстве малого зала ожидал кортеж. Бледно-голубой лотос кареты призывно раскрыл силовые лепески.

«Иди назад», — приказал Джи, и Элиз снова скисла: ну вот за что опять?

Могла бы сидеть у ног Императора, на мягком.

Вскинула голову и отшагала за карету. Ткнула пальцем в почти невидимый сенсор и лепестки раздвинулись, формируя отдельную кабинку, где она и будет стоймя торчать всю дорогу, словно черно-бордовая заноза в чисто-небесном цветке.

Два летучих биодракона, похожие на ярких лоскутных змей, раскрыли прозрачные крылья и, затейливо извиваясь, первыми улетели в туман активированного портала. Ранее драконы сбрасывали в толпы встречающих чешую, состоящую из денежных ленточек. Но из-за людской жадности, порождавшей массовые беспорядки и вспышки преступности, биосимволы Империи теперь наполняют мелкими сладостями, да и то изредка.

Карета приняла от драконов сигнал, плавно приподнялась и, в окружении гвардейцев на планерах, пролетела порталом. И сразу накрыло счастьем: Джи начал раздавать

благословение.

Крошка иногда испытывала желание подсоединиться и усилить Лучи Добра и Любви — люди не способны читать ауру и не поняли бы, кто их облагодетельствовал. Но не хотелось дразнить сопровождающих ажлисс, да и Джи вряд ли бы обрадовался. Хотя непрерывно излучать любовь было утомительно и для него.

Пять дней кортеж летал по сложной кривой, снижаясь над редкими городками и поселками, благославляя даже хутора и отщепенцев. Делали паузы в домах дознавателей и понемногу приближались к резиденции Кина — ажлисс, у которого в дозене жила сестра Сергея.

Там после полётов пришла очередь заседаний и праздничных ужинов, когда экзекутор бесшумной и молчаливой тенью сидела за Императором и слушала. Император тоже слушал, но, занятый по протоколу совещаниями и постоянными разговорами, не мог охватить всё и всех. Это было обязанностью экзекутора.

Нудно и скучно.

Элиз вздохнула и вернулась к блужданию взором по неживым предметам, время от времени закрывая глаза, открывая сознание и делая общий скан мышления толпы. Все у нас спокойно: мелкие склоки, мелкая злоба, мелкие радости и всеобщее почтение и любовь к Императору, гаранту нашему...

Изображать собственную статую не приносило ни радости, ни разнообразия, ничего интересного или хотя бы нового. Вечеринки были особо заунывными. Неподвижно проторчать, размеренно хлопая глазами и сканируя однообразные мысли веселящихся и не очень ажлисс и людей. Незаметно переминаясь с ноги на ногу, пока общество лопало, галдело и мельтешило вокруг. При том, что мысли человеческого стада, Элиз прекрасно чувствовала, и у персоны, смотрящей в другую сторону, и у той, что вообще находилась за стеной... А возможных развлечений был очень ограниченный список: считать блюда или танцевальные па какой-нибудь фифы. Которая неожиданно вспомнила о принципах умеренности и уникальности и нацепила на себя только одну драгоценность, зато размером с тарелку.

Обидно, что влиять на мысли или действия окружающих без высочайшего императорского разрешения было нельзя. А наш император в ментальном сканировании был ас, и никто не мог быть уверен, кого он в данный момент проверяет. К тому же, вокруг постоянно ели. О еда... Да, Крошка привыкла есть один-два раза в день, но было невыносимо торчать целыми днями, наблюдая, как мимо носа проплывают разнообразные кушанья и потом поглощаются толпой. Зоопарк... Время кормления. А самой быть декорацией. И иметь возможность поесть только вечером.

Хотелось сделать страшную рожу и сказать: «Бу!» или навести фантом. Например, изобразить кому-нибудь перед носом оторванную голову. Или выдернуть из-за стола хотя бы вон того смазливового мальчонку, что заигрывает с блондинистой дамочкой. И не ест мальчонка почти ничего. Сытый мальчик или влюбленный... А вот она голодная. У мальчика приятные движения и осанка. Ах, как он голову держит. Курлыкает с дамочкой. В бездну дамочку. Выдернуть мальчика из-за стола, не используя скан, просто руками. Она сильнее любого мальчика... Выдернуть и швырнуть куда-нибудь в укромное место. Мальчик возмутится, но не дать ему вопить и драться. Заткнуть ему рот. Привязать. Сладкое предвкушение проснулось в животе и поднялось к горлу. Завязать глаза, сорвать костюмчик и потихоньку срезать эту расшитую рубашку, оставляя небольшие, нежно-кровоточащие

надрезы.

Неудивительно, что ей хочется крови. Она просто голодная. А самый быстрый способ восстановиться для ажлисс это взять немного жизненной энергии, выпив глоток крови. Но нельзя... Ничего нельзя.

Потом поест нормально...

А вот это странно. Ажлисс Кин словно носит вместо мозгов программу. Еще на совещании она заметила странно-упорядоченные мысли Кина, но чего не бывает на занудном совещании. Но тут, на вечеринке? Мысли Кина напоминали отлаженный механизм и были слишком простыми для нормального мышления, замечающего и реагирующего на всё сразу и думающего сразу обо всём. В голове у каждого всегда кавардак. Кин участвовал в протокольных мероприятиях, разговаривал и даже шутил, но думал и реагировал только на то, что было у него перед носом. И никаких ассоциаций, никаких нелогичных скачков и бредовых воспоминаний.

Донести сейчас? Потом... После того, как она проглотит свою пайку и сможет отойти ко сну с Императором. Или в гардеробной на отдельном месте, если Джи будет так добр.

Традиции — гнусная вещь, но Джи разрешил ей спать отдельно и не участвовать в интимных радостях. Хотя сейчас она бы с радостью и поиграла. Но после ужина.

* * *

Элиз вошла вслед за Джи в спальню и бросила взгляд на столик у дивана. Да, её ужин уже был там.

«Сядь», — Джи мимолетно коснулся сознания и послал картинку экзекутора, сидящей у косяка.

Элиз шагнула назад и опустилась на колени у двери.

Джи готовился ко сну.

Крошка держала свое зрение и скан при себе. Слишком тяжело. И что он опять придумал? Вчера и позавчера он разрешил ей поесть, пока его императорское величество снимало штаны и плескалось в ванне. А сегодня пожалуйста: умирай от голода и изучай осточертевшую мозаику на полу, чтобы только не смотреть на него. Лучше бы смотреть в тарелку.

Джи лег в постель и сделал знак, разрешил ужинать. Так, указал пальцем и шевельнул бровью. Крошка начала закипать. Ведь знает все его трюки, но не может с собой справиться! А Джи тоже знает, что она знает, и делает нарочно! И когда он перестанет её дрессировать?

Элиз осторожно подошла к столику и аккуратно села, контролируя всю себя. Приступила к поеданию. К насыщению. Джи, облокотясь на подушку и полуприкрыв глаза, созерцал. Элиз нервничала. И ведь знает, гад, что она ненавидит есть на глазах у кого-либо. А тут сам Джи, да еще голый в постели. И смотрит. Смотрит, как Крошка злобно ест.

— И когда же я научу тебя есть, как приличного человека? — раздалась ленивая реплика Императора. — Ты глотаешь, как голодный крокодил. И ложка! Мне наказать прислугу, что не принесли тебе полный прибор?

Элиз закрыла глаза и медленно положила ложку на стол. Выпрямилась. Проглотила то, что было во рту. И, держа себя в равновесии, но упорно глядя в стол, абсолютно спокойно сказала:

— Прошу прощения, но не все ли равно, как я съем свой паёк? Мне не грозит попасть с тобой за стол на приём.

— Дело не в этом, дело в тебе. И спасибо за милое оскорбление моей спальни.

Элиз замерла. Накажет? Чего он ждет? Чего хочет? Сидеть стало очень неудобно. Захотелось сползти на пол и распластаться. Или вообще молниеносно слинять. Даже без еды.

Джи молчал и смотрел.

— Прости меня. Могу я доесть? — Элиз чувствовала, как её нервы натянуты до предела и сейчас начнут рваться, волоконец за волоконцем...

— А ко мне ты не хочешь?

У Крошки затряслись руки, и она судорожно спрятала их под стол, как будто это поможет. Джи видит всех насквозь.

— И ты все еще ревнуешь и обижаешься. Хотя знаешь, что ты — единственное живое существо, которое практически часть меня, — тихим обволакивающим голосом продолжил Джи. — Что ты молчишь? Не хочешь?

Элиз с усилием подняла глаза. Да у неё просто кончилось дыхание:

— Хочу...

— Тогда ешь как человек, а я посмотрю.

О боже. Когда же он перестанет её мучить? Теперь вообще невозможно есть. И какой, в бездну, прибор — ей кусок в горло не пролезет.

— Джи, я заметила... — и Элиз переслала свои ощущения вместе с мыслями Кина.

* * *

Ажлисс Кин был идиот. На основе детских браслетов, когда-то давно отобранных у арнов и маскирующих биополе носителя, Кин смог создать симулятор, который перекрывал его собственное биополе. Концентрированные и четко направленные мысли самого Кина смешивались с хорошо прочищенной и закольцованной в случайном порядке записью его же дневника.

Но кто бы устоял перед комиссией дознавателей, да в присутствии Императора с экзекутором? Под давлением Кин отдал симулятор сам. Всё рассказал и показал. Этот идиот создал ребенка Лене!

Элиз захотелось снять с него кожу немедленно на глазах у комиссии.

Джи взял Крошку за плечо, повернул к себе и погладил по щеке, переключая внимание. Сказал мысленно: «Смотри на меня! Ты — рука закона. Ты пойдешь и совершишь то, что должно».

«Я рука твоя, я — воля твоя», — вспомнила Крошка обрывок молитвы.

Переместилась и оказалась перед Кином. Перевесила его крилод себе на шею. На Утренней Звезде еще не построили библиотеку и ажлисс... Ажлисс! Удержалась и не проткнула идиота-ажлисс болевым импульсом. Сжала крилод Кина до онемения пальцев.

Опомнилась уже во флаере. Проверила навигатор: да, цель — больница Кина. Сложила руки на коленях. Чужой крилод висел камнем.

Ожидание казни, трусливое и подлое ожидание, нетерпеливо дрожало внутри, заставляя сдерживать дыхание и следить за руками. Еще не хватало, чтобы заметили, как у экзекутора

дрожат руки в предвкушении.

Люди не увидят, им просто объявят, что Кин был казнен за нарушение закона перед людьми. Да, использовал подопечного человека в противозаконных целях! Идиот Кин: нашел где выращивать ребенка!

Элиз вбежала в инкубаторный зал. В больнице словно вымерло всё. Держала скан в границах тела. Если найдет хоть одного ажлисс... Около конвертора лежал черный мешок.

— Ариш, — рядом с работающим инкубатором стоял Вроаррист.

— Я не Ариш! — Крошка зарычала и ударила ладонями по инкубатору. Под крышкой лежала глухим андроидным эхом копия Лены. — А это... Не Лена?! Это андроид! Ты!

— Всё будет хорошо, — арн сгрёб Крошку в объятия. — Ты убьешь эту Лену.

— Ты! — Крошка попыталась вырваться, ударила болевым импульсом, но Вроаррист устоял, только сильнее прижал её.

— Я должна убить её, — зашептала и вдруг обессилела.

Ноги подломились, и арн опустился вместе с ней на пол, продолжая держать ее и убаюкивать: — Ты убьешь, а конвертор подтвердит генотип. Всё будет хорошо.

— Где Лена? Она умерла? Кин думает... — ворвалась в сознание арна. Увидела, как он перекладывает безвольное тело беременной женщины в спасательную капсулу. Прячет капсулу в свой флаер.

— Всё будет так, как надо, — Арн встал и поднял Элиз. — Тут долго никого не было, а инкубатору не надо много времени. Да и я не пошел на праздник. Мне лучше в лесу и у гор.

Еще раз обнял. Лизнул в ухо. Ушёл.

Элиз отвернулась от закрывшейся двери. Изнутри поднималось бешенство: каждый решает за неё! Она — оружие. Она — закон. Она всё сделает быстро. Иначе умрёт сама.

Она ненавидела эту часть. Но больше всего ненавидела Кина. Это из-за него, всё из-за этого тупого идиота! Крошка раздувала в себе ненависть — это поможет потом. Потом, когда она приведет Кина к себе...

Запись в её дневник все равно идет.

Крошка сжала и дернула крилод Кина, висящий на её груди. Шнурок больно врезался в шею. Боль отрезвила.

Система видит всё глазами экзекутора. Ажлисс не увидят дневник. Увидят вырезку, которую сделает Джи. Джи тут нет — его скан она всегда чувствует. А Джи не может видеть всё. Не успеет. Экзекутор успеет сам глянуть в свой дневник.

Вылючила инкубатор. Андроидом невозможно управлять сканом. Крышка откинулась...

— Пойдем, — Элиз дернула живую куклу за руку.

Беременная андроидка включилась и села. Моргнула, попыталась улыбнуться, запуская программы, но Элиз настойчиво тянула: — Пойдем!

Нельзя давать время!

Подвела к конвертору, поставила в открытую пасть приемника. Отвернула от себя, включила силовое поле ножа, полоснула по горлу и толкнула в спину. Не дожидаясь смерти живой копии, пнула ногой приёмник и захлопнула конвертор.

Подняла мешок, вернулась к инкубатору. Стерла информацию. Закон: вся информация о преступнике должна быть уничтожена, так же как и преступник. В конверторе останется запись о сырье. Тело — это материал, не личность.

Вернулась в соседний городок. Прошла обезлюдевшими коридорами резиденции — в одной руке нож, в другой черный мешок. Слушала только ауру Кина.

Они почувствуют все, что ощущает она. Это бесило её. Идиот Кин думает, что это его казнь. Но его уже отсоединили от системы и стерли дневник. Он умрет, и ничто не будет его волновать. А со временем все всё забудут. Экзекутор же останется жить, и её память будет с ней всегда. Росло раздражение. Она всё сильнее ненавидела Кина. Из-за его эгоизма и глупости она должна была убить ребенка. Убить женщину, которая была использована Кином, как живая кукла. Как вещь. Как экзекутор.

Элиз входила в оцепенелое состояние транса — это поможет забрать преступника. А потом она даст себе волю.

Кин в ошейнике сидел в опустевшем зале заседаний.

Элиз овладела его сознанием, включила силовое поле на ноже, срезала и отбросила ошейник. Поставила Кина столбом:

— Ты знал закон, и ты нарушил его. Ты оскорбил всех ажлисс и наплевал на жизнь вверенных тебе людей. Ты предал Императора, в верности которому клялся. Ты отделил себя от человечества и закона.

Элиз накинула на Кина непроницаемый черный мешок и повела за собой, держа в руке обнаженный нож, измазанный кровью.

Она вела официально мертвого ажлисс, и все исчезали с их пути.

Кто-то освободил портал и послал предупреждающий сигнал на базу. Элиз, выйдя на другой стороне, словно провалилась на глубину. Вместо привычного гомона порталного зала, тишина смела все звуки и людей. Выдавливала, проталкивала её все дальше ото всех и всего — в комнату, в карцер.

Туда, куда никто не идет по своей воле.

Глава 23. Казнь

Кин был строг. Неприступен и холоден, как замурованный шлюз морозной ночью. Но это не спасло его. Крошка ломала его, как холодный металл. Резала и калечила.

Перед казнью разбила крилод отступника на полу карцера. Нож эзекутора режет всё.

Отбросила осколки ногой к одежде преступника.

Разделась сама, разрезая выключенным ножом ненавистную шнуровку формы.

Кин был силен, и в этом была его беда. Кин был слишком силен, он мог сопротивляться долго...

Но прошло несколько дней, и Кин уже плавился, как раскаленная лава, полыхая гневом, бешенством и... наслаждением. Боль растягивала и истончала его силу и стойкость, а эзекутор погружалась в его горе, пила его тоску и сканом выворачивала все чувства наизнанку, усиливая и отдавая обратно, и снова усиливая и снова отдавая.

Кин был сильным, но и он не выдержал разделенной боли, унижения и извращенного удовольствия, которое эзекутор выжимала из его кровоточащего тела и щедро делилась, упиваясь и утаскивая с собой в омут безумия.

* * *

Крошке было хорошо. Чувственное мерзкое пресыщение вместе с физической усталостью накрыло её душным и тяжелым одеялом. Она был сыта и выжата. Хотелось обнять своего донора, утонуть в его изможденно-безвольном сознании и уйти вместе с ним в небытие.

Поднялась и осмотрела тело. Отпрепарированные полоски мышц и уже подсыхающие узкие ленточки кожи — все очень кроваво, очень болезненно, но не смертельно. Ажлисс так просто не убить. Элиз заботливо провела пальцами по открытым ранам, стимулируя регенерацию и останавливая кровотечение. Кин, не приходя в сознание, задрожал.

Потом она вылечит все это безобразие по всем правилам. Немного отдохнет, тогда и разбудит Кина. Вынужденная и ускоренная сканом регенерация, когда распаленные нервы, стимулированные её руками, начнут прорываться сквозь буйно соединяющиеся ткани — процесс тоже крайне болезненный и эмоциональный.

Продолжая держать жертву без сознания, Элиз с усилием подняла изорванное тело — бывший ажлисс был выше на голову и тяжелее, хотя заметно похудел за декаду эзекуций.

Пройдя через спальню, задержала дыхание и сложила мужчину в свою огромную ванну. Закрепила голову, пристегнула руки и ноги к вделанным в стенки и дно креплениям. Помнится, в детстве её сильно удивляли эти кольца. Однажды она запустила в ванну рыбок и играла с ними, заставляя проплетаться стайками и цепочками сквозь просветы...

Включила теплую воду и не выдержала — мягкими любовными касаниями смыла кровь с лица спящего. Лицо она старалась не калечить. Хотя наказываемый видел себя в зеркальных стенах и потолке карцера, это добавляло ему негативные эмоции, которые эзекутору так легко усилить, расшатать и перевести в любовное возбуждение. Довести до экстаза, до полного изнеможения. Сознание преступника содрогалось от сметающих его волю боли, гнева, безнадежного отчаяния, бессильной ненависти к своему палачу, к самому

себе. Разбивалось и расщеплялось, умирало от наслаждения, даже скрывшись в паузы разрешенного обморока.

Это было так близко, наполняло такими понятными, знакомыми и сильными чувствами. Приближало к смерти, возносило на пик удовольствия и сбрасывало в пустыню забвения. Опустошало. Уничтожало.

Элиз соскользнула в воду и легла сбоку, обняв израненное тело. Разрешила себе расслабиться, а теплая вода и убаюкивающая тянущая боль естественной регенерации, излучаемая донором, быстро усыпили её.

Она проснулась первой и, разбудив Кина, даже слегка расстроилась. И в то же время обрадовалась.

Кин там не был.

Пришло время. Во время последней экзекуции, умирая под её руками, а Крошка не заметила когда, Кин исчез. Не выдержал. Остался где-то там, вне. Нет, что-то ещё внутри изуродованного тела было, но этот пробудившийся обрывок сознания — это уже не был человек. Вместе с потом, кровью и спермой, вместе с криком и болью куда-то вытекла важная часть человека. То, что проснулось и смотрело из ванны, было не то. Внутри все еще живого тела шевелился ошмёток бывшего сознания, и это жаждало. Тянулось и просило. Жаждало и смотрело глазами идиота, которому обещали сладость.

Элиз передернуло. Пришло время.

Ради этого она живет и ради этого была создана.

Открыла слив, села верхом на заёрзавшее с готовностью тело и с отвращением заблокировала его. Грубо поддела кожу и вырезала полосу от плеча до локтя. И ещё. Снимала пласты мяса с груди и конечностей, плавая в кровавом мареве, держась за всё густеющий звон кровавого пульса. Раскачала, усилила... И на всплеске невыносимого шквала боли и отчаяния, полная своей и чужой жаждой, вскрыла напряженно выгнувшееся навстречу горло.

Убила.

Упала, унесенная взрывом абсолютной пустоты. Как будто умерла сама.

На время полного затмения в беспомощности она перестала быть. Её душа ненадолго разлетелась в пыль, надорвавшись слишком сильным ощущением, и она исчезла из мира вслед за убитым.

Стала истинно безвольной куклой, и ничто не беспокоило её.

Это был её наркотик и её награда.

* * *

Очнулась.

Отлепилась от остывшего трупа. Сбросила слипшиеся от крови волосы в ванну, вызвала стюарда и заползла в душевую кабинку.

Генри убирался, а она сидела в горячей воде, а вода текла и текла... Легла на бок, обняла колени. Вяло просочилась мысль, что могла бы утонуть, но к чему? Очередная бессмыслица.

Сконцентрировала взгляд на своем отражении в зеркальной стенке. Игрушечка. Оленьи заплаканные глазки, пухлый ротик с фигурной верхней губой. Из ночных кошмаров выплыла

одуловатая морда гайдерского прихвостня и заместила её лицо.

Крошка высунула кончик языка и медленно облизала губы, повторяя жест того уroda, который в гаремном саду убивал Хакисс. Втянула воздух уголком рта. Какое знаменательное отличие — слюни у неё пока не текут.

Крис поселил прихвостня рядом с собой, но не спал с ним. Конечно, Крису нравятся фигуристые блондинки.

Но в этом всё равно есть что-то демонстративно-неестественное.

Сколько там убил этот прихвостень? Человек двадцать невиновных?

Экзекутор убил больше, но виноватых...

В чем виноват экзекутор... Почему ей так мерзко? Почему она словно погасла? Состояние безнадежного ожидания. Чего она ждет? В древности была такая казнь — похоронить человека заживо. Но светлейший Бог, живущий с нами, сделал ненужными подобные жестокости. Он изобрел ошейник. Куратор наденет ошейник на обуреваемого неразумными поступками человека, и ошейник, поймав шkodливые мысли, пошлет импульс прямо в мозг нарушителя. А когда у человека не останется нехороших мыслей, и дознаватель не найдет нехороших желаний даже в самых потаенных глубинах личности, то куратор снимет ошейник, и обновленный человек снова вернется в равноправное общество.

На самом деле ошейник — дело бледных ручек научной подруги императора, регента Джул. Но ажлисс не выделяют изобретателя. Все свершается по воле Джи. А люди могут его благодарить, вознося молитвы в храмах и тратя свои деньги на поминальные кольца. Всё равно всё пойдет во благо всего человечества.

Для ажлисс, сорвавшихся с ровной дороги благодетельной и долгой жизни, есть маленькое ручное пугало или бесценный подарочек — экзекутор Императора нашего Джи.

Что делать экзекутору, когда его посещают нехорошие мысли? Экзекутор может уповать только на Императора, который справедливо и крепко держит свое верное орудие. И оружие.

— Я принес обед: креветки и рис, — Генри открыл душ и выключил воду. — Никакого мяса, как ты и любишь.

— Заткнись, — прошипела Элиз и проглотила приступ тошноты. Даже слышать о мясе было гнусно. «Любишь!» Она просто не в силах есть мясо минимум декаду. Села, стряхивая кровавые видения.

Генри вытащил и осушил её, как маленького ребенка. Экзекутор запихнула в себя еду, и физический голод утих. Но что теперь делать с моральной тоской, которая давила хуже камня на шее, тянула за сердце?

Было холодно. Элиз стащила одеяло и забила в глухой угол у шкафа, замотавшись в мохнатую ткань. Ей полагается отпуск. Может делать что хочет, а она ничего не хочет...

Генри бесшумно исчез, зная, что в такое время экзекутор не выносит ничего присутствия.

Открылись двери.

Элиз дернулась и сжалась — Джи.

Джи молча разделся, сложил одежду на тахту. Подошел и перенес слабо протестующую Крошку на кровать. Обнял всем телом, прижав к себе спиной.

— Тебе надо выспаться.

«Мне надо умереть. Зачем ты сделал это со мной?» — Крошка закрыла глаза.

— Кто-то должен это делать. А ты для этой работы подходишь. Ты живо реагируешь и

даже записи твоих эмоций полезны для Империи.

— Я не хочу...

— Это неважно. Ты можешь, и поэтому делаешь то, что можешь. Для всех. Ты напугала тех, кому мало хорошего для убеждения. И при этом ты не сильно мучалась, а даже получила удовольствие.

— Мне плохо, — Крошка всхлипнула.

— Но человечество живет. Счастливо живёт. А я стараюсь, чтобы и тебе было максимально хорошо. Многие перед тобой просто сошли с ума или сорвались в безнаказанность и произвол. А ты не выходишь за уровень необходимого зла.

— Но я не хочу! — Крошка заплакала.

— Тш-ш-ш... Я усыплю тебя, хорошо?

— Зачем ты сделал из меня это?

— Нет, — Джи растворил Крошку в нежности и она, покинув свое тело, плавала маленьким невидимым облачком в его мыслях. — Я не мог сделать нечто из ничего. На самом деле — ты сама. Я просто дал тебе свободу. Я создал все условия, чтобы у тебя не было пустых раздумий: права ты или нет. Это решают другие. Ты же можешь жить чисто и без сомнений. Наслаждаться жизнью, получать эмоции и удовольствие. Почему ты мучаешься? Тебе просто нравится быть несчастной. Я сделал для тебя всё, ты моя Крошка...

— Я ненавижу ажлисс. Ты отобрал у меня всё. Даже имя...

— Нет, если бы ты не хотела, ты бы не делала. Никто не в силах заставить человека делать что-то против его воли. Я уже давно не управляю тобой. Только впускаю в свое сознание вот так, как сейчас.

— Я не хочу так жить...

— У тебя есть долг и присяга. Кто, если не ты? Спи, Крошка, — Джи усмехнулся и прижал эскутора, целуя её в висок и усыпляя. — Ты отдохнешь, и всё будет хорошо...

Глава 24. Последний разговор

*Свеча одна со мной скучает.
Свеча горит, душа пылает.
Мой день как ночь, а ночь везде.
Душа пылает в темноте.
Горит без света, без тепла.
Одна, неслышна и безмолвна,
Кричать не может — не вольна,
А говорить не научилась...*

Элиз сидела в парке у круглосуточного клуба и убивала время. В кафешке через дорогу тихо играла музыка. Слова песни, не затрагивая понимание, скользили фоном. Крошка ждала, когда у Сергея кончится работа и он придет на встречу. Выкармливала и лелеяла росточек ожидания, проклевывавшегося и начинавшего распускать щекотливые листочки в его сердце. Всё напрасно.

Утром прошел дождь, и воздух был пропитан водой, запахом мокрой травы и прелых листьев. Хотя какие листья в вычищенном до последнего уголка парке? Но запах гниения просто преследовал. Чтобы не сидеть просто так, она взяла большой бокал воды со льдом и кофе в греющейся кружке. Потихоньку посасывала то одно то другое, разглядывая людей. За углом витой ограды клуба возвышались ворота детского городка. По воротам ползали и прыгали искусственные лемуры и змеи, привлекая посетителей.

Разнокалиберные мамки с детьми повыползали на поверхность, как червяки после ливня. Среди мамаш Элиз зацепилась взглядом за одинокого папашу. В отличие от одетых в вызывающие расцветки мамочек, молодой отец смотрелся тускло. Некрасивый и костлявый, с длинным и унылым носом, папка никогда бы не привлек её внимание, если бы Элиз не увидела с какой трепетной нежностью он обращается со своей двухлетней дочкой. Вот девочка была одета по традиции всех безумных мамаш: оборочки, рюшечки и горящие оптимизмом краски. Отец склонялся к ребенку, как истово верящий к алтарю. Элиз, неожиданно для себя сгрызаемая завистью, подсоединилась к сознанию отца и чуть не захлебнулась в океане любви, омывавшем все сознание человека. И обожженным мотыльком, подлетевшим слишком близко к острому пламени свечи; осенним засохшим листком, оторванным от родного дерева, Элиз метнулась вон. Как устыдившийся неопытный воришка, вдруг забоявшийся наследить в храме чистой любви, выползла из чужого сознания. Слезы набежали, и Элиз закинула голову, разглядывая небо. Вздохнула и оглянулась. Сергею еще рано. Слёз уже не было.

Как говорят люди, она бы отдала все, если бы кто-то любил её так. Если бы она могла любить кого-нибудь с такой силой. Но что она может отдать? У неё нет ничего. Кого бы она могла любить? На самом деле это её спасение, что она ни к кому так не привязана, и никто её не любит. Ни так, ни никак... Она бы сошла с ума, если бы её охватила такая сильная любовь, а в это время придется оставить этот смысл жизни и идти на задание. Хватит ей размолотых в пыль нервов при встречах и расставаниях с Джи. Но это печально, что никто её так не любил.

Элиз углубилась в свои ощущения. Она сама никогда никого не любила. Любовь не

смогла бы проклюнуться через твердый бетон дрессировки. Эскутор всегда под жестким контролем Джи или под своим собственным. И кого тут можно полюбить? Любит ли она Джи? То, что она испытывает к Джи нельзя назвать любовью. Это всё что угодно, от божественного поклонения до ужаса. Чувство вещи к своему хозяину и создателю? Она не знала таких слов и не хотела знать. Вещи не умеют чувствовать, ха! Она — загипнотизированный кролик, которому вставили ядовитые зубы, заставили охотиться и есть мясо. Она — кролик, живущий с удавом. Элиз невесело усмехнулась. Хотелось спрятаться в уютную темную норку, выстеленную теплым пухом чьей-нибудь любви. Но единственные норы, которые тут есть давно заняты удавом.

Когда она увидела приближающегося Сергея, то желание сначала съездить куда-нибудь, чтобы отвлечься и погулять, пропало начисто. Сергей пришел, насилуя сам себя. Он уже не кипел ненавистью, но был покрыт броней уверенного негодования. Он боролся не столько с эскутором, сколько сам с собой. Сергей «приручился». Острая ненависть исчезла, что ему самому совершенно не нравилось. Он безнадежно воевал сам с собой и проигрывал. Вот, посмотрите: стоит, спина прямая, твердый взгляд. Пришел получить свою порцию вынужденного общения. Элиз захотелось пнуть его.

Но она впервые почувствовала себя неуверенно:

— Сядь. Никуда не пойдем. Ты можешь со мной просто посидеть? Тут, в кафе.

— Это приказ? — шевельнулось удивление и странная надежда. На что это он надеется?

— Я бы хотела с тобой просто побыть.

— Зачем? Опять подкуп? — Сергей склонил голову. Кинул изподлобья быстрый взгляд и отвел глаза.

— Я все еще хочу с тобой подружиться, — Элиз медленно выдохнула, упорно смотря в землю.

— Опять? — Сергей хихикнул и сел на соседний стул.

— Я не враг тебе и ты не враг мне! Мы просто попали между событиями, которые не можем изменить. Подумай, что ты можешь изменить и попробуй менять только это! Я не могу повернуть планету в другую сторону, но я могу любить тебя!

— Ты чокнутая, — Сергей отодвинулся вместе с сиденьем. — Человек не машинка: влючил кнопочку и заработало. Это ты: раз и любишь! Приказали и ты ненавидишь. Люди так не умеют и не должны.

— У тебя нет ненависти ко мне. Но ты не любишь меня. Почему? — Ты противоречишь себе. Ты сказал что любовь приходит сама, ты не управляешь ей, так почему ты вдруг уверен, что никогда не полюбишь меня?

— Ты точно свистанутая.

— Ты раньше боялся меня, а сейчас не боишься, но тебе почему-то противно. Почему?

— Я ничего не могу с этим сделать. Ты украли меня, управляешь мной, как марионеткой. Когда твой хозяин не хочет тебя, то просто пытаешься стать хозяйном сама. — Сергей вскочил и кричал. — Ты не человек, ты искусственная, как этот твой Генри! Робота нельзя любить! Им можно владеть, а ты пытаешься владеть мной! А я человек!

— Хорошо, — Элиз тоже встала. — Я поняла. Я отпущу тебя, как обещала. Пойдем, не надо делать театр на публике...

Джи был прав: она никогда не сможет ни с кем жить нормально. Ей нужен только Джи. Он всегда может высушить её слезы, он измучает её так, что в голове не остается вообще никаких мыслей, ни капли свободного места на глупые фантазии. А эскутору нельзя ни с

кем дружить — это не приводит ни к чему хорошему. Она нарушила приказ своего бога, поэтому у неё так болит душа.

Да, было бы проще, если бы экзекутор пустил всё на самотёк. Сергей получил бы официальное извещение. Но это была бы трусость. И даже в какой-то мере предательство.

Элиз провела Сергея в клуб напротив кафе. В центральном холле ткнула пальцем в первую свободную комнату на схеме, регистрируя ее на себя. Клуб работал не только как концертный зал с гостиницей, но и как популярное место отдыха и интимных встреч — комнаты были прекрасно изолированы. Сергей шагал немного в отдалении, сунув руки глубоко в карманы и накалялся.

Элиз прибавила шаг. Открыла дверь зарезервированной комнаты, пропустила Сергея и привалилась спиной к закрывшейся двери.

— Ну? — Сергею остановился строго по центру комнаты.

Нет! Так тоже нехорошо... Элиз неуверенно подошла ближе и, глядя в угол, сказала:

— Лена получила травму, но была беременна от Кина. Кин — ажлисс, он нарушил закон. Я убила его и Лену, — сразу схватила еще не среагировавшее сознание Сергея сканом и залила спокойствием. — Это несчастный случай.

Черты Сергея разгладились. Скованная поза стала вольнее.

Элиз решила его обнять.

— Убью, — невыразительно и почти бесшумно произнёс Сергей, и Крошка уронила руки. Но нельзя же его так оставить! Несмотря на скан, изнутри Сергея поднимался гнев. Желание убить, разбить. Его мышцы почти неосознано дрожали.

Ненависть. Это она может исправить.

Элиз скользнула сканом глубже, усилила ярость. Подтолкнула к тому, что Сергей всегда хотел: избить, искалечить эту тварь! Сергей захрипел и бросился на Элиз.

Вот и хорошо, вот выбьет сам из себя всё. Элиз уворачивалась, прикрываясь от прямых ударов и отвечала несильными болевыми шоками. Чтобы только утомить, не остановить, не покалечить. Пусть изобьёт её. Она выздоровеет, а он успокоится. Нет, стулом, нет! Элиз отпрыгнула вдоль стены и основательный деревянный стул распался на составные части, оставив вмятину на покрытии. Сергей подхватил ножку стула и Элиз позволила себе поддаться, Удар по уху оглушил её. Нет! Хватит. Брось! Лучше руками, лучше прочувствуешь.

Сергей поймал её за руку и вывернул, сунув головой в диван. Связка в локте лопнула, прошив болью до затылка, и Элиз заставила Сергея изнасиловать себя. Сама вцепилась зубами ему в кисть, разрезая жалом и обратной регенерацией жилы. Напилась его крови, сливаясь душой, передавая эйфорический экстаз. Усыпила, зализывая разорванную плоть на руке.

Какое-то время лежала под ним, впитывая тяжесть его тела, залечивая свои раны. Нет ничего, что бы она не поправила. Плавая в расслабляющей усталости чужого, измученного сознания. В успокаивающей боли своего тела. Чувствуя себя нажравшейся пиявкой. Да, это противно, но ей было хорошо. Медленно качалась на тихих отзвуках спящего горя, превратившись в ленивую, тягучую волну, что колыхалась где-то в пространстве без связи с конкретным телом. Было хорошо.

Крошка сухо сглотнула. Надо вставать и уходить. С большой радостью уснула бы рядом, чтобы принять первую нежность при пробуждении. Только никакой нежности не будет. Надо уходить, пока Сергей крепко спит, и пусть он выспится.

Она помогла ему пережить первый удар, а его подружка поможет принять жизнь без

сестры окончательно.

Элиз выбралась из-под Сергея и с сомнением поправила разорванную одежду. Прелестно, и как она пойдет? Ладно, это все ерунда. При клубе есть магазин готового платья. Правда, там всё больше праздничное и вычурное. Для людей.

Подошла к пульту, выбрала из коллекции магазина длинное платье с жакетом попроще и переслала заказ сервисной службе клуба.

Нашла контакт на подружку Сергея, вызвала ее в клуб. Девушка перепугалась прямого контакта эскутера и разрыдалась, узнав о смерти Лены. Забормотала что-то о своем сыне. Но потом сообразила, что ребенка может отвести в ясли и... уже выезжает. Это хорошо: пока приедет, успокоится и поможет Сергею.

Элиз усыпила человека еще крепче, раздела и перенесла в постель.

На душе было погано.

Сходила в ванную, намочила полотенце. Умыла и вылечила Сергею мелкие ссадины и ушибы, убрала следы от укуса. После такого всплеска эмоций и энергии он будет спать еще долго, но она все равно подождет женщину.

Больше никогда не сделает подобной ошибки. Не надо было сразу раскрываться. Надо было приручать человека постепенно. Чтобы считал, что любовь зарождается сама. А она была так наивна! Но Сергей прав, как и Джи, это просто не для неё. Она не имеет права на привязанность. Ей нельзя ни с кем дружить.

Глава 25. Ристел и Сергей

Вызов от Вика пришёл очень вовремя. Крошка бестолку тянула время — гоняла по экрану письмо от Ньёса, полное разумных доказательств и просьб снять кураторство над Сергеем. Сергей собирался переселяться к кочевникам. К своей новой семье.

Нет, понятно, что никакой дружбы не будет. Но может ещё подвернётся случай встретиться спокойно и разойтись миром? Если подождать? Пусть пройдет хотя бы декада... Две. Время всегда лечит и успокаивает. Мертвые уже умерли, это не изменишь. Но живые же могут измениться? Могут понять, простить или передумать. Она еще не готова отпустить курируемого. Элиз удовлетворенно поставила метку на письмо: исполнитель принял к сведению, но был срочно вызван на задание. Ответит немедленно после возвращения.

Переключила экран на приёмную Императора.

— Крошка, — Вик хмурился, слегка недовольный ожиданием. — Нужно, чтобы ты посмотрела дневник Криса. Регент пропал где-то на Территориях.

— О, это же праздник, — Элиз радостно улыбнулась Вика, предварительно убедившись сканом, что в секретарской никого, кроме секретаря, нет. — Как это вы его потеряли? В резервации всего-то сотня километров что вдоль, что поперек! Он умер?

— Дневник пишется, — покосился Вик в угол своего экрана. — Крис жив. Но сигнал слишком слабый — система не может локализовать место. Отмечена область около пятидесяти квадратных километров недалеко от Фарнойского хребта.

— Ладно, — хихикнула Крошка. — Я загляну в его дневник. Но может, просто подождём? Он или сам придет, или в крилод попадет.

— Система ненадежна на Территориях, поэтому Крис носит свой крилод с собой. А полный крилод и вне Территорий еле слышен, не мне это тебе объяснять! — Вик на секунду замолчал, успокаиваясь. — Поэтому, лучше искать Криса, пока он жив.

— Хорошо, Вик, извини. Я сейчас пыталась дотянуться до Криса, но там непонятно. Контакт рвётся, словно Крис не здоровенный ажлосс, а какой-то мелкий, наполовину съеденный ртул.

— Крошка, — Вик взглянул укоризненно. — Крис декаду назад отправился навестить семейство Фарра. Ушёл пешком с раскопок — там недалеко, и пропал. Дознаватель Лил поговорила с Фарра, но регента они не видели. Это всё.

— Хорошо, я сейчас к тебе приду, только захвачу шлем.

Конечно, она может влезть в библиотеку с любого пульта связи. Но чтобы потом не писать отчет, лучше сделает это в секретарской. Вик всё и запишет.

Элиз спустилась к нейрофизиологам: эта лаборатория была ближе. Прокралась сканом к морфологам: Джи занят. Джи всегда занят. Не рискнув дотрагиваться до Императора, взяла шлем под расписку «для нужд Империи» и ушла во внутренние коридоры.

Вошла к Вика изнутри, из Императорских покоев.

— Это хорошо, что у тебя никого, я здесь проверю дневник Криса, — сказала Элиз, раскладывая кресло для посетителей в удобный лежак.

— Я так и понял, — буркнул Вик, вставая и передавая сенсор. — И всех выгнал.

— Спасибо, — Элиз надела шлем для полного погружения в систему, легла и накрыла ладонью сенсор. Подключилась, нырнула в библиотеку и слилась с реальным временем дневника Криса.

Мышцы сковала усталость и боль. В сплошной темноте Крис, пересиливая себя, безнадежно долбил подземный ход? Причем, не хотел это делать, но делал. Похожее творилось в головах преступников, работающих под принуждением ошейника. Элиз усмехнулась: наконец-то! На Крису кто-то надел ошейник, запретил ему открывать глаза и уронил в глубокое темное ущелье... Нет, она чувствует на глазах плотно прилегающие, давящие и непроницаемые очки, которые нельзя снимать. Он пытался их снять, но не смог! Передвигается на каких-то ходулях... На руках странные перчатки... Когти? Крис плотно пристегнут к каркасу, кости срослись с металлом... Экзоскелет?

Отмотала день назад: спит, тело подвешено всё в том же каркасе. Еще на день раньше: копает и пытается вырваться... Ещё раньше: копает, спит, кормится через зонд — гадость какая! Опять спит, всё болит, усталость страшная, копает...

Вот! Яркий день в глаза, довольный Лейс, гордо показывающий музей архаичной техники.

— ...Да, конечно, — Крис слушает невнимательно, слегка сбитый с толку завалом технических подробностей. Но он здоров и стоит ногами на земле.

Элиз отметила время и начала откручивать запись вперед, но более короткими интервалами. Поймала тьму, боль и злость. Опять назад...

Ага! Прогулочным шагом топают через холм, спускается в расщелинку. Хрустят веточки под ногами, пахнет мхом и древесным соком. Удар по шее сзади. Упал на руки. Острое разбивает затылок: отстрелили полголовы?

— Что случилось? — Вик дотронулся до вздрогнувшей Крошки.

— Погоди, — Крошка просмотрела запись немного вперед, назад, и села, снимая шлем. — Кажется, его кто-то действительно похитил, — засмеялась в полный голос. — Это же здорово! У нас украли Крису! Я могу показать, где его треснули по башке, но он никого не слышал и не видел. Потом ему, скорее всего, надели ошейник и запретили снимать темные очки. Я не знаю, кто такой сильный, что может скрутить даже стукнутого Крису. А ошейник может надеть только ажлисс. И похититель его кормит, не дотрагиваясь.

— Сдерживайся, пожалуйста. На Территориях его любят, и им будет неприятно твоё веселье, — Вик вернулся за стол.

— Ага, особенно тот ажлисс, что его украл. По-моему, это отличная шутка. Крис вне себя от злости. Может, не будем его искать? Пускай там сидит. Выкопает еще одну Северную базу, на случай если Джи и эту куда отошлёт, — мечтательно потянулась Крошка. После чтения дневника в мышцах осталась неприятная скованность.

— Лил поедет с тобой, чтобы сразу допросить похитителя.

— Крис никого не видел и понятия не имеет, кто его украл. И связаться напрямую не получается — сигнал срывается. Крис слишком слабый.

— Иди-иди, вся Северная база тебя ждет в нетерпении, — замахал Вик, указывая на выход. — Присягнёшь Лил.

Крошка полетела на Север, размышляя, что было бы гораздо проще открыть силовое поле в ближайшем месте перед Фарнойскими горами, перелететь горы флаером. А там уже и на лошадках можно покружить, и нащупать норку, где ковыряется Крис. Нет, будем делать всё по правилам: долго и нудно лететь к главным воротам на базе, протокольно присягать, потом долго и нудно ехать обратно вдоль внутренней стороны силового забора... Может, тогда Крис успеет помереть, а могучий экзекутор окажется не так уж могуч и не сможет найти маленький тихий крилод?

Периодически Крошка бросала скан и слушала. Пыталась поговорить с Крисом. Но регент был слишком слаб. Кажется, он даже не понял, что она не галлюцинация. Ну и наплевать. Она ему не дознаватель, пускай его Лил утешает. Когда его откопает.

Лил, в длинном официальном платье, встретила эзекутора на посадочном карнизе Северной базы.

— Тебе идёт эта теломорфа, — дознаватель важно кивнула, приняв присягу, а Крошка прямо всей кожей почувствовала, что Лил еле удержалась, чтобы сочувственно её не обнять. — Как тебя называть? — Лил не пошла, а прямо выплыла в туннель со стоянки.

— Элиз, — ответила Крошка и, приноравливаясь к величественной походке Лил, тоже еле сдержалась, чтобы не съязвить, что не очень-то Лил рвётся найти обожаемого регента, раз она собирается так неторопясь шествовать весь километр до шлюза.

Два дня Лил, эзекутор и четыре гвардейца сопровождения ехали в фургоне. Элиз, как почётный мертвец лежала с закрытыми глазами, проверяя сканом направление. Но большую часть пути бесстыдно проспала. Потом дорога, отворачивая от предгорий, повернула к селению стаи Сибрист. Фургон скатили с дороги в лес и выпрягли лошадей. Дополнительная лошадь, взятая для Криса, несла на спине разобранную двухколесную повозку. Планер на Территориях ненадёжен, а Крошка не смогла определить, в каком состоянии будет регент и сможет ли он ехать в седле.

Последние несколько километров Элиз тоже не открывала глаз — так было проще ориентироваться и слушать Криса, который упорно процарапывал бесконечный и непонятно почему беспорядочно изогнутый ход.

Они были почти у цели, когда Элиз наткнулась сканом на сына. Нашел место, где охотиться! Сухо и нетерпеливо оттолкнула его: «Уйди! У нас рабочий рейд!»

Въехали в овражек. Нащупала вход в пещеру, откуда светился Крис.

— Никого тут нет, кроме регента, — Элиз спешила и взяла фонарь. Ей фонарь не нужен, но она может помочь и осветить гвардейцам. — Я иду первой.

Солдаты уже отвалили щит, открыв регенту норку. Хорошая просторная дыра — не только эзекутор пройдет, но и гвардейцам не нужно пригибаться. Крис шебуршился где-то там впереди.

Никаких ловушек, как было бы в Лабиринте. Освещения нет, но в стенки на уровне колен вделаны датчики движения. Проход был отрыт очень небрежно: с неровным полом и кривыми стенами, ломаной анфиладой сужений и расширений уходил в глубь, завивался в спираль, пересекал сам себя. словно у проектировщика было неизлечимое нарушение вестибулярного аппарата... По туннелю прикатился грохот и прерывистый, звериный рёв. Крис прекратил царапать стену и бежал к ним навстречу, громко и невразумительно мыча.

— Назад, я не могу его удержать! Все вон! — крикнула Крошка. И всё-таки успела, выбежав последней, повернуться лицом, поймать и удержать обезумевший разум регента.

Из пещеры вывалился грубый механоид. Упал решетчатой горой на подломившиеся суставчатые лапы. Внутри виднелся грязный и худой регент, проткнутый пульсирующими трубками и оплетенный крепежом.

— Посмотрите, там электроды, — раздраженно скомандовала Крошка. — Им кто-то управляет напрямую! Да оторвите же вы их! Я его еле держу.

Регент хрипел, сипел и дергал когтистыми лапами, отмахиваясь от топчущихся вокруг гвардейцев. Крисово тело пыталось встать и разорвать всех, Крисов разум горел и пытался сопротивляться.

— Нет, отойдите вообще! Подальше, — Крошка передумала и, несмотря на протест Лил, побежала вон из оврага. Отпустила Крису и раскинула скан. Проклятье! Один единственный Ристел, но с пультом. Двигает рычажками. Схватила его мысли, сжала его волю... Заставила сесть на стоящую невдалеке какую-то самоходную коляску и привезла.

Из оврага доносился шум, но не драка, а, кажется, разговор. Даже если Крис кого успел поломать, то шестеро ажлисс... Вылечатся.

Привела Ристела в овражек к норе. Взяла из кармана сына пульт, отдала Лил. На сына не смотрела. Не могла смотреть.

— Правом и силой, данными мне Императором... — с надрывом в голосе дознаватель приступила к допросу.

— Я не щенок из твоей стаи! — Ристел замахнулся, но двое гвардейцев поймали и удержали его. — Я не человек, и твой Император не мой вождь! — Ристел пытался отстраниться от рук дознавателя, но гвардейцы усмирили его, прижав лицом вниз к каменистой земле. Сели ему на плечи и ноги.

— Я должна допросить тебя, — Лил склонилась и взяла Ристела за ухо: дознавателю нужен телесный контакт.

Ристел завыл.

Элиз отошла.

Конструкция с регентом внутри лежала на боку. Крис мелко и часто дышал. Оставшиеся два гвардейца ковырялись, отсоединяя корявые механические конечности и дополнительные силовые ребра. Но было видно, что целиком Крису не высвободят: сросшиеся с металлопластом кости можно исправить и обновить только в инкубаторе. Элиз подошла ближе, провела пальцем по основанию черепа регента. Пучок проводов, покрытых засохшей кровью и кровоедными насекомыми, входил в череп и опутывал мозг. Это так просто не выдернешь, все мозги в лапшу раздерешь... Волосы кое-как острижены, оборваны? Тело высохшее и измождённое до предела. Непонятно, как он еще шевелился. Избитый: никакой защиты от падающих камней на экзоскелете не было. Весь в ссадинах, грязи, перемешанной с потом и фекалиями...

«Довольна?» — мысленно спросил Крис.

Элиз отдернула руку, отвернулась.

— Зачем вы создали меня? — снова закричал Ристел. — Мне нет места в вашей клетке!

— По закону Империи ты будешь отрабатывать свое преступление против ажлисс, — бубнила Лил.

Крошка зафиксировала всех ажлисс. Освободила Ристела. Он вскочил, зло отряхиваясь.

Подошла к нему, осторожно дотронулась.

— Дрянь! — Ристел отбросил её руку. — Это тебя надо было запереть в биомеха! Ты когда-нибудь думала, зачем ты существуешь? Зачем ты меня родила? Вот для этого?

Элиз смотрела в глаза сыну и тонула в жалости к нему, к себе. Где-то сзади царापался шепот Крису: «Не смей!» Если бы не этот шепот. Биомех... Он сделал из регента запрещенного биомеханоида! Куратором для Ристела будет регент. Если бы она тоже не рождалась, не попадалась в систему, умерла навсегда... Если бы. Бессмысленное слово.

Элиз вынула нож и одним движением перерезала сыну горло. И тут же, уронив нож, подхватила Ристела, не давая ему упасть на камни, укладывая к себе на колени. Сливаясь с ним сознанием. Обливаясь его горячей кровью, посылая ему всю нежность, которую не дала при жизни, умирая вместе с ним.

Всё...

Элиз бережно, придерживая голову, уложила тело на землю. Вот тоже глупый ритуал: это всего лишь оболочка. Пустая оболочка. Но почему-то было страшно и больно, если бы голова ударилась о камни. И эта раскрытая дыра поперек шеи. Встала. Рубашка гнусно липла к груди и животу, подлые струйки затекли под пояс кожаных штанов...

Оглянулась.

Лил что-то сказала.

Элиз толкнула дознавателя сканом, та шлёпнулась на задницу и замолчала.

Крошка попыталась поднять Ристела, но он почему-то оказался слишком тяжелым. Странно, более крупного Кина носить было легко. Приподняла Ристела под мышки и оттащила в пещеру. В первое расширение его норы. Оставила у стены, где стояли канистры.

Вышла. Закрыла отверстие щитом. Арны съедают по кусочку тел своих мёртвых, остаток закапывают... Не будет она его есть. Нет сил закопать. Везти в конвертор? Да, он хотел уйти с Территорий, но не так. Вывести его пустое тело было бы издевательством.

Гвардейцы собрали повозку. Приспособивались, как уложить регента.

Нашла свой нож.

Обтерла его о широкий рукав экзекуторской рубахи.

— Элиз, милочка, ты же... — снова заговорила Лил.

Крошка вскочила на лошадь и погнала к базе. Плевать на ещё одно нарушение... Теперь это всё неважно.

Где-то к ночи биолошадь устала и пошла шагом, требуя отдыха. Тогда Крошка бросила животное и побежала сама. Потом лошадь ее догнала. Отдохнувшая и, возможно, поймавшая какую-нибудь еду.

Крошка снова летела вскачь.

Не слезая с седла открыла шлюз, прорысила до стоянки флаеров, сметая сканом ажлисс, которые спрашивали всякую чушь. Оставила неубранную лошадь, вылетела домой.

Она не умерла. Замерзла. На полу измазанном кровью — три отрезанных пальца. Боли не было. Покрутила рукой перед глазами — все пальцы на месте. Рубашка лохмотьями. Живот тоже давно залечился. Что она чувствовала? Ничего. Только тяжесть. Вместо мозга — вязкий свинец. Она убила своего сына. У неё нет и не было сына. Когда-нибудь Ристел умер бы и сам. Ни люди, ни арны долго не живут.

Перебралась к навигатору. Приближался Лакстор. Оперлась лбом о панель. Тело было чужое, чувствовала все, как сквозь камень. Она пыталась разбудить чувства, но нож не помогал. Хотелось содрать с себя кожу и руками отвалить тот камень, что давил на сердце. Но не было сил. Это глупо, что она теряет сознание от сильной боли, а слабая боль слишком слаба.

Так не пойдёт.

Переадресовала навигатор.

Откинулась на спину, закрыла глаза.

Вытянула щупальце скана, нашла Сергея. Положила его руками инструменты, подвела к начальнику гаража:

— Каэр, мне нужно срочно уйти. Меня вызывает экзекутор.

Повела его на станцию трамвая, к монорельсу, к парковке у сафари... Порадовалась, как красиво получилось всё свести: флаер садится, открывается купол, а Сергей уже поворачивает с дорожки. Несколько шагов — и он в кресле.

Флаер посадила навигация.

Крошка смотрела в пол и держала Сергея крепко, словно в кулаке. Вела ничего не объясняя: лишние разговоры — лишний шум. Держалась за него.

Добралась к тренажёрному залу, отшвыривая встречных ажлисс в стороны, делясь своей болью.

Вытащила из стены раму, закрепила в ней Сергея. Где-то совсем в глубине его или её сердца пищал слабый голосок, пытающийся остановить. Взывающий, проклинаящий и умоляющий не делать то, что она задумала. Но она не могла чувствовать. Она, он? Всё утонуло в густой тёмной тоске. Ей надо проснуться, надо разбудить себя. Она не знает другого способа.

Срезала одежду лентами, рисуя на вздрагивающем теле тонкие царапины. Разрезы сочились кровавым бисером. Провела ножом под ключицами, перечёркивая вертикальные линии. Поймала струйку крови на лезвие. Лизнула. От вкуса крови чуть не вырвало.

Открылись двери, подбежал Генри:

— Крошка, нет!..

Она замерла на секунду, включила силовое поле экзекуторского ножа и, не оборачиваясь, махнула за себя, отсекая стюарду голову. Широкий фонтан ударил дугой, тело рухнуло назад и вбок. Голова подкатилась под ноги. Элиз оттолкнула голову подошвой. Постояла без движения, словно вспоминая.

Уронила нож. Потщила труп стюарда вон, волоча за ноги.

* * *

Сергей попытался дотянуться до ножа носком ботинка, но только бессмысленно трепыхнулся. Но показалось, что гипноз экзекуторши ослабел, и хотелось что-то сделать. Горела расцарапанная ножом грудь. И как она угробила андроида! Чик и всё. Кровавое озеро стюардовой крови уменьшалось на глазах: покрытие впитывало? А голову тоже в пол втянет? А если она всё-таки его убьёт, то его труп тоже пол сожрёт?.. Мысли летели как бешеные.

Когда он против воли сажился во флаер к явно сдвинувшейся экзекуторше и заметил на полу отубленные пальцы, то подумал, что больше испугаться просто невозможно. Сейчас он был в ужасе. И, кажется, тоже сходил с ума.

Экзекуторша вернулась, всё так же неторопливо и скупно двигаясь. Похожая на куклу, у которой кончается завод. Толкнула ладонью, размазывая по груди кровь. Не открывая глаз, кончиками пальцев прикоснулась к скуле и ножом проткнула горло, разрешила грудь.

Сергей откинул голову, изгибаясь от боли, зная, что это галлюцинация, нож остался лежать на полу. Но это не делало боль меньше. Наоборот, боль как будто отрастила лепестки и расцветала острым цветком, лезла ядовитым плющом по костям. Элиз обняла его, прижалась. Гладила, и под её руками он умирал и горел. Он понял, почувствовал, что она впитывает его боль и отдаёт обратно. Пьёт сама и поит его. Элиз подобрала нож, скользила по его телу и резала уже по-настоящему. Сползла на пол, уткнулась ему в колени. Держала его, сжатого в безмолвном крике. Он слышал её плач и плакал вместе с ней.

...Возьми меня к себе! Возьми кровью, острием ножа. Войду в тебя, разойдусь по жилам, втеку в каждый нерв. Перестану жить, перестану быть. Сольюсь с тобой и остануть в тебе навсегда. Впусти меня. Я спасу тебя. Все будет хорошо. Боль нужна слабым. Ты

поймешь, я показала тебе как. На самом деле это не нужно, но хорошо хоть раз почувствовать. То, что потом ты будешь уметь...

Сергей бился, выскальзывал из её кровавых рук, из паутины тонких разрезов, истекающих жадным огнем. Она пила его отчаяние, его боль, тонула в нем. Если бы она могла утонуть. Если бы развеялся этот саван тьмы, что закрыл весь мир. Она слепо падала по остро звенящей струне чужой боли, уносясь в бордовую пропасть и молила, молилась, чтобы человек был сильным. Чтобы он мог ответить и разрушить бездну, куда она попала и не видела выхода.

Они плыли в чаду, в дымящейся боли, и растворялись в ней, избавляясь от мыслей, от тяжести тел. Плоть становилась невесомой. Они смогут чувствовать, смогут жить. Но зачем?

Он бился внутри своего тела, но погружался в черноту отчаяния вместе с ней. Рвался, пытаясь отстраниться, оттолкнуться. И вдруг он расширился. Стены стали прозрачными, он слился со стенами, проходил их насквозь, вбирал в себя людей...

Страх унесся мелким пухом, он мог коснуться и почувствовать серые контуры помещений, механизмов и андроидов. Он сам разлетелся многоцветьем биополей людей и ажлисс. Они все чувствовали его боль, кричали вместе с ним. Он соединил их собой, вобрал в себя, стал ими.

Боль схлопнулась и исчезла. А он увидел, нет, почувствовал, как засуетились, забегали отпущенные люди и ажлисс по всей базе, на всех этажах... Он вырастил длинные нервы, которыми соединился с каждым, слышал, видел, знал всё и везде...

Джи.

Раскаленный добела прут фантома вонзился в рот и пробил горло, сжигая язык, обугливая...

Всё кончилось.

Накрыло тишиной.

Прошуршали закрывающиеся двери.

Стремительно приблизился высокий, жилистый мужчина в белой футболке и брюках. На плече безрукавки — вышитый белым шёлком вензель. Джи. Он что, врач? Да нет же!

Император мельком взглянул на распятого Сергея, отползшую к стене и там затихшую Элиз. Опустил взгляд к голове стюарда. Ринулся к пульту связи.

«Это Джи. Император. Откуда я знаю?!» — Сергей усилием воли сконцентрировался. Накрыло слабостью. Пот затекал в раны и они жгли вернувшейся болью. Оковы врезались в руки и ноги.

— Вы тут все совсем охренели? — закричал, и закашлялся пересохшим горлом.

— Помолчи, пожалуйста, — не оборачиваясь, Джи нетерпеливо поднял указательный палец и заговорил в экран. — Рис, вызываю тебя на императорскую базу. Ты немедленно увезёшь в свой дозен Сергея Калинина — его надо убрать с Геарджойи.

— У меня, мать вашу, есть жена и ребенок! — заорал Сергей.

— Не кричи, — Джи снова помахал пальцем. — Слышал, Рис? Свяжись с Ньёсом, это сто восемьдесят четвертый дозен Лакстора. Пусть подготовит его семью и вещи, если какие есть, и привезет в Малый портал. Приказ пересылаю.

Элиз не подавала признаков жизни.

Император отошёл куда-то за спину Сергея, вернулся с бутылкой воды.

— Я приношу тебе извинения за всё, что случилось, — Джи посмотрел Сергею в глаза и кивнул. Налил в ладонь воды и начал заращивать его раны.

Сергей ничего не чувствовал, тело висело чучелом. Да он вообще ничего не чувствовал, кроме желания дать Джи в морду.

— К сожалению, это моя вина, — уравновешенным голосом продолжил Император. — Экзекутор оказался психически неустойчив. Я тебя отстегну, ты пойдешь в гигиенический отсек — он открыт. Увидишь, это сзади, за тобой. Одежду выберешь там же, — нажал на раму и пути раскрылись.

— А эта тварь? — Сергей опустил руки и отступил, ловя равновесие. Внезапно заболела спина и ребра. Отозвались растянутые связки. — Эта садистка грёбанная?

— Я надеюсь, ты разумный человек, — Джи отошел к экрану системы и сел на полупрозрачную табуретку, которую достал из-под пульта. — Больше тебя преследовать никто не будет, я специально отсылаю тебя туда, где ты будешь в безопасности.

— С-скотина! Ты издеваешься? — Сергей рефлекторно потёр разбитое наручником запястье. Нет, он понимал, что сейчас дать в морду Императору — не самое умное или подходящее решение. Да и не выйдет, скорее всего, до этого мерзавца даже дотронуться — экзекуторов тут больше чем людей...

— Я прошу прощения, но мне надо успокоить людей и сделать кое-какие распоряжения. Элиз неоднократно нарушила закон и будет казнена. Приведи себя в порядок. Ты же не хочешь напугать свою жену? Всё необходимое ты найдешь там, — и Джи указал назад, где светилась душевая.

Сергей молча ушёл и закрылся в гигиеническом углу.

Умылся, оделся, взял себя в руки. Нашел какие-то тряпки, интересно, чьи. Императору малы, для Стива велики. Вымыл ботинки изнутри и снаружи от натекшей крови и раздраженно высушил в душевой кабине. Радуюсь, что есть причина не выходить раньше времени. Находится рядом с Джи и этой психопаткой, каждую минуту ожидая очередной выверт. Сушил ботинки и проклинал себя за трусость.

— Сергей Калинин, прошу на выход! Тебе пора, — громко позвал Джи.

Сергей вышел. У дверей стоял навтыжку, как какой-то дикий камергер, медведеобразный мужик с серыми бакенбардами на тяжелой гориллячьей челюсти. Арн, вспомнил Сергей.

— Меня зовут Рис, я арн и одновременно ажлисс, — низким рокочущим голосом заявил мужик и без улыбки склонил голову. — Пойдем, твоя семья тебя ждёт. Всё будет хорошо.

Сергей захотел огрызнуться, что ажлисс упорно уничтожали его самого и его семью, но арн одним движением переместился вон и уже из коридора добавил:

— Прощаться необязательно, но лучше поторопиться!

Сергей глянул: Элиз все так же лежала у стены, обняв себя руками. Джи сидел на кровати с решетчатыми спинками, которая невеста к чему была в тренажерном зале. Подложил под локоть цилиндрическую подушку и пялился в стену. Сергей махнул рукой и зашагал за арном.

Глава 26. Крошка и Джи

Элиз открыла глаза и села. Вроаррист увёз Сергея. Можно отпускать Джи.

— Из тебя вышел бы неплохой заместитель, — Джи сел свободнее, закинул одну ногу на матрас. Почесал нос. Хмыкнул: — Давно мной не управляли. И как я должен эту демонстрацию понимать? Ты закрылась. Неужели ты боишься меня?

Крошка разглядывала сложенные на коленях руки. Но вечно молчать нельзя.

— Отдай мой крилод, — решила.

— Ты так боишься Криса? — Джи лег и так близко... Оперся подбородком о скрещенные руки.

— Я убью Криса, — еле слышно выдавила из себя Крошка. Язык не слушался, говорить было тяжело. Она чувствовала его дыхание на щеке. Но пускать Джи в душу было нельзя. — Я нарушила закон. Неоднократно. Нарушила присягу. Напугала людей, использовала в своих интересах курируемого. Ты обязан меня убить. Я устала.

— Я не буду тебя наказывать. Тебе просто надо отдохнуть. А потом мы поговорим.

— Я убью тебя, — прошептала Крошка и посмотрела на Джи. Ей казалось, ненависти сочтется и сквозь блок, которым она наглухо закрылась. — Отдохнуть?! Поговорить? Ты украл моё имя, семью... Всё. Из-за тебя... И просто отдохнуть? Я не хочу. Я отдыхаю тридцать стандартных лет. Это почти пятьдесят лет на Сэмле. Два поколения. Вырасти самому, вырастить детей. Всё. Я убила сына. Моя жизнь не нужна. Принеси мой крилод. Я не хочу заставлять тебя, — прерывисто вздохнула и закрыла глаза. Нет, кричать она не будет.

Услышала, как Джи встал и ушел. Почти беззвучно открылась и закрылась дверь тайного хода в его комнаты.

Пока она чуть ли не кричала на него, Джи выглядел странно довольным? Без скана она разучилась понимать Джи. Это была любовь? Ах да, у ажлисс нет любви. У Джи есть запасные экзекуторы. Было это равнодушие? А не все ли равно? Её на самом давно нет. Это просто запись, которая идет без его участия. Она умрет как нарушитель закона и сотрут её дневник. Сколько раз она умирала? Она давно уже не в своем истинное теле. На самом деле она давно умерла. Ей просто надо выключить бессмысленно повторяющуюся запись. В истлевшей от старости записи было, что она любила того, кто там сидел на кровати. Кто ушёл. Но ажлисс не умеют любить... Она не хочет быть ажлисс. Не может... Руки упорно болели...

Рядом неожиданно упал крилод. А она на долю секунды всё-таки понадеялась, что Джи захочет её остановить. Взглянула на Джи. Но он сидел напротив и молча смотрел.

Протянула руку, подтащила к себе нож, включила. Накрыла ладонью крилод — да, это её. Её жизнь. Срезала оправу, разбила внутреннюю антенку. Положила обнажённый кристалл и сделала несколько насечек. Ловушка замолчала. Сжала в кулак — всё, совсем всё... Умерла.

Задержала дыхание и коротким точным взмахом перезала себе горло под левой скулой. Успела подумать, что как удачно не задела трахею и не будет давиться кровью.

Джи бросился и прижал к ране новый прозрачный кристалл, одновременно настраивая его. Крилод помутнел, втягивая в себя душу. Стал молочно белым...

Опущенное тело дрогнуло последней судорогой и расслабилось. Умерло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net